48

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛЪДН.

выпускъ четвертый

Цвна 50 коп.

 — Кинтоиздатільское Т-во "Просвъщена" т
 С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ. № 29

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Выпускъ четвертый.

Реакціонныя послъдствія Мартовской революціи.

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія д-ра М. Е. Ліона.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во "Просвѣщеніе", 7 рота, собствен. д. 20.

Оглавленіе.

Реакціонныя послідствія Мартовской революці	H.
C	TP.
Глава пятая.	
Кельнскій процессь коммунистовъ	3
Глава шестая.	
Пятидесятые годы	19
	19
2. Экономическій подъемъ	39
3. Буржуазная литература и философія	47
Глава седьмая.	
Успъхи научнаго коммунизма	57
	63
2. Марксъ о товаръ и деньгахъ	7 2
	83
*	93
5. Главный трудъ Лассаля по философіи	
права	05
Глава восьмая.	
Европейскій кризись 1859 года 1	3 0
Глава девятая.	
Прусскій конституціонный конфликть 1	54
1. "Новая эра" и министерство Бисмарка . 1	54
	76
3. Лассаль и прогрессистская партія 1	89
	14

Реакціонныя послѣдствія Мартовской революціи.

Глава пятая.

Кельнскій процессь коммунистовь.

Перенесеніе Центральнаго Комитета въ Кельнъ не спасло единства организаціи въ Союзѣ Коммунистовъ: существовавшій антагонизмъ перешелъ въ открытую войну. Еще въ рѣшительномъ засѣданіи Цевтральнаго Комитета отъ 15 сентября Виллихъ былъ вызванъ Шраммомъ на дуэль на пистолетахъ, состоявшуюся въ Антверпенѣ и кончившуюся легкимъ пораненіемъ Шрамма. Марксъ и Энгельсъ, конечно, строго осудили дуэль, но не могли помѣшать ей.

Въ самомъ предметъ спора большинство Центральнаго Комитета было на ихъ сторонъ, но это большинство отнюдь не соотвътствовало большинству въ союзв. Громадное число новыхъ членовъ, доставленныхъ ему революціонной волною, продолжало кружиться въ этомъ потокъ и не обладало такой выдержкой, какъ рабочіе, подобные Бауеру, Эккаріусу, Пфендеру. Общество для самсобразованія рабочихъ въ Лондонъ, изъ котораго Марксъ, Энгельсъ, Бауеръ, Эккаріусъ. Пфендеръ, Зейлеръ, Шраммъ, Фердинандъ Вольфъ, Либкнехтъ и нъкоторые другіе вышли 17 сентября, сочувствовало Виллиху и Шапперу такъ же, какъ и лондонскій районъ, который самовластно лишилъ полномочій прежнихъ членовъ Центральнаго Комитета, исключилъ изъ союза Маркса и его единомы пленниковъ и избралъ новый Центральный Комитетъ, ядро котораго

составило меньшинство 15 сентября. Правда, Кельнскій районъ взяль на себя миссію, которую возложило на него въ этотъ день большинство. Онъ избралъ новый Центральный Комитеть, въ которомъ засъдали Беккеръ, Бюргерсъ и сигарочникъ Рёзеръ, и поручилъ Эккаріусу, съ одной стороны, и Шапперу, съ другой, создать въ Лондонъ по одному новому району. Въ отвътъ на это, однако, Виллихъ и Шапперъ отправили въ Кельнъ уполномоченнаго, который долженъ былъ сперва добромъ уговорить тамошній районъ капитулировать, въ случат же несогласія-исключить его изъ союза. Кельнскій районъ не сдался и на заявленіе уполномоченнаго, что онъ исключенъ, отвъчалъ, что старый лондонскій районъ и его Центральный Комитеть этимъ поступкомъ сами исключаютъ себя изъ союза. Такъ распался Союзъ Коммунистовъ на двъ фракціи.

Отдълившійся союзъ Виллихъ-Шаппера какъ-будто одержаль побъду. Но въ дъйствительности онъ жиль отнынъ только для того, чтобы подтачивать корни собственнаго существованія. Игра въ революцію, ради которой онъ вызваль расколь, обезсиливала его тъмъ въ большей степени, чъмъ больше она доставляла ему ненадежныхъ членовъ, отъ пустаго хвастуна до тонкаго шпіона. Такъ, онъ основаль въ Парижъ три новыхъ кружка, польза отъ которыхъ была, однако, болве чвмъ сомнительна: господствовавшій въ нихъ напыщенно-кровожадный цыганскій павосъ, пожалуй, былъ еще объяснимъ у революціонеровъ 30-хъ годовъ, но являлся чистымъ ребячествомъ послъ опыта дъйствительной революціи. Не ушли также далеко отъ этого Виллихъ и Шапперъ въ своихъ обращеніяхъ къ созданному ими самостоятельному союзу. Иронизируя надъ "кликой Маркса-Энгельса", не признавая ее способной что-либо организовать или практически выполнить, они восхваляли себя, какъ "людей дъла", въ противоположность членамъ-"литераторамъ", занимающимся "только писаніемъ". Въ январъ 1851 г.

Виллихъ писалъ Беккеру въ Кельнъ, чтобы тотъ попытался революціонизировать кельнскій гарнизонъ: когда же кельнская революція будеть готова, онъ не откажется, пожалуй, взять на себя руководительство дальнъйшими операціями. Беккеръ въ письмъ къ Марксу совершенно вфрно охарактеризовалъ этотъ способъ устраиванія революцій такими словами: "Виллихъ своими глупостями собъетъ съ толку еще безчисленное множество людей. Одно такое письмо могло бы на три года обезпечить жалованье сотив судей по революціоннымъ дъламъ". Виллихъ адресовалъ также напыщенное посланіе къ прусскимъ офицерамъ, которое, конечно, красовалось черезъ три дня на столбцахъ "Крестовой Газеты".

Рядомъ съ этимъ сепаративный союзъ Виллихъ-Шаппера участвовалъ также во всевозможныхъ допкихотствахъ буржуазно-демократической эмиграціи. Вмъсть съ Кинкелемъ Виллихъ принималъ участіе въ глупой затыв основать нымецкую революцію на акціяхъ. Кинкель, который уже передъ раштаттскимъ судомъ проявилъ полнъйшую несостоятельность, но былъ окруженъ ореоломъ мученика, благодаря мстительности прусскаго короля, послъ бъгства своего изъ шпандауской каторжной тюрьмы, играль въ Лондонъ сомнительную роль интереснаго салоннаго демагога, которую Фрейлиграть осмъяль въ своихъ остроумныхъ стихахъ. По примъру Кошута, овъ предпринялъ путешествіе въ Соединенные Штаты въ цёляхъ революціи. Но такъ какъ онъ все же не былъ Кошутомъ, то не привезъ даже такой суммы, какъ последній, а лишь какихъ-нибудь 1,500 фунтовъ стерлинговъ, изъ конхъ около трети, послъ всевозможныхъ дрязгъ, было отнесено на путевыя издержки и другіе расходы. Остатокъ быль внесень въ англійскій банкъ, какъ оборотный капиталъ для перваго нъмецкаго временного правительства. И во всей этой комедіи съ большимъ воодушевленіемъ участвовалъ Виллихъ!

Несравненно серьезнъе отнесся къ своей задачъ остатокъ прежняго союза. Въ воззваніи Кельнскаго Центральнаго Комитета отъ 1 декабря 1850 г. нътъ и тъни самохвальства новаго союза. Оно, наоборотъ, нисколько не скрывало того, что внутренніе раздоры расшатали союзъ. Четыре эмиссара, отправленные, по одному, въ южную Германію, Рейнскую провинцію, королевство Саксонію и Силезію, привезли мало утъщительнаго. Собственно, въ одной только Рейнской провинціи существовала болье сплоченная организація, но и она была не сильна. Кельнскій же и Франкфуртскій районы насчитывали всь вмъсть только 11 общинъ.

Одинъ изъ упомянутыхъ эмиссаровъ, портняжный подмастерье Нотьюнгъ, былъ случайно арестованъ въ Лейпцигъ 10 мая 1851 г. изъ-за отсутствія удостовъренія о личности. Полиція нашла у него "Коммунистическій манифестъ", статуты Союза Коммунистовъ, воззванія Центральнаго Комитета отъ марта и декабря 1850, письма Беккера и Бюргера и множество адресовъ. Эти слъды и признаніе приказчика Гаупта, арестованнаго въ Гамбургъ, привели къ открытію Кельнскаго Центральнаго Комитета. Одиннадцать членовъ союза были привлечены за попытку государственной измъны и взяты подъ стражу: Нотьюнгь, Беккеръ, Бюргеръ, Резеръ, приказчики Эргардъ и Рейфъ, портняжный подмастерье Лесснеръ, химикъ Отто и три врача, Даніельсь, Якоби и Клейнъ. Фрейлиграть, котораго тоже хотвли привлечь, находился уже въ Лондонъ, куда не достигала рука прусской юстипіи.

Прусское правительство усердно старалось создать изъ этого обвиненія громкое государственное дѣло. Оно прекрасно понимало, конечно, практическую безопасность союза въ тогдашнемъ его состояніи; но контръ-революціи былъ нуженъ пугающій призракъ грознаго заговора для того, чтобы сломить послѣдніе

остатки сопротивленія въ буржуваномъ классъ. Притомъ суды присяжныхъ проявляли до сихъ поръ въкоторую независимость, съ которою следовало покончить. Наконецъ, нужно было вывести полицію изъ состоянія домартовской безтолковости, которое сділалось посмъщищемъ цълаго свъта въ процессъ противъ Вальдека по обвиненію въ государственной измънъ, и поднять ее на ту высоту утонченнаго государственнаго искусства, безъ котораго, какъ это хорошо понимали даже юнкера, нельзя было обойтись въ въкъ промышленности. Для всъхъ этихъ благородныхъ цълей процессъ кельнскихъ коммунистовъ являлся превосходной пробой. На рабочихъ можно было испробовать остроту оружія, которымъ собирались крошить буржуазію. Съ большимъ звономъ было объявлено, что въ лицъ кельнскихъ обвиняемыхъ захвачены главари противогосударственнаго заговора, охватившаго цивилизованный мірь на подобіе вампира.

Правда, въ самомъ началв этого блестящаго пути стояло, повидимому, непреодолимое препятствіе. Всв улики, собранныя полиціей и судебными властями, доказывали только, что Союзъ Коммунистовъ не былъ ни тайнымъ, ни опаснымъ заговоромъ; то было лишь тайное общество для пропаганды, а противъ такого общества въ кодексъ не имълось наказаній. "Коммунистическій мавифесть" каждой своей строчкой протестоваль противъ обвиненія его въ стремленіи подстрекать къ заговорамъ; воззванія же Центральнаго Комитета, которыя были захвачены у Нотьюнга, занимались исключительно отношеніемъ коммунистовъ къ будущему правительству демократіи и не имъли, стало быть, отношенія къ современному правительству романтического короля И, дъйствительно. обвинительная камера апелляціоннаго суда нашла въ октябръ 1851 года, что фактическихъ д нныхъ для обвиненія въ дълъ не имъется, и поэтому нужно начать слъдствіе сначала.

И чъмъ большія препятствія воздвигались на пути, тъмъ заманчивъе становилась цъль. Если ве было доказательствъ, то политическая полиція должна была сумъть создать ихъ, а если буржуазные присяжные не умъли осуждать безъ уликъ или на основани ложныхъ уликъ, то тъмъ паче слъдовало развратить ихъ. Въ этомъ смыслъ тотчасъ послъ ареста Нотывнга даны были соотвътственныя инструкціи полицейрату Штиберу, который еще весною 1851 года былъ командированъ на лондонскую промышленную выставку, чтобы следить за немецкими бытлецами. Въ революціонные годы онъ стоялъ въ ряду восторженныхъ борцовъ за свободу и защищалъ высказавшихся за отказъ отъ уплаты налоговъ. Но затъмъ, когда съ революціей нельзя было уже делать никакихъ делъ, онъ покаялся и вернулся въ лоно полиціи. Правда, даже президентъ берлинской полиціи ф. Гипкельлей быль противъ вторичнаго приглашенія на службу этого отверженнаго и всюду опороченнаго человъка, но королевскій орель милостиво простерь надъ нимъ свои крылья. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который самъ мнилъ себя художникомъ, съ утонченной злобой замънилъ поэту и историку искусства Кинкелю болъе строгое наказаніе пряденіемъ шерсти въ каторжной тюрьмъ. И когла Кинкель счастливо убъжалъ отъ этой медленной смерти, то богобоязненный моцархъ написалъ Мантейфелю: "Это навело меня на мысль, которую я не могу признать совствить чистою: не будетъ ли Штиберъ подходящею личностью для того, чтобы разоблачить нити освободительнаго заговора и раскрыть передъ прусской публикой давно и справедливо желанное арълище доказаннаго, а главное - наказаннаго комплота? Поэтому поторонитесь съ назначеніемъ Штибера, и пусть онъ исполнить свой пробный урокъ. Думаю, что эта мысль дасть хорошія послідствія и придаю большое значеніе скоръйшему осуществленію ея". Такимъ образомъ, Штиберъ получилъ отъ самого короля благословеніе на провокаторскую дізтельность и поторопился примінить свои таланты и въ этомъ направленіи.

Въ Лондонъ онъ скоро напалъ на слъды фракціи Виллихъ-Шаппера и поручилъ шпіону Рейтеру, который жиль въ одномъ домв съ секретаремъ этой фракціи, украсть ея корреспонденцію. Имъя въ рукахъ такой кладъ, Штиберъ ловко воспользовался имъ. Онъ отправилъ въ Парижъ шпіона Флери, который собственно назывался Краузе, быть сыномъ разбойника и съ дътства поочередно то отсиживалъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, то занимался воровствомъ или полицейскимъ шпіонствомъ. Здесь нужно было создать систематическій ваговоръ въ общинахъ Виллихъ-Шапперовскаго тайнаго союза. Чутье полицейскагосыщика подсказало Штиберу, на основаніи украденной корреспонденціи, что парижскія общины являются благопріятной почвой для провокаторовъ. Онъ понималъ также, что бонапартистская полиція наканунъ государственнаго переворота, котораго ожидаль весь мірь, отнесется благосклонно къ предлагаемому ей подарку въ видъ готоваго заговора и сумъетъ его использовать.

Такъ, дъйствительно, и случилось. Задача Флери удалась тъмъ легче, что въ самыхъ парижскихъ общинахъ онъ встрътилъ на ряду съ честными сумасбродами отъявленнаго негодяя, нъкоего Шерваля, кокоторый уже раньше служилъ прусскому посланнику въ Парижъ въ качествъ шпіона. Собственно, этотъ Шерваль не былъ ирландцемъ, какъ онъ утверждалъ, а настоящимъ рейнскимъ пруссакомъ по фамиліи Кремеръ. Въ 1844 году онъ былъ осужденъ за поддълку векселей и бъжалъ изъ ахенской тюрьмы. Такой же типъ, нъкій Гипперихъ, руководилъ страсбургской общиной Виллихъ-Шапперовской фракціи. Къ сентябрю 1851 года Флери настолько уже подготовилъ почву, что Штиберу вмъстъ съ полицейскимъ лейтепантомъ Грейфомъ оставалось только пріъхать въ Па-

рижъ и открыть заговоръ, имъющій целью ниспроверженіе французскаго государственнаго строя, при бенгальскомъ свъть спасенія государства. И такъ какъ въ этомъ случав съ юридической стороны существоваль заговоръ, то въ результать въ февраль 1852 г. нъсколько несчастныхъ нъмецкихъ рабочихъ были приговорены, на основани вердикта парижскихъ присяжныхъ, къ болве или менъе продолжительному лишенію свободы. Шерваль и Гипперихъ были, какъ будто, наказаны несравненно строже, именно, были приговорены къ восьми годамъ тюремнаго заключенія. Но то была, конечно, чистая комедія, такъ какъ тотчасъ послъ осужденія имъ дали возможность бъжать изъ тюрьмы. Какъ бонапартистскіе, такъ и прусскіе спасители государства согласны были въ томъ, что такіе полезные люди не должны сидъть праздно за шведскими гардинами.

Хотя этотъ полицейскій походъ можно признать въ своемъ родъ успъшнымъ, но главная цъль, которую онъ преследовалъ, все же имъ не была достигнута: онъ не доставилъ матерьяла противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Нельзя было вавалить на нихъ отвътственность за заговоръ, который былъ устроенъ полиціей лишь посль ареста ихъ. Изъ всего, что было обнаружено въ отношеніи парижскихъ общинъ, нельзя было почерпнуть ни единаго указанія на Кельнскій Центральный Комптетъ или на фракцію Маркса-Энгельса. Правда, въ бумагахъ, украденныхъ Рейтеромъ, найдена была одна, подписанная Марксомъ и его друзьями, но то было совершенно невинное заявленіе въ полторы строчки отъ 17 сентября 1850 г., гдъ они заявляли о своемъ выступлени изъ лондонскаго общества самообразованія рабочихъ. Тъ, дъйствительно, цвиные документы, которые добылъ Штиберъ, которые могли привести въ ужасъ буржуазныхъ присяжныхъ, вродъ переписки, напр, между Шервалемъ и Гипперихомъ, не находились ни въ какой, хотя бы самой отдаленной связи, съ кельнскими обвиняемыми.

Въ виду этого прусская полиція перенесла поле своей дъятельности обратно въ Лондонъ. Къ фракціи Виллихъ-Шаппера присосался лейтенанть Генце, сдълавшій адісь первые шаги въ сферів провокаторства. Вскоръ онъ прославился въ этомъ направленіи, какъ показали процессы противъ Ладендорфа и Виггерса. Однако, фракція Виллихъ-Шапера не давала особеннаго матеріала и, во всякомъ случав, не дала того, что требовалось противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Грейфъ, который въ это время былъ прикомандированъ къ прусскому посольству въ Лондонъ, объяснилъ сыщику Вильгельму Гиршу, что необходимо, во что бы то ни стало, добыть отчеты о тайныхъ засъданіяхъ союза партіи Маркса, но только, чтобы они не переходили за предълы въроятности. Флери же, который поселился въ англійской столицъ, какъ простой купецъ, такъ объяснилъ тому же сыщику желаніе прусской полиціи: "Главное діло документы; если нельзя заполучить ихъ, то нужно устроить какъ-нибудь иначе". Гиршъ, приказчикъ изъ Гамбурга, сумълъ втереться въ декабръ 1850 года подъ маской коммунистаэмигранта въ частное общество, гдъ Марксъ разъ въ недълю сходился со своими друзьями. Но уже въ январъ 1851 года онъ былъ изобличенъ и немедленно изгнанъ. Партія Маркса была настолько коварна, что не доставила ни одного атома, которымъ можно было бы воспользоваться противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Флери и Гиршу пришлось дъйствовать на собственный страхъ. Въ домъ Флери, въ верхнемъ этажъ котораго жилъ молодецъ Грейфъ, они еженедъльно составляли отчеты о тайных в засъданіях в партіи Маркса и за большія деньги продавали нхъ прусскому правительству, а последнее наивно верило, что безсмысленная болтовня двухъ необразованныхъ негодяевъ и есть самая сокровенная мудрость Маркса и Энгельса.

Тъмъ не менъе, обладая возраставшей грудой объективныхъ фактовъ, правительство, повидимому, все же чувствовало себя не особенно хорошо. Гласное разбирательство дъла кельнскихъ обвиняемыхъ откладывалось оть одной сессіи присяжныхъ до другой. Директоръ полиціи въ Кельнъ, президентъ полиціи въ Берлинъ, министерства юстиціи и внутреннихъ дълъ безпрерывно вмъшивались въ ходъ слъдствія, но всегда конецъ пъсенки былъ одинъ и тотъ же: изъ ничего ничего и не будеть. Мало того, главный свидътель, Гауптъ, еще до начала процесса былъ отправленъ родными въ Бразилію, такъ какъ они стыдились его измъны, а публика становилась все нетерпъливъе. Наконецъ, черезъ 11/2 года нужно было ръшиться поднять завъсу надъ сенсаціонной комедіей, о которой было такъ громко возвъщено. При этомъ были приняты самыя утонченныя мъры предосторожности. Присяжные, тщательно профильтрованные, представляли отборную коллекцію трусовъ изъ господствующихъ классовъ. Защитникамъ, вопреки прямому закону, воспрещенно было имъть сношенія съ обвиняемыми даже послъ врученія обвинительнаго акта. Черный кабинеть почтоваго въдомства, который въ прусскомъ государствъ издавна умълъ неподражаемо организовать кражу писемъ, получилъ на этотъ разъ предписаніе превзойти самого себя и отръзать защить всякую помощь извив. Штиберъ уже энергично приготовился, какъ свидътель, давать одпо показаніе за другимъ.

Судъ продолжался шесть недъль, отъ 7 октября до 12 ноября 1852 года. Дъло не обощлось безъ маленькихъ полицейскихъ инцидентовъ, какъ, напримъръ, предъявленіе безсмысленной рукописи, которая, будто бы, была написана Марксомъ, но подложность которой была немедленно обнаружена. Кромъ того, Штиберъ старался запутать обвиняемыхъ въ заговоръ Шерваля, перемъщивая имена и числа и не брезгая самой отъявленной ложью, если только не было опас-

ности, что она тотчасъ обнаружится. Разбойничье письмо Шерваля къ Гиппериху было прочитано три раза для того, чтобы убъдить присяжныхъ въ преступномъ злодъйствъ коммунизма. И, однако, всъ ложныя показанія Штибера ни къ чему не привели. Невзирая на ограниченный върноподданническій умъ буржуазныхъ присяжныхъ, несмотря на весь страхъ ихъ за священную собственность, простая логика говорила, что обвиняемые никоимъ образомъ не могутъ быть отвътственны за заговоръ, который былъ устроенъ во время ихъ ареста полицейскими провокаторами въ организаціи, находившейся въ явной враждъ съ подсудимыми.

Штиберу было ясно, что ему необходимо прибъгнуть къ самому сильному изъ своихъ средствъ. 23-го октября онъ признался, что въ заговоръ Шерваля участвовала лишь фракція Виллихъ-Шаппера. Но теперь онъ представиль книгу подлинныхъ протоколовъ партін Маркса-Энгельса, только что доставленную ему чрезвычайнымъ курьеромъ изъ Лопдона. Эта книга разоблачить самыя ужасныя дела, которыя творились въ Рейнской провинціи, въ Кёльна и даже въ самомъ судебномъ залъ. Чрезвычайный курьеръ былъ не кто иной, какъ пріятель Грейфъ, протоколы же состояли изъ лжеотчетовъ, измышленныхъ Флери и Гиршемъ, съ тою лишь разницей, что въ этой книгъ они были собственноручно написаны и подписаны Г. Либкнехтомъ и Рингсомъ, въ качествъ секретарей партіи Маркса-Энгельса. Штиберъ подъ присягой призналъ подлинность этой книги, исходя изъ того безспорнаго факта, что содержание ея совпадало съ донесениями его агентовъ о тайныхъ засъданіяхъ названной партіи. Такое разоблачение полиціи застигло, конечно, врасплохъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ; въ то же время полицейскія власти въ единеніи съ почтовымъ въдомствомъ приняли всъ зависящія міры, чтобы не допустить изъ Лондона, какія бы то ни было, разъясненія отъ страшнаго Маркса.

Но вся сила прусскаго государства оказалась недостаточной для того, чтобы провести эту преступную фальсификацію. Въ самомъ Кельнъ удалось достать подлинныя рукописи Рингса и Либкнехта, даже имя котораго было неправильно указано поддълывателями; Марксу же удалось, несмотря на всв кражи писемъ со стороны почтоваго въдомства, окольными путями снабдить защиту необходимыми свъдвніями Наконепъ. Штиберъ сдълалъ еще одну отчаянную попытку: онъ послалъ въ Лондонъ полицейскаго лейтенанта Гольдгейма, чтобы заманить въ Кельнъ сыщика Гирша, объщая ему настоящую государственную пенсію. Здъсь Гиршъ долженъ былъ предстать передъ судомъ въ качествъ г. Либкнехта и подъ присягою удостовърить подлинность книги протоколовъ. Гиршу, однако, совершенно правильно подсказывало чутье, что это дъло рискованное, которое скоръе пахнетъ каторгой за лжесвидътельство, чъмъ государственной пенсіей, и что онъ явится лишь козломъ отпущенія полиціи. Онъ отклонилъ соблазнъ, а вмъсто этого раскрылъ тайники своей прекрасной души передъ Виллихомъ, который побудилъ его 6 ноября подъ присягою заявить англійскимъ властямъ, что книга протоколовъ была поддълана имъ подъ руководствомъ Грейфа и Флери. И самой кельнской прокуратуръ пришлось признать это прекрасное вещественное доказательство "ложнымъ" и "злополучной кингой".

Оправданіе кельнских обвиняемых казалось неизбъжнымъ. Нъмецкая и англійская буржуазная пресса подготовляли общественное мнъвіе къ неблагопріятному исходу процесса, однако 12 ноября присяжные признали семь изъ одиннадцати подсудимых виновными. Рёзеръ, Бюргерсъ и Нотьюнгъ были приговорены къ шести, Рейфъ, Отто и Беккеръ — къ пяти, Лесснеръ къ тремъ годамъ заключенія въ кръпости. Со времени мартовскихъ дней это было первое гръхопаденіе присяжныхъ Будучи поставлены передъ выборомъ: совершить юридическое убійство надъ нѣсколькими коммунистами или передъ лицомъ всего свѣта запечатлѣть на лбу прусскаго правительства клеймо позора, — они предпочли юридическое убійство.

Послѣ этого распались послѣдніе остатки Союза Коммунистовъ, находившіеся еще въ Лондонѣ. Какъ основаніе къ распущенію, было заявлено, что со времени заключенія кельнскихъ осужденныхъ порвались всякія сношенія съ континентомъ, и что вообще подобнаго рода общество пропаганды не соотвътствуетъ болѣе требованіямъ времени. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ угасла также фракція Виллихъ-Шаппера. Шапперъ призналъ промахи эмигрантовъ, а Виллихъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ снискалъ себѣ заслуженную славу, въ качествѣ генерала, въ междоусобную войну шестидесятыхъ годовъ.

Съ распаденіемъ самой могущественной организацін заканчивается первый періодъ нъмецкаго рабочаго движенія. Вейтлингъ, который посль ноябрьскаго государственнаго переворота быль выслань наъ Берлина, продолжалъ еще нъсколько мъсяцевъ въ Гамбургъ и Альтонъ не совсъмъ безуспъшную коммунистическую пропаганду. Онъ основаль освободительный союзъ, который сдълалъ ткача Якова Аудорфа убъжденнымъ коммунистомъ. Но уже въ августв 1849 г. полиція напала на следъ агитаціи Вейтлинга. Аудорфъ, по порученію своихъ единомышленниковъ, отправился тогда въ Лондонъ, чтобы вмъстъ съ тамошними эмигрантами обсудить вопросъ о вооруженномъ возстаніи въ съверной Германіи, но, главнымъ образомъ, Марксъ убъдилъ его въ полнъйшей безнадежности подобнаго предпріятія. Вейтлингъ бъжалъ въ Америку, откуда онъ больше не возвращался въ Германію. Среди нъмецкихъ рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ онъ сумълъ создать сильное движение, но не удержался во главъ послъдняго, благодаря своему упрямству и утопическимъ планамъ. Маленькая должность въ КестльГарденъ, эмиграціонномъ депо нью-іоркской гавани, скудно прокармливала его и его многочисленную семью, до самой смерти его въ 1871 году. Послъднія написанныя имъ страницы свидътельствують о томъ, что онъ окончатетьно запутался въ нельпыхъ идеяхъ, мечталъ и составилъ планъ полнаго переворота въ астрономіи, при чемъ земля снова сдълается центромъ вселенной. Онъ умеръ на порогъ эпохи, которая должна была справедливо оцънить то, что онъ сдълалъ, и то, въ чемъ онъ ошибался.

Дольше Союза Коммунистовъ сохранились, повидимому, лишь отдельные отпрыски Братства Рабочихъ. Изъ всъхъ практическихъ начинаній последняго пустили корни только союзы для охраненія здоровья: каждый членъ ихъ за небольшое мъсячное вознагражденіе пользовался, на случай бользни, безплатно врачебною помощью и лъкарствами. Но и эти кружки были задушены въ 1853 г., когда политическая полиція въ процессъ Ладендорфа пустила въ ходъ противъ мелкобуржуазной демократіи тъ же средства, съ какими оно, полугодомъ раньше въ кельнскомъ процессв коммунистовъ, набросилось на революціонный пролетаріатъ. Штиберъ проявилъ извъсткую логику въ томъ, что втяпулъ общества охраненія адоровья не въ пролетарскую, а въ буржуазную катастрофу. Эти общества, конечно, уже нельзя было признавать пролетарскими организаціями: они совершенно обуржуванлись, и буржуваня видъла въ нихъ средство для уменьшенія городскихъ расходовъ на бъдныхъ. Либеральные друзья человъчества были противъ распущенія ихъ, ссылаясь на то, что собранія этихъ об-въ были всегда открыты для полицейского контроля.

Въ судьбъ этихъ ферейновъ до нъкоторой степени отразилась судьба самаго Братства Рабочихъ. Принципальныя недоразумънія въ ея спорахъ сглаживались революціоннымъ инстинктомъ пролетаріата, пока продолжалась революція. Но они ръзко обозначились, когда революція была подавлена въ борьбъ за импер-

екую конституцію, и въ то же время начался мощный расцвъть промышленности. Къ тому же Борнъ жилъ въ изгнаніи, а преемники его въ руководительствъ союзомъ и его органомъ, геометръ Швеннингеръ и наборщикъ Ганглофъ, никоимъ образомъ не могли замвнить его. Общее собрание Братства Рабочихъ происходившее въ Лейпцигъ съ 20 по 26 февраля 1850 г. въ числъ 25 депутатовъ, — между ними бъли также немногіе члены Союза Коммунистовъ, какь Биски и Стеханъ, — выказало решительное намерение отказаться отъ крутыхъ политическихъ реформъ и ограничиться обреченной на безсиліе самопомощью въ дълъ исправленія капиталистическаго строя. Французскій пролетаріать, посль страшнаго кровопусканія въ іюньскихъ битвахъ, послъ смерти или изгнанія наиболье даровитыхъ вожаковъ его, послъ крушенія буржуваной революціи, послів пышнаго расцвіта буржуазныхъ продуктивныхъ силъ, по классическому выраженію Маркса, -- ринулся въ движеніе, "въ которомъ онъ отказывался пересоздать старый міръ при помощи совокупныхъ великихъ собственныхъ средствъ послъдняго и пытался добиться своего освобожденія за спиною общества, частнымъ образомъ, въ предълахъ своихъ ограниченныхъ средствъ существованія". Точно также, послъ крушенія чартизма, англійскій пролетаріать обнаружилъ сходную тенденцію. Въ нъмецкомъ рабочемъ классъ одинаковыя причины вызвали аналогичныя дъйствія. Правда, онъ не имълъ за собою ни іюньскихъ битвъ, ни чартистскаго движенія; но если принять во вниманіе зачаточное развитіе нъмецкаго рабочаго класса, то онъ проявилъ въ революціонной борьбъ столько же энергіи и столько же выстрадачь, какъ англійскій и французскій пролетаріать. Ему необходимо было извъстное время, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и отдать себъ отчетъ въ горькомъ урокъ, преподанномъ революціей и сладкими иллюзіями промышленнаго расцвъта.

Трудно сказать, щадила ли реакція такъ долго Вратство Рабочихъ потому, что не придавала ему особеннаго значенія, какъ это думаеть Энгельсь, или же на что есть нъкоторыя указанія — контръ-революція хотъла раньше окончательно сломить сопротивление буржуазіи и потомъ уже проникнуть въ осиное гнъздо рабочихъ союзовъ, соединившихся въ братства. Такъ или иначе, союзъ былъ одновременно уничтоженъ, въ 1850 году, въ Пруссіи, Ваваріи и Саксоніи. Поводомъпослужилъ прежде всего новый реакціонный законъ въ названныхъ государствахъ, воспрещавшій политическимъ ферейнамъ ихъ соединяться между собою. Вмість съ союзомъ погибъ и органъ его. Швеннингеръ, какъ пруссакъ по рожденію, былъ высланъ изъ Саксоніи послѣ того, какъ его долгое время продержали въ предварительномъ заключении за мнимое участіе въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи. Ганглофъ продолжаль еще издавать вместо "Вратство" еженедъльный органъ "Прометей", очень слабый, съ направленіемъ довольно неопредъленнаго соціализма. Онъ въ такой же мфрв восхваляль Прудона, въ какой "Братство" ръзко критиковало его; печаталъ бездарную беллетристику Карла Грюна, прибавивъ отъ себя геніальное примъчаніе, что коммунизмъ относится къ соціализму, какъ астрологія къ астрономіи и алхимія къ химіи. Когда "Прометей" былъ воспрещенъ Пруссіи, онъ жаловался по поводу жестокихъ преслъдованій "невиннаго рабочаго листка, цъль котораго распространять ясныя идеи и доказать невозможность коммунизма или, по крайней мъръ, неосуществимость его въ ближайшія 500 лётъ". Несмотря на такое низкое поддълываніе подъ духъ времени, дни его были сочтены: Ганглофъ былъ арестованъ и въ январъ 1852 приговоренъ къ 4-лътнему заключенію въ работномъ домъ за "подготовление преступления государственной измъны и за подозръніе въ участіи въ Союзъ Коммунистовъ". Въ назидание другимъ саксонское министерство печатно распространило этотъ поворящій приговоръ.

Дольше всего Братство Рабочихъ удержалось въ въ свверо западной Германіи, гдв Стефанъ сгруппировалъ уцвлівшіе остатки его вокругъ издаваемой имъ "Deutsche Arbeiterhalle". Хотя и этотъ органъ приспособлялся къ реакціонной эпохв, но отъ преслівдованій главной цвли, твмъ не менве, не отказался. Послів обнаруженія Союза Коммунистовъ Стефанъ былъ арестованъ, и листокъ его погибъ. Ему самому удалось біжать изъ предварительнаго заключенія въ Англію.

У могилы Вратства Рабочихъ германскій союзный сеймъ салютовалъ, издавъ 13 іюля 1854 постановленіе, которое обязывало "въ интересахъ общей безопасности совокупныхъ союзныхъ правительствъ" всё рабочіе ферейны и братства, еще сохранившіеся на ихъ территоріяхъ и преслёдовавшіе политическія, соціалистическія или коммунистическія цёли, прекратить свою дёятельность въ теченіе двухъ мёсяцевъ; образованіе новыхъ обществъ въ этомъ духё воспрещалось подъ страхомъ наказанія. Главнымъ воспріемникомъ этого исключительнаго закона былъ прусскій посланникъ при союзномъ сеймё ф. Висмаркъ.

Глава шестая.

Пятидесятые годы.

г. Политическій упадокъ.

Въ ходячихъ историческихъ сочиненіяхъ реакціонная эпоха пятидесятыхъ годовъ изображается, какъ мрачное переходное время, жалкое, однообразное, когда злой духъ, Ариманъ, позволялъ себъ скверныя шутки, а добрый духъ, Ормуздъ, съ благороднымъ смиреніемъ влачилъ безотрадное существованіе. Но

среди суровой дъйствительности дъла происходятъ совсъмъ иначе и притомъ всегда именно такъ, какъ они должны происходить на основаніи логики фактовъ.

Прусскія стремденія къ объединенію потерпъли по заслугамъ крушеніе. Не успъль гогенцоллерискій орелъ спасти отъ революціи среднія и мелкія государства, какъ они поспъшили спрятаться въ объятія Австріи отъ его загребущихъ когтей. Царь пригласиль Пруссію и Австрію, какъ своихъ вассаловъ, явиться на его судъ въ Варшаву и приказалъ имъ вести себя спокойно и возстановить старый союзъ. Но онъ относился къ нимъ неодинаково. Пруссія должна была понести наказаніе за то, что кокетничала съ революціей, и преклонить главу предъ Австріей, какъ низшій вассаль. Прусскій патріотизмъ былъ тяжело уязвленъ твиъ, что ему дважды пришлось проходить подъ кавдинскимъ ярмомъ. Но, вмъстъ съ тъмъ, онъ проявилъ неистощимое терпъніе, продолжая ткать все ту же всеподданнъйшую легенду. Графъ Бранденбургъ, "благородный Гогенцоллернъ", при возвращении изъ Варшавы въ Берлинъ былъ будто бы, подавленъ посрамленіемъ своего отечества и, умирая съ разбитымъ сердцемъ, въ предсмертномъ бреду призываль къ оружію. На самомъ же дълъ, этотъ грубый волкъ умеръ отъ самой обыкновенной простуды, какъ разъ въ то самое время, какъ онъ собирался унизиться передъ австрійскимъ монархомъ съ такимъ же раболвніемъ, съ какимъ только передъ тъмъ унижался передъ русскимъ. Прусскіе историки, которымъ не нравилось, чтобы "благородный Гогенцоллернъ" могъ когда-либо сочувствовать хоть бы самому слабому народному движенію, установили этотъ фактъ на основаніи историческихъ документовъ.

Мантейфель сдёлаль уступку этому народному движенію: онъ созваль палаты и мобилизоваль войско. Но онъ и не воображаль о настоящей войнь, а отправился лишь въ Ольмюцъ, где самымъ спокойнымъ

образомъ подписалъ прусскій позоръ. Онъ посыпалъ главу пепломъ и, покаявшись, молилъ лишь о томъ, чтобы ему позволено было, въ качествъ вассала второго ранга, принять участіе въ экзекуціяхъ, нам'вченныхъ Австріей и средними німецкими государствами, съ одной стороны, съ цълью сломить законное сопротивленіе кургессенскаго населенія династическому государственному перевороту, а съ другой — національное сопротивление шлезвигь-голштинскаго наседатскому господству. И Мантейфель залъ еще хвастать подобными уничиженіями, а Бисмаркъ привътствовалъ ольмюцкій договоръ въ открытомъ засъданіи налаты. Наоборотъ, старый прусскій дипломать, Пуртали, справедливо чувствуя, что Ольмюцъ еще превосходить Іену, писаль такъ: "Наша исторія не представляеть ничего такого, что можно было бы сравнить съ пораженіемъ при Ольмюцъ.

Торжественно созвать наши палаты и собрать войско для того, чтобы получить публичную пощечину, говорить объ уступкахъ Австріи только потому, что мы выговорили себъ право поставить помощника палачу Рехбергу въ Гессенъ, плестись въ Голштинію на правахъ сводника и укрывателя и, затъмъ, документально подтвердить собственный позоръ въ протоколахъ и документахъ при барабанномъ бов и трубныхъ звукахъ, - все это настолько сильно подавляетъ, что нъть словь для выраженія." Правда, истые юнкера чувствовали себя въ этомъ ольмюцкомъ позоръ, какъ кошки въ валерьянъ, но были и болъе стыдливые представители реакціи, которые чувствовали и говорили, что только, благодаря дипломатическому пораженію, и удалось избъгнуть военнаго разгрома. И дъйствительно, мобилизація раскрыла полнъйшую несостоятельность прусской армін, которую можно было подозръвать уже раньше, судя по печальному ходу военныхъ дълъ въ Познани, Шлеевигъ-Голштиніи и Баденъ.

Съ подчинениемъ Пруссіи быль возстановлень союзный сеймъ, укръпленъ при помощи военной силы кургессенскій государственный перевороть, и Шлезвигъ-Голштинія предана чужеземному государству датчанъ. Насильственнымъ актомъ великія державы, въ томъ числъ и Австрія и Пруссія, уничтожили исконное право герцогствъ, согласно которому могла управлять лишь мужская линія датскаго королевскаго дома. Не будь этого, герцогства могли бы. наконецъ, осводиться отъ Даніи, такъ какъвъблизкомъ будущемъ ожидалось прекращение этой линіи. гласно лондонскому протоколу отъ 8 мая 1852 года, было установлено, что во всей датской монархіи, со включеніемъ Шлезвигъ-Голштиніи, правомъ престолонаследія пользуется лишь Глюксбургскій домъ, Августенбургскій же домъ, имъвшій права на Шлезвигь-Голштинію, отказался отъ своихъ правъ "Вожьею милостью "за нъсколько милліончиковъ. Послъ этого возстановленный союзный сеймъ далъ сигналъ среднимъ и маленькимъ государствамъ къ устраненію мартовскихъ завоеваній. Въ большинствъ этихъ государствъ, въ Саксоніи, Ганноверъ, Вюртембергъ, Нассау, въ обоихъ Гессенскихъ княжествахъ, государи не поственились для этой цёли открыто нарушить присягу и слово. Только Баварія и ніжоторыя мелкія государства, какъ Брауншвейгъ, Кобургъ, Мейнингенъ, Ольденбургъ и Веймаръ, миновали этотъ подводный камень, хотя и они большею частью поплыли по теченію реакціи.

Князь Шварценбергь, министръ-президенть совокупнаго австрійскаго государства, издаль пароль, что Пруссію нужно сначала унизить, а потомъ уничтожить: il faut avilir la Prusse et puis la démolir. Онъ какъ будто достигъ теперь своей цъли: Пруссія была, дъйствительно, выключена изъ числа великихъ державъ, и въ Германіи ни одна собака не повърила бы больше "національной миссіи" ея. Даже многотерпъливый отецъ Аридъ пропълъ прусской гегемоніи прощальный стишокъ.

Тъмъ не менъе, та же гегемонія, именно, въ эти дни пустила болъе глубокіе корни, чъмъ когда-либо, такъ какъ политикъ Австріи и средвихъ государствъ не удался главный решительный ударь: уничтоженіе таможеннаго союза. Настойчивыя стремленія ихъ повозобновленію мѣшать таможенныхъ договоровъ, срокъ которымъ истекалъ 1 января 1854 года, встрътили непреодолимое veto со стороны экономическаго развитія; таможенный союзь не только не быль разрушенъ, но, наоборотъ, расширился, вслъдствіе вступленія въ него Ганновера, Ольденбурга и мелкихъ свверо западныхъ государствъ, которыя до сихъ поръ образовывали отдъльный "податной союзъ". Теперь таможенный союзъ обнималъ территорію въ 9,046 кв. миль съ 35.000,000 жителей. Точно также въ предълахъ самого прусскаго государства контръ-революція имъла возможность убъдиться въ томъ, что политическому всемогуществу ея ставять опредъленныя рамки экономическія условія. Казалось, что послъ какъ рабочіе классы были смяты, а мелкая и отчасти даже крупная буржуазія отказалась отъ своихъ политическихъ стремленій, ей быль открыть свободный путь. Оппозиція готцевъ, опиравшихся на самые слаэлементы буржуззін, тоже была не особенно бые страшна. Горячіе юнкера взялись за дівло и десятокъ лътъ работали надъ тъмъ, чтобы вернуться къ домартовскому состоянію, но безуспъшно. Готцы проявили въ этомъ отношеніи совершенно правильный буржуазный инстинктъ, полагая, что вылупившуюся свободу можно, пожалуй, задушить, но посадить ее обратно въ разбитое яйцо не мыслимо.

Нужно сознаться, что въ этомъ утѣшеніи они дъйствительно нуждались, потому что бюрократическию онкорскій ястребъ придушиль цыпленка-свободу почти до смерти. Движенія совъсти и понятія о правъ

чужды бюрократіи, я нужно отдать справедливость буржуваному мученику, что въ 50-е годы онъ съ лихвой искупилъ то, въ чемъ нагрѣшилъ въ дни революціи. Власть, которую онъ обратно вручилъ королю и юнкерству, была ими широко использована для того, чтобы его измучить, истерзать. •Но такъ какъ онъ добровольно позволилъ окунуть себя въ это море мученій и даже не выплылъ собственными силами, то предоставимъ плакальщицамъ сочинять по этому поводу жалобныя пѣсни. Наша задача иная: установить факты изъ исторіи 50-хъ годовъ, которые такъ или иначе повліяли на судьбы нѣмецкаго пролетаріата.

Выборы, происходившіе літомъ 1849 года на основаніи октроированной трехклассной системы, пришлись, наконецъ, по сердцу министерству Бранденбургъ-Мантейфеля. Въ новыхъ палатахъ на крайнихъ лъвыхъ скамьяхъ сидъли тъ, которые въ Берлинскомъ парламентъ 1848 года занимали крайнія правыя мъста. Въ 1852 и 1855 годахъ этотъ реакціонный духъ выборовъ выступилъ еще рельефиве. Такимъ образомъ, октроированная конституція 5 декабря 1848 года была сразу очищена отъ всвхъ мартовскихъ завоеваній. Изъ листа бумаги, который все же самъ по себъ чисть, она пала до положенія разорваннаго лоскута, о который каждый бюрократь вытираль свое перо и каждый юнкеръ свои сапоги. Камеры почти всегда съ полнымъ удовольствіемъ соглашались коверкать конституцію, а низкій верховный трибуналь помогалъ толковать непріятные параграфы, несмотря на совершенно ясный смыслъ ихъ, въ противоположномъ смыслв. Впрочемъ, правительство не всегда считало нужнымъ насиловать конституцію. Иной разъ оно просто обходило ее, какъ будто ея и не было. На всякую ссылку на конституцію, какъ жаловался одинъ патріотическій историкъ, правительство съ античной откровенностью хладнокровно отвъчало, что въдь все дъло въ томъ, измънить ли данный параграфъ формально или просто обойти его административнымъ путемъ.

Среди такого безпощаднаго разгрома завоеваній мартовской революціи весьма характерно исключеніе, которое было сдълано для закона о гражданскомъ ополчени. Онъ былъ временно пріостановленъ, но не отмъненъ. Его бережно поставили въ уголъ, какъ домашнее средство, которое можетъ въ будущемъ понадобиться. Конечно, нужно было щадить институть, въ которомъ такъ быстро и такъ остро вылился контрастъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Наоборотъ, законъ объ охранъ личной безопасности былъ устраненъ. Собственно, этоть законъ быль фактически уничтоженъ уже 8 апръля 1848 года, благодаря октроированной трежклассной избирательной системв. Бюрократическиюнкерская реакція охотно поступила бы точно также съ закономъ 6 апръля 1848 года, но здъсь она встрътила предълъ своему могуществу. Она его попирала, сколько могла. Вивсто свободы печати безъ залоговъ появился законъ о прессъ съ залогами, съ штемпельными налогами, съ предварительнымъ полицейскимъ налогомъ, близкимъ къ пензуръ, и со всякими другими притъсненіями. Политическія дъла и преступленія печати были изъяты изъ въдънія суда присяжныхъ и поручены коронному суду, а въ особенно важныхъ случаяхъ назначался искцючительный государственный судъ. Пользование гражданскими правами, независимо отъ въроисповъданія, выразилось въ господствъ ортодоксіи, которая жадно стремилась къ преслъдованіямъ и наложила также тяжелую руку на школу. Независимость судей была сокрушена новыми дисциплинарными законами, а уголовный законъ 1850 года открылъ неограниченное поприще для честолюбивыхъ судебныхъ карьеристовъ. Новый уголовный законъ каралъ за возбуждение къ неповиновению законамъ или распоряженіямъ властей, каралъ сопро-

тивленіе чиновникамъ, независимо отъ того, дівйствовали ли последніе на законномъ основаній или неть, каралъ, наконецъ, публичное одобрение запрещенныхъ дъйствій, нарушеніе общественнаго спокойствія, возстановленіе однихъ классовъ населенія противъ другихъ, словомъ, -- все то, что раньше не было извъстно прусскому земскому праву. Этотъ законъ не только тщательно оберегаль чиновниковь оть оскорбленій и клеветы, но также государственныя учрежденія и распоряженія властей отъ искаженій, издівательства, отъ возбужденія противъ нихъ ненависти и презрънія. Такимъ образомъ, фактически стала невозможной критика правительственныхъ дъйствій или доказываніе противозаконности такихъ дъйствій. Свобода союзовъ и собраній, разръшенная закономъ, была задушена указомъ 1850 года. Представленіе въ полицію уставовъ союзовъ и списковъ членовъ носило уже печать прямо сыска. Правительству давалась возможность контролировать и преследовать людей, принадлежащихъ къ недозволеннымъ союзамъ. Воспрещение политическимъ союзамъ соединяться между собою парализовало развитіе современной жизни партій. Благодаря требованію, чтобы полиціи было заявляемо о всякомъ предстоящемъ собраніи, на которомъ имѣлъ право присутствовать полицейскій, всякій мелкій полицейскій чиновникъ иміль возможность закрыть въ любой моментъ какое угодно собраніе. Въ худшемъ, и притомъ очень ръдкомъ случав онъ рисковалъ развв получить одобрительный выговоръ отъ своего начальника. Впрочемъ, даже правительство внесло этотъ прелестный законъ съ нъкоторой краской стыда. Оно его не мотивировало, а его друзья въ палатъ робко объяснили, что это совсъмъ временная мфра, въ виду очень тяжелыхъ временъ, и что съ наступленіемъ лучшаго времени она будетъ немедленно отмънена. Какъ извъстно, однако, громадное большинство постановленій этого закона осталось въ силъ и понынъ.

Все это удалось бюрократически-юнкерской реакціи Но что ей не удалось или не совствить удалось, это -вънецъ закона отъ 6 апръля 1848 года, именно, право утвержденія бюджета и налоговъ. Правда, право утвержденія налоговъ было сужено до размъровъ, въ которыхъ оно было уже предоставлено раньше соединенному ландтагу: къ утвержденію лишь новыхъ налоговъ и займовъ. Точно также подорвано было вначение права утверждать бюджеть, такъ какъ поднять быль вопрось: какь поступать, если правительство не приготовитъ государственной росписи? Говоря серьезно, туть и вопроса никакого не могло быть, такъ какъ и съ исторической и съ фактической точки арвнія бюджетное право заключалось въ томъ, что правительство не въ правъ дълать никакого расхода, который не разръшенъ парламентомъ. Такъ думало и собраніе 1848 г., но для того, чтобы возможно лучше укръпить бюджетное право, оно сохранило въ проектъ конституціи министерства Кампгаузена 99 статью, согласно которой всв доходы и расходы государства должны быть ежегодно заравъе исчисляемы и вносимы въ смъту, которая ежегодно утверждается закономъ. Собраніе вообразило, что бюджеть, облеченный въ торжественную форму закона народными представителями, будетъ неприкосновененъ. Однако, въроятно, уже министерство Кампгаузенъ-Ганземана и, навърное, министерство Бранденбургъ-Мантейфеля помнило статью 60 конституціи, согласно которой для утвержденія всякаго закона требуется согласіе короля и объихъ палать. Изъ статей 99 и 60 бюрократическифеодальная реакція сділала выводъ, что народное представительство въ правъ дълать въ смътъ, набросанной правительствомъ, лишь такія изміненія, на которые правительство охотно или неохотно согласится. Вторая палата 1849 года, пересматривая конституцію въ реакціонномъ духъ, категорически отклонила предложеніе готпевъ, имъвшее цълью возстановить истинный смысль 99 статьи, но она не дала отвъта на поставленный ею же вопросъ, — что дълать, если между королемъ и палатою не состоится соглашеніе относительно бюджетнаго закона? Она оставила "пробълъ", предоставивъ себъ право въ данномъ случав заполнить его по своему вкусу. До поры до времени въ этомъ еще не представлялось надобности. Наоборотъ, хотя реакція и подорвала право утвержденія бюджета и налоговъ настолько, что могла въ случав надобности окснчательно свалить его однимъ ударомъ топора, но у нея были въскія основанія не обнаруживать преждевременно его внутренней пустоты.

Каковы были эти основанія, это видно изъ сл'вдующихъ ясныхъ немногихъ словъ въ "Обозрвніи Новой Рейнской Газеты": "Какой контрастъ: съ одной стороны финансовыя затрудненія отъ 1842 до 1848 г., неудачныя попытки сдълать займы у морской компаніи и у банка, отказы Ротшильда, отказъ въ займъ со стороны соединеннаго ландтага; истощеніе государственной казны и кассъ, и съ другой-избытокъ финансовъ въ 1850 году, покрывшій три бюджета съ дефицитомъ въ 70 милліоновъ рублей, массовый выпускъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ и бумагъ государственнаго казначейства, прекрасныя отношенія между государствомъ и банкомъ, лучшія, чъмъ въ какихъ оно когдалибо находилось съ морской компаніей, и въ довершеніе одобренный заемъ въ 34 милліона въ резервъ!" Истощеніе финансовъ дълало немыслимымъ открытое возвращеніе къ домартовскимъ временамъ. Прусское государство не могло больне существовать безъ конституціонализма, и честолюбію юнкеровь оставалось удовлетвориться тъмъ, что отъ прусскаго конституціонализма остался одинь лишь призракъ.

Однако, не только финансовая нужда ставила непреодолимую преграду бюрократически-феодальной реакціи. Въ соціальной сферъ возникали такія же затрудненія, какъ и въ политической. Возстановлены были не только вотчинная полиція, но также феодальныя, окружныя и провинціальныя сословія. И чтобы увънчать эту средневъковую организацію, первая палата была замънена палатою господъ, въ которой юнкерству восточной Эльбы обезпечивалось большинство по праву рожденія. Это изуродованіе, совершенно противоръчившее конституціи, могло парализовать весь ходъ законодательства, если бы трехклассная систета выборовъ обманула. Исчезли объ палаты, съ ихъ "революціонными названіями", а вмъсто нихъ выступили палата господъ и палата депутатовъ, обравовавшая ландтагъ, отъ котораго въядо средними въками. Тъмъ не менъе, и при такихъ условіяхъ не удалось сохранить прежнихъ отношеній между помъщиками и крестьянами, -- эта основа всего феодальнаго строя не устояла. Сами юнкера настаивали на этомъ, такъ какъ страхъ передъ крестьянами былъ еще слишкомъ силенъ въ ихъ памяти. Какъ прекрасно выразилось одно изъ последующихъ министерствъ, они ясно поняли, что "удовлетворительное разръшеніе вопроса должно последовать немедленно, иначе онъ будетъ разръшенъ менъе выгодно для нихъ". Лассаль перевель эту благозвучную фразу въ видъ слъдующаго сильнаго и мъткаго тезиса: "Феодальный духъ чуеть, что у него осталось мало времени и снова стремится быстро запустить объ руки въ карманы народа, дабы успъть раньше, чъмъ запоетъ пътукъ, новымъ насиліемъ преобразовать свою феодальную собственность въ буржуваную". Законъ 2 марта 1850 г. о выкупъ и регулированіи отношеній межну помъщиками и крестьянами глубоко затронуль народный карманъ. 20 съ чемъ-то маловажныхъ повинностей были безвозмездно отмънены, именно-такія, которыя, какъ выражалось министерство, "заключаются лишь въ тягостномъ ограниченіи свободнаго пользованія крестьянина землею, пом'вщику же не дають никакихъ матеріальныхъ выгодъ, или же такія, которыя трудно реализировать и которыя вависять отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, а, слъдовательно, вообще не поддаются денежной оцвикв". Точно также были уничтожены нъкоторые виды лаудемій. Но большинство лаудемій подлежали выкупу, какъ и вообще всв, скольконибудь доходныя, феодальныя повинности. Сюда же нужно отнести всякую другую не поддающуюся точному опредъленію барщину. Чисто феодальный характеръ всвяъ этикъ службъ былъ признанъ прусскимъ законодательствомъ еще въ 1820 году. Поэтому Лассаль быль правъ, назвавъ выкупъ ихъ незаконнымъ грабежомъ, который совершенъ былъ вопреки собственному правосознанію богатой поземельной аристократіей бъднымъ людомъ. Регулирование и выкупъ надъ распространились теперь на все крестьянство, включая и мелкихъ безлошадныхъ крестьянъ. Юнкера хотъли разъ навсегда покончить съ этимъ и выудить въ моръ до дна рыбу.

Но регулированіе коснулось лишь 12,706 крестьянъ, тогда какъ одна Силезія могла поставить ихъ 25,000, судя по статистикъ 1816 г. Вотъ какова была чистка, которую произвели юнкера въ десятилътія предшествовавшія мартовской революціи, среди крестьянъ съ непрочнымъ правомъ владънія. Гораздо шире произведенъ былъ выкупъ. При этомъ юнкера нъсколько уступили, именно — депежную или хлъбную ренту, на которую переведены были феодальныя повинности, они капитализировали только въ 18 разъ, а не въ 25 разъ, какъ это они дълали раньше. Посредниками въ уплачивани капитала явились рентные банки, которые устраивались на средства государства и съ гарантіей государства. Пом'вщику они выплачивали 20-кратную сумму, а крестьяне посредствомъ выкупныхъ платежей погащали всв свои обязательства въ теченіе 56 літь. До 1865 года выкупилось такимъ образомъ свыше милліона крестьянъ.

Выкупившіеся и регулированные крестьяне упла-

тили 19.697,483 талера въ видъ капитала, 3.890,136 талеровъ и 55,522 шеффеля ржи въ видъ ренты и, кромъ того, они уступили еще 213,071 моргенъ земли. По вычисленію одного оффиціальнаго статистика, "освобожденіе крестьянъ съ 1816 до 1865 года стоило восточно-эльбскимъ крестьянамъ 213.861,035 талеровъ. Однако, эта цифра гораздо ниже дъйствительности, потому что статистикъ оцънивалъ шеффель ржи только въ 1 талеръ, моргенъ земли въ 20, а моргенъ лъса только въ 10 талеровъ. Мы будемъ, пожалуй, гораздо къ истинъ, сказавъ, что восточно-эльбскіе крестьяне въ течевіе 50 лътъ выплатили юнкерамъ милліардъ марокъ для того, чтобы получить обратно свободную отъ повинностей часть земли, на которой предки ихъ сидъли, какъ свободные люди. Мы уже не считаемъ многихъ тысячъ крестьянъ, которые, подъ свнью этой прогремвещей на весь мірь "соціальной реформы", брошены были силою и хитростью въ бездну пролетаріата. Однако, и это еще не насытило юнкеровъ, и Бисмаркъ горько сътовалъ, что прусское законодательство обошлось съ владъльцами дворянскихъ имъній какъ съ "паріями XIX въка".

Отмъна кръпостного права сопровождалась въ свое время закономъ о батракахъ. Точно также уничтоженіе зависимости крестьянскаго труда отъ помъщиковъ выдвинуло законъ отъ 24 апръля 1854 года, который говоритъ "о нарушеніи условій найма". Онъ безжалостно бросаетъ сельскихъ рабочихъ въ руки юнкеровъ, которые въ то же время вновь захватываютъ вотчиную полицію. Помимо цълаго ряда другихъ стъсняющихъ положеній, этотъ законъ караетъ всякую попытку сельскаго пролетаріата устроить стачку тюремнымъ заключеніемъ до 1 года. Какъ юнкера примъняли на практикъ вотчиную полицію, объ этомъ шутливо разболталъ въ палатъ господъ графъ Пфейль. Онъ хозяйничалъ въ ткацкихъ округахъ Силезіи и хвалился, что онъ продержалъ въ цъпяхъ въ тюрьмъ

въ теченіе 5 дней человъка, въ юридической невинности котораго онъ былъ убъжденъ, только для того, чтобы задушить опасное возстаніе. А еще хвасталь онъ, что избилъ человъка, который во время сильнаго голода отръзалъ и съълъ кусокъ конины, которая была приготовлена для приманки лисицы. Правительство едва дерзнуло выразить слабый протестъ противъ такихъ откровеній прекрасной юнкерской души.

Урегулированіе, между тымь, того, что было еще возможно для бюрократически-феодальной реакціи, и того, чего она уже не могла сохранить, вызвало, однако, сильныя разногласія въ ея собственной средв. Истый сельскій юнкерь издавна жиль въ непрерывной партизанской войн'в съ органами государственной власти. такъ какъ эти органы изъ военныхъ и политико-экономическихъ соображеній вынуждены были нарушать покойное житье "маленькихъ господъ" или, по выраженію Бисмарка, "естественный политическій порядокъ" помъщичьихъ крестьянскихъ отношеній. Бисмаркъ вполнъ выразилъ душу этихъ юнкеровъ, когда писалъ Вагенеру: "Голова и члены бюрократіи покрыты язвами, и только желудокъ ея здоровъ, а законы, -- экскременты, издаваемые ею, -- составляють самый остоственный навозъ въ міръ". Феодальные юнкеры упорствовали все же въ своемъ желаніи вернуться къ домартовскимъ состояніямъ. Урокъ 1848 года быль слишкомъ силенъ для того, чтобы заставить ихъ трепетать за свою жизнь и кошелекъ, но все же еще недостаточенъ для того, чтобы исцелить ихъ отъ тоски по среднимъ въкамъ. Они шли дальше своихъ собственныхъ вожаковъ, Шталя, Вагенера, Герлаховъ, которые отлично сознавали, что крупное землевладъніе не можетъ больше держаться на основъ, разъ навсегда разрушенной революціей.

Да и между самими вожаками существовали разногласія во многихъ пунктахъ. Герлахи были еще сильно проникнуты романтикой, Шталь, наоборотъ, нъжно за-

игрываль съ современной философіей, - чтобы воспріять отъ нея частицу якобинскаго дуга, какъ подсмъивался Лассаль. А Вагенеръ былъ слишкомъ хорошо освъдомленъ въ буржуазной средв и поэтому предпочиталъ "борьбу съ современными рыцарями, грабящими за высокими фабричными трубами" всякой лицемърной защить юнкерскихъ интересовъ подъ маскою религін и философіи. Но они были солидарны въ томъ, чтобы не слишкомъ откровенничать. Въ душъ они посмъивались надъ тупоумными юнкерами, очутившимися лицомъ къ навозу и спиною къ государству, а открыто фигурировали, какъ вожди, водимые за носъ. Честиве ихъ поступиль Губеръ, который отрекся отъ феодальной партіи, выразившись, что она-камень на шев всякой власти, на которой повиснеть, будь то король или цехъ.

Конечно, лишь только придушили буржувайю, пъсенка о "соціальномъ королевствъ" умолкла. Одинъ лишь Лоренцъ Штейнъ продолжалъ пророчествовать изъ своего кабинета, что всякое-де королевство превращается въ пустой звукъ или въ деспотію или же становится республикой, какъ скоро у него нътъ мужества сдълаться соціальнымъ. Но то быль гласъ вопіющаго въ пустынъ. Единственный законъ 50-хъ годовъ, который стремился облегчить нужду промышленнаго пролетаріата, исходилъ оть единственнаго консервативнаго буржуа, сидъвшаго у кормила буржуазнофеодальной реакціи, министра торговли ф. д. Гейдта. Онъ состояль пайщикомъ банкирскаго дома Керстенъ н сыновья въ Эльберфельдъ и представляль изъ себя истаго буржуа въ набожной долинъ Вупперо. О немъ разсказывали, что каждое утро онъ велить играть себъ хоралъ и не иначе, какъ со слезами на глазахъ, вспомниаеть о своей покойной матери. Но это нисколько не мъщало ему пронивнуться всецъло эксплоататорскемъ духомъ капиталиста. Точно также овъ грустно водыхаль по поводу хорошо извъстной ему нужды

рейнскаго пролетаріата и говориль: пусть лучше погибнеть вся промышленность, чёмь эта вужда продолжается. И воть онь провель фабричный законь 16 мая 1853 г., не давь себъ, однако, ни малъйшаго труда практически осуществить его.

Этоть законь воспрещаль фабричный трудь дітей, моложе 12 лътъ и разръшалъ до 14 лътъ шестичасовой, до 16 лётъ — только десятичасовой трудъ. Въ округи Ахенъ, Арисбергъ и Дюссельдорфъ назначены были даже фабричные ивспектора для надвора за исполненіемъ закона. Но чиновники выбирались совершенно неподходящіе, которые не въ силахъ были, да и не старались, сломить сопротивление фабрикантовъ. И если имъ случалось привлечь какого-нибудь промышленника и оштрафовать его, то провинившійся не особенно горевалъ: пятьдесятъ талеровъ штрафа не трудно будеть выжать изъ дътей въ какую-нибудь недълю. Ахенскій фибричный инспекторъ, прослуживъ три года, обнаружилъ полное незнаніе фабричнаго дъла и возбудилъ даже негодование окружной администраціи своими прикрашенными отчетами. Иначе отнесся къ дълу полицейскій совътникъ Питеръ, замъстившій его въ 1857 году. Добросовъстный, дъльный и смёлый, онъ по собственному почину затёяль борьбу съ могущественными фабрикантами Онъ преслъдоваль выдачу товара вмёсто заработной платы, производилъ неожиданныя ревизіи промышленныхъ заведеній, обходиль всв уловки, при помощи которыхъ пытались скрыть оть его контроля детскій трудь. Часто онъ по цълымъ часамъ проводилъ передъ разбросанными по Эйфелю фабриками, въ глубокомъ снъгу и при сильной стужь, поджидая возвращавшихся дътей. Онъ заботился въ городской школьной коллегіи о томъ, чтобы дъти регулярно посъщали школу. Овъ такъ всей душой отдался этому дёлу, что, наконецъ, не выдержаль. Непрерывныя и необычайныя напряженія ввергии его въ длительную бользнь, - и онъ больше не всталь съ постели. "Соціальное королевство" смягчило страданія и медленное умираніе этого честнаго дѣятеля ежегодной подачкой въ сто прусскихъ талеровъ. Негодованіе патріотовъ по поводу такой расточительности мы можемъ успоконть тѣмъ, что вѣдь это происходило въ 60-хъ годахъ, а раньше, въ 50-е годы, то же "соціальное королевство" обезпечило себя, удержавъ у Центральнаго Союза для блага рабочихъ классовъ семь тысячъ талеровъ, которыя оставались отъ знаменитаго пожертвованія 40-хъ годовъ въ революціонное время.

Въ правительствъ министръ ф. Вестфаленъ, шуринъ Карла Маркса, принадлежалъ къ феодальному направленію. Благодаря этому, онъ попалъ въ министры внутреннихъ дълъ, когда Мантейфель, послъ смерти Бранденбурга, выдвинулся въ министры-превиденты и министры иностранных в дълъ. Но не такой быль человікь Вестфалень, чтобы сломить оппозицію бюрократіи противъ чрезмірныхъ юнкерскихъ притязаній. Его .собственный подчиненный, президенть берлинской полиціи ф. Гинкельдей, забралъ больше власти, чвмъ имвлъ онъ самъ. Тотъ фактъ, что этотъ творецъ процесса Вальдекъ, Кёльнскаго процесса коммунистовъ, процесса Ладендорфъ былъ самый дъльный и способный представитель бюрократіи, доказываеть, что въ миломъ расколв въ средв самой бюрократически-феодальной реакціи шла річь о чемъ угодно, только не о высшихъ благахъ человъчества. Гинкельдей хозяйничаль въ Верлинъ приблизительно такъже, какъ графъ Пфейль въ горахъ Силезіи. Когда при новыхъ въяніяхъ Штиберъ сталъ козломъ отпущевія за некрасивыя дъла полиціи пятидесятыхъ годовъ, то онъ доказалъ документально, что Гинкельдей рука объ руку съ государственной прокуратурой и судомъ принципіально игнорировали самыя ясныя предписанія законовъ, почти ежедновно произведя обыски и аресты.

Съ властью пришелъ и разумъ. Бюрократія воочію убъдилась, при какихъ реальныхъ условіяхъ можеть вообще уцъльть прусское государство среди девятнадцатаго въка. Даже лънивый по натуръ Мантейфель, который только разыгрываль сильнаго, на самомъ же дълъ храбро отступалъ передъ всякимъ серьезнымъ противникомъ, долженъ былъ ръшиться на попытку, хоть до нъкоторой степени, поставить прусское феодальное законодательство о налогахъ на буржуваную ногу. Но все это онъ дълалъ скръпя сердце и примирился легко съ тъмъ, что его законопроектъ объ уничтоженіи изъятій отъ лоземельнаго налога быль отложенъ въ дальній ящикъ. Другой законопроектъ его объ отмънъ налога на мясо и помолъ, а также о введеніи подоходнаго налога быль принять въ весьма уродливой формъ. Изъ всего современнаго Мантейфель отдавался всею душой одной лишь пошлой биржевой игръ. Наоборотъ, Гинкельдей болъе прямолинейно извлекъ всв выгоды изъ положенія, въ которомъ находилась бюрократія. Вудучи истиннымъ пашою, онъ не только разрушалъ, но и строилъ. И чъмъ сильнъе онъ непавидълъ политическія притязанія буржуазіи, тъмъ лучше онъ сознаваль, что самое върное средство парализовать ихъ -- удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ буржуваіи. Гинкельдей сумъль превратить Берлинъ въ дъйствительно большой городъ, создавъ множество учрежденій, составляющихъ аттрибуть такого города: пожарную команду, водопроводъ, очистку улицъ, общественныя бапи и прачечныя, столбы для объявленій, телеграфную съть и мн. др. Большею частью онъ встрвчаль при этомъ сильное сопротивленіе городскихъ властей, которыя, въ силу врожденнаго тупоумія берлинской буржуазіи, видъли свое историческое призваніе въ томъ, что возвели Мантейфеля и Врангеля въ почетные граждане. Впрочемъ, послъ смерти Гинкельдея выяснилось, что, несмотря на всъ эти большія предпріятія, онъ остался біздень, какъ церковная мышь, чего никакъ нельзя сказать ни объ одномъ "благороднъйшемъ и лучшемъ", которые пріобръли шумные лавры въ знамонитомъ "самоуправленіи нъмецкаго бюргерства".

Распри между бюрократическимъ и феодальнымъ управленіемъ разгорълись съ наибольшей силою въ эпоху крымской войны. Хотя эта война держалась въ предълахъ кабинетной, но все же это быль первый отвъть на европейскую диктатуру, который позволиль себъ царь послъ побъды контръ-революціи. Пруссія была низведена въ то время до роли прусскаго нашалыка, и прусскіе юнкера знали, что каждый ударъ, нанесенный батюшкъ-царю, котораго они провозглашали отцомъ отечества, расшатываетъ также и ихъ власть. Черезъ посредство генералъ-адъютанта ф. Герлаха и кабинетнаго совътника Нибура они старались повліять на короля и настаивали на томъ, чтобы поддержать Россію. Наоборотъ, Мантейфель и Гинкельдей, а вмъстъ съ ними и наслъдникъ престола -- тяготъли къ западнымъ державамъ, побъда которыхъ должна была умфрить надменность феодаловъ, не вызывая, однако, революціонной пропаганды. Бонапартизмъ соприкасался во многихъ пунктахъ съ идеалами Гинкельдея. Изъ-за этого началась борьба, которая привела къ полебищей анархіи внутри правительства. Феодалы натравили бывшаго каторжника Линденберга, какъ шпіона, который долженъ быль следовать по иятамъ принца прусскаго, а Мантейфель поручилъ тоже бывшему каторжнику Техену взломать ные ящики генерала ф. Герлаха и выкрасть тайную переписку его съ русскимъ дворомъ. Но такъ какъ Мантейфель, по старому прусскому обычаю, очень мало заплатилъ своему вору, то Техенъ въ то же время продалъ свою добычу и французскому посланнику. Изъ-за этого разгорълся международный скандалъ, который сдълался извъстенъ подъ названіемъ кражи денегъ и лишилъ прусское государство того ничтожнаго остатка уваженія, которымъ оно еще пользовалось въ Европъ.

Отъ всего этого мало выиграли какъ бюрократія, такъ и юнкерство. Если Гинкельдею и удалось выкурить Вагенера изъ "Крестовой Газеты", то, когда онъ вздумалъ прикрыть одинъ феодальный игорный притонъ, онъ былъ вызванъ на дуэль однимъ членомъ палаты господъ и застрёленъ. Вслёдъ за тёмъ, одвако, душевная болёзнь короля возстановила трогательное согласіе въ средё бюрократически феодальной реакціи, такъ какъ это событіе грозило подорвать общіе корни ея власти.

Король, по старой привычкъ, становился на сторону то того, то другого изъ спорившихъ братьевъ. Вольше всего сердце его лежало, конечно, къ старымъ романтическимъ друзьямъ, тъмъ болъе, что онъ ненавидълъ сухого плута Мантейфеля и всю его трезвую діловитую реакціонную политику. Но, съ другой стороны, онь очень благоволиль къ президенту столичной полиціи, который измышляль такіе прекрасные заговоры и освъжаль ослабъвающую фантазію своего королевскаго покровителя страшными разсказами о революціи. Несмотря на всв успъхи контръ-революціи, настоящая жизнерадостность не возвращалась больше къ королю. Старыя романтическія грезы не укладывались больше въ голове съ техъ поръ, какъ ураганъ революціи пронесся надъ европейской почвой. И подлое государство не давало, какъ раньше, лъпить изъ себя все, что вздумается, высочайшимъ пальцемъ. Надъ всеми нерешительными действіями и противоръчивыми ощущеніями короля ваяло, наконецъ, верхъ смутное чувство, что иллюзін его жизни навсегда разбиты. И король погрузился въ темную ночь безумія.

Наслёдникъ же совершенно расходился во взглядахъ съ бюрократически-феодальной реакціей, расхоился събюрократическимъ и еще больше съ феодальпымъ крыломъ ея. Принцъ прусскій не обладалъ ни дарованіями, ни образованіемъ своего брата. младшій сынь, онь быль воспитань въ военномь духв. который быль темь более по немь, что онь унаследоваль безсильный умъ своего отца, неспособный къ полетамъ мысли. Романтическая восторженность была чужда ему, и поползновенія стараго пруссака къ расширенію территоріи мало смущались сантиментальными бреднями насчеть того, будто бы преобладанія австрійскаго дома угодны Самому Богу. Онъ не намъренъ былъ такъ легко уступить вознагражденіе, за которое прусское правительство согласилось быть палачомъ нъмецкой революціи, и онъ разошелся съ Мантейфелемъ, когда последній отправился въ Ольмюцъ. Съ этого времени бюрократически-феодальная реакція презрительно объявила его "либеј аломъ" и стала вторгаться и безпокоить его даже въ частной жизни. Крымская война на время сблизила его съ фракціей Мантейфеля, но лишь для того, чтооы онъ еще болье удалился отъ фракціи Герлаха. Еще болье вся бюрократически-феодальная реакція разстроила его тъмъ, что долго скрывала отъ него безуміе короля, а когда нельзя было уже этого скрыть, сумъла его еще на цълый годь отстранить отъ регентства, какъ требовала конституція. Только осенью 1858 г. онъ могъ, наконецъ, взять въ свои руки бразды правленія. Онъ тотчасъ прогналъ Вестфалена, а Мантейфеля и прочихъ министровъ смъстилъ черезъ нъсколько недъль и образоваль новое министерство изъ слабъйшихъ готцевъ, изъ обуржуванвшихся аристократовъ Ауэрсвальда, Патова, Шверина. Это все были люди, десять лътъ навадъ занимавшіе мъста въ министерствъ Кампгаузена.

Итакъ, буржувзія, не имъя за собою никакихъ заслугъ и достоинства, снова занесла ногу въ стремя.

2. Экономическій подъемъ.

Вуржуваія не особенно сильно пострадяла подъ господствомъ реакціи въ пятидесятыхъ годахъ. Пра-

вое крыло ея пользовалось въ парламентской публицистической жизни степенью свободы, какъ разъ соотвътствовавшей ея слабымъ силенкамъ; лъвое же крыло залечивало раны, временно нанесенныя ея политическому честолюбію процвътаніемъ промышленности.

Къ тому же буржуваія сумъла навлечь обильный капиталъ изъ политическаго позора реакціонныхъ годовъ. Если прусское государство сдълалось насмъшкою Европы въ Крымскую войну, вследствіе своего безпомощнаго шатанія между воюющими державами, то, съ другой стороны, какъ нейтральное государство, оно могло поставлять для Россів и, дъйствительно, поставляло все необходимое, получая, конечно, прекраснъйшіе проценты на свой капиталь. Жестокія преслъдованія со стороны контръ-революціи увеличили эмиграцію въ пятидесятые годы почти до милліона человъкъ; но въ той же мъръ возрасло и океанское пароходство. Капиталъ сумълъ даже отомстить реакціи за мелкія обиды и притесненія. Въ 1851 году добрая половина прусскаго офицерства находилась въ ростовщическихъ рукахъ. Когда померанскій ландрать ф. Дисть-Даберъ, навязанный въ наказаніе Эльберфельдскому округу, раскрылъ широко развътвленную систему подкупа, при помощи котораго рейнская буржуваія освобождала своихъ сыновей отъ воинской повинности, то онъ встрътилъ непреодолимыя затрудненія въ кабинетъ самого короля и при первомъ удобномъ случав получиль отставку.

Въ концъ концовъ буржуваія мирилась со всъми политическими неудачами, только бы дъла шли хорошо, и пролетаріать не могъ подняться. И того, и другого достигла или какъ-будто достигла уже реакція. А дъла шли даже очень хорошо. Въ южной Германіи хлопчатобумажная промышленность необычайно расцвътала. Въ Саксовіи развились почти всъ отрасли металлургической и текстильной промышленности въ болъе широкихъ размърахъ, чъмъ раньше. Въ Пруссіи ге-

рячо набросились на горное и горнозаводское дёло. Уголь и желёзо стали лозунгомъ времени. Въ десять лётъ добываніе угля возрасло въ Саксонскомъ королевстве вдвое, на Рейне и въ Вестфаліи—втрое; Силезія занимала среднее мёсто. Цённость добываемаго чугуна возрасла въ Силезіи вдвое, въ прирейнскихъ странахъ—въ пять разъ. Цённость совокупнаго горнозаводскаго производства увеличилась больше, чёмъ втрое. Сообразно съ производствомъ, развивались также пути сообщенія. Процветало судоходство, и желёзнодорожная сёть достигла, благодаря массовому товарному движенію, небывалой до этого времени густоты.

Хотя во всемъ этомъ Германія еще отставала отъ Англіи и Франціи, но и въ странъ дуба и липы крупный капиталь вступиль въ періодъ расцвъта спекуляціи. Берлинское Торговое Общество и основанное Ганземаномъ Учетное Общество были первыми представителями великихъ денежныхъ державъ, которыя, на подобіе піявокъ, служать для высасыванія соковъ изъ народныхъ массъ въ крупнокапиталистическихъ размърахъ. Берлинъ пережилъ даже въ миніатюръ грюндерскую спекуляцію, за которой послів торговаго кризиса 1857 г. послъдовалъ такой же прелестный маленькій крахъ. Прокурору, который еще не быль оріентированъ въ этомъ вопросв и хотвлъ накинуться на подозрительный капитализмъ, помъщали могущественныя таинственныя силы, а торговый міръ поднялъ страшный шумъ по поводу затронутыхъ "купеческихъ интересовъ" и, вообще, проявилъ при этомъ такое воодушевленіе, какое ему совершенно не свойственно было, когда страдали политическіе идеалы.

И въ этомъ не было ничего удивительнаго. Одинъ пиберальный историкъ, горько бичуя самого себя, такъ отзывается объ этомъ времени: "Зарабатывалось много денегъ и жилось съ каждымъ днемъ лучше. Быстро разбогатъвшіе купцы находили удовлетвореніе въ томъ, что перещеголяли дворянство и бюрократію не-только

въ финансовомъ отношени, но въ отдъльныхъ случахъ и въ соціальномъ. Они шиковали въ изящивйщихъ экипажахъ, имъли, какъ бароны, ливрейныхъ лакеевъ, давали объды, на которые охотно жаловали дипломаты и министры. Они получали ордена и титулы, а при хорошемъ оборотъ дълъ становились даже сами баронами. Что за дъло было этимъ милліонерамъ до затрудненій, переживаемыхъ націей, которая займовъ не дълала, прибыльныхъ концессій не давала и вообще жила при плохихъ условіяхъ?" И дъйствительно, зачъмъ имъ было обо всемъ этомъ думать?

Существуеть одна область, въ которой и буржуавія оставалась недовольною и становилась все болве недовольною, чемъ больше у нея было повода поглаживать свое жирное брюхо. Раздробленность Германіи страшно тормозила безграничное развитіе капитализма. Мелкія отдъльныя государства были раздълены различными системами мъръ, монетъ и въсовъ, ограниченіями относительно вступленія въ бракъ и пріобрътенія правъ жительства. Все это препятствовало капиталу свободно владычествовать надъ пролетаріатомъ. Точно также нъмецкая конкурренція чувствительно страдала на всемірномъ рынкъ отъ недостатка дипломатической защиты за границей. Всв эти и другія последствія раздробленности становились тімь чувствительнъе для германской буржуваіи, чъмъ больше она переростала свои прежнія рамки. Она открыто отказывавалась отъ всякихъ мечтаній о свободъ, лишь бы увеличивались доходы. Но, именно, эти возраставшіе доходы сильно нуждались въ объединенной Германіи. Правда, для мечтательныхъ душъ тяжело было сознавать, что эта "великая мысль" упала изъ возвышенныхъ сферъ средневъковой романтики на землю самаго торгашества. Но онъ утъщали себя современнаго твиъ, что теперь есть, по крайней мъръ, твердая почва подъ ногами. Въдь это было благопріятное предзнаменованіе, что нізмецкій вексельный уставь,

выработанный на бумагъ незадолго до мартовской революціи среди бурь революціи и контръ-революціи, сразу замъниль 56 частныхъ вексельныхъ уставовъ. Это было единственное удачное дъло среди столькихъ развалинъ.

Везъ сомивнія, конгрессь ивмецких экономистовъ, который резюмироваль стремленія німецкой буржуавін къ объединенію, имълъ уже черезчуръ мало сходства съ клопштоковскими собраніями германскихъ бардовъ или торжественными пирушками романтическихъ буршей. Попавшіе сюда крайніе фритредеры были не болъе, какъ литературные слуги буржувани, по порученію которой они должны были агитировать въ пользу германскаго единства, какъ экономической необходимости, въ пользу свободы передвиженія и промысловъ, быстраго уничтоженія всякихъ феодальноцеховыхъ преградъ и вообще за всв интересы капитализма. То, что было на нихъ возложено, они сдълали не безъ успъха, хотя большею частью съ невъроятно-легкимъ багажемъ. Прошли тв времена, когда нъмецкіе фритредеры должны были сперва броситься къ ногамъ какого-нибудь голодающаго философа для того, чтобы поднести нъмецкимъ бюргерамъ свою мудрость въ болве заманчивомъ видв. Этотъ классъ пріобраль очень чуткій слухь кь звонкой монета. Да и нъмецкіе фритредеры не имъли больше охоты возиться съ голодными людьми. Они сидъли на зеленой въткъ. Вожди ихъ Фоше и Принсъ-Смитъ, люди безъ всякихъ средствъ, женились на двухъ дъвицахъ. Фоше, какъ галантный французъ-на молодой племянницъ, а Принсъ-Смить, какъ практическій англичанинъ-на старой теткъ, которыя владъла Подъ Липами жалкимъ домишкомъ на большомъ участкъ земли. Благодаря росту движенія въ прусской столиць, этоть клочекъ пріобрълъ колоссальную ценность и вотъ, женившесь на такой волотоносной глыбъ, Фоше сталъ убъдительно развивать мысль, что прибыль капиталистическая есть награда за лишенія, которые претерпъль обладатель капитала, чтобы собрать его. Въ свою очередь, Принсъ-Смить не менве краснорвчиво доказываль, что семьи, которыя сумвли сберечь наибольшій капиталь, оказали этимъ наибольшее благодвяніе народному хозяйству. Поэтому онв могуть и должны претендовать на главную долю участія въ національномъ продуктв.

Старая судьба нъмецкой буржувайи отразилась и на конгрессв нвмецких экономистовъ. При каждомъ ударъ, направленномъ противъ его историческихъ пріемниковъ, онъ робко косился назадъ на своихъ историческихъ предшественниковъ. Сила, съ которою онъ боролся противъ отжившихъ средневъковыхъ формъ производства, уступала, во всякомъ случав, смущенію, съ которымъ онъ старался обмануть мелкую буржуавію и рабочій классь относительно результатовъ капиталистическаго производства. Для этой цёли даже англійское манчестерство было для него слишкомъ честно, и онъ теперь горячо отстаиваль "экономическія гармоніи", которыми болтунъ французъ Вастіа нытался замаскировать на бумагъ бъдствія промышленнаго пролетаріата. Правда, Родбертусь, въ своихъ соціальныхъ письмахъ, давно разорвалъ паутину грубыхъ софизмовъ, сотканныхъ Бастіа. Но для конгресса нъмецкихъ экономистовъ ничего не стоило абсолютно игнорировать Родбертуса. И ему, дъйствительно, удалось обмануть если не пролетаріать собственно, то коть мелкую буржуваю.

Нѣмецкіе ремесленники кое-что получили въ 50-е годы отъ плодотворнаго ливня экономическаго подъема, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрый ростъ крупной промышленности еще болѣе расшаталъ корни ихъ существованія, чѣмъ они были расшатавы до этого. До настоящаго расцвѣта, какъ въ 30-е годы, дѣло болѣе не дошло. Еще менѣе можно было ожидать этого отъ реакціоннаго пересмотра промышленнаго устава въ цеховомъ духѣ, затъяннаго правительствомъ. Эта реакціонная глупость убаюкала лишь старыхъ цеховыхъ мастеровъ въ мнимой безопасности ихъ, но зато еще болъе парализовала живые и дъятельные члены ремесла.

Этимъ элементамъ оказали дъятельное содъйствіе кредитныя и сберегатальныя товарищества, а также общества для закупки сырья, въ пользу которыхъ началь энергичную агитацію Шульце-Деличь съ тъхъ поръ, какъ правительство лишило его должности судьи. Шульце какт бы случайно вступиль на путь агитаціи въ пользу товариществъ. Два небольшихъ ферейна, которые онъ первоначально устроиль въ своемъ родномъ городъ Деличъ и его окрестностяхъ, быстро расцвъли и распространились, благодаря тому, что среди мелкихъ ремесленниковъ чувствовалась потребность въ правильномъ кредитъ, которую угнетало въроломное законодательство. Обладая практическимъ тактомъ, Шульце сумълъ въ своемъ уставъ удачно обойти подводный камень, поставленный прусскимъ земскимъ правомъ для того, чтобы тормозить развитіе народныхъ банковъ. Заслуга его нисколько не умаляется тъмъ обстоятельствомъ, что въ первый моментъ онъ самъ былъ пораженъ и смущенъ своими быстрыми успъхами. Пропаганда его не имъла никакихъ побочныхъ умысловъ. Какъ доброжелательный мелкій буржуа, онъ желалъ лишь помочь своему классу и, дъйствительно, помогъ ему, насколько это еще было возможно. Везъ сомевнія, это была утопія - бороться при помощи мелкобуржуазныхъ товариществъ съ "маммонизмомъ и пауперизмомъ" -- этими "несчастными наростами нашей промышленности", въ которыхъ Шульце видълъ двъ силы, "одинаково враждебныя истинной культуръ". Но эта утонія дала мощный толчокъ къ развитію ассоціацій и, оказавъ непосредственную помощь мелкимъ буржуа, принесла также косвенную пользу пролетарскимъ слоямъ населенія. Родбертусь мітко сказалъ, что Шульце не найдетъ сокровища, которое онъ ищетъ въ виноградникъ, но все же его копаніе сдълаетъ виноградникъ плодороднъе.

Вуржуазія сперва косо поглядывала на усилія Шульце, которыя грозили помъщать ей проглотить мелкую промышленность. Еще болве пугалась она того, чтобы эта агитація не увеличила сопротивленія пролетаріата. Вскоръ, однако, она убъдилась, что съ Шульце можно поладить. Онъ счелъ цълесообразнымъ изложить свои мысли на международномъ благотворительномъ конгрессв, который соссоялся въ 1857 г. во Франкфуртъ-на-Майнъ. Здъсь нъкоторые піонеры крупнаго капитализма имъли возможность присмотръться къ нему и сдълали пріятное для себя открытіе, что онъ неособенно зубасть. То былъ годъ большого торговаго кризиса, заставившаго буржуазію трепетать за свое величіе. Болъе дальновидные представители ея поняли, что Шульце можеть быть удобнымъ и полезнымъ слугою, и имъ не стоило даже большого труда отвлечь этого человъка, честолюбиваго и самодовольнаго, какъ всв мелкобуржуваные корифеи, отъ лучшихъ идеаловъ его. Союзъ былъ ваключенъ уже въ следующемъ году, на экономическомъ конгрессе въ Готъ. Шульце восторженно развернулъ знамя Бастіа, за что друзья изъ крупныхъ капиталистовъ провозгласили его новымъ спасителемъ рабочихъ.

И снова мелкая буржуазія потянулась на буксирт за крупной. Печальный опыть 1848 года прошель для нея не совству безслёдно. Съ весны 1849 г. болте сильные элементы ея сгруппировались вокругъ маленькой газеты "Urwähler", которую талантливо и смёло редактироваль Аронъ Вернштейнъ. Запутавшись въ катастрофу процесса Ладендорфа, она погибла, но вскорт возродилась подъ видомъ "Народной Газеты" и возобновила энергичную борьбу съ бюрократически-феодальной реакціей. "Народная Газета" завоевала себт широкія симпатіи въ самыхъ глубокихъ слоякъ прелетаріата. Однако, и ей пришлесь вмёсть съ Шульце по-

вернуть фронтъ въ экономической области. Вина въ этомъ падала не столько на издателя газеты, Франца Дункера, который все время быль противъ манчестерства, сколько на самого Вернштейна. Вернштейнъ обладаль редкимь даромь распространять въ массахъ естественнонаучныя знанія и много успъль въ этой области, но въ экономін и политикъ онъ бралъ больше своимъ честнымъ направленіемъ, нежели действительными знаніями. Его умъ, воспитанный естественнонаучно, но не экономически, прельщалъ софизмъ Бастіа: жизненныя средства должны становиться все дешевле и доступнъе для рабочихъ классовъ, такъ какъ успвии естествознанія все болве переносять центрь тяжести труда на силы природы. Свободная же конкурренція не допустить, чтобы кто-либо браль плату за то, что создается не трудомъ, а силами природы. Въ итогъ, стало быть, самый убъжденный органъ тогдашней мелкой буржувзій энергичніве всякой другой истинно-буржуваной газеты отстаиваль проповъди сикофанта крупнаго капитализма.

3. Буржуазная литература и философія.

Параллельно съ экономическимъ и политическимъ переворотами пятидесятыхъ годовъ шло литературное и философское развитіе. "Въ Амарантъ" Редвицамы видимъ върное отраженіе феодальной романтики фанатической и въ то же время прогнившей до мозга. Слащавый, изнъженный тонъ эпическихъ и лирическихъ произведеній и самый красивый внёшній формать ихъ съ волотыми обрёзами доказывали, что настоящій духъ нъмецкой поэзіи исчезъ. Скудоуміе Боденштедта въ его "Мирза Шаффе", "Rhein, Wein und Wandermärchen" Рокотта, застольныя пъсни Шеффеля старались разогнать политическую тоску нъмецкаго филистера,—какъ краснокожій топитъ въ огненной водъ свое историческое крушеніе. Честно протестовалъ противъ зла своего времени Гуцковъ въ двухъ большихъ романахъ.

Но послѣ труднаго путешествія черезъ девять толстыхъ томовъ онъ признался, что ничего подѣлать не можеть, даже при содѣйствім воображаемаго тайнаго союза всѣхъ рыцарей духа или римскаго волшебника, перешедшаго на сторону свободной общины.

Величайшій драматургъ своего времении, въ нъкоторомъ отношеніи, самый выдающійся драматургъ нъмецкой литературы вообще самодовольно парилъ въ круговоротъ контръ-революціи и подсмъивался надъ ультра-демократами: они-де не уважаютъ собственности и семьи, не признають, стало быть, общества и логически не должны бы признавать ни человъка, ни животнаго, ни дерева, такъ какъ, это, въдь, тоже темницы свободныхъ, стихійныхъ силъ. Въ 40 годахъ Фридрихъ Гебель создалъ единственную мъщанскую трагедію, которая могла соперничать съ пьессою Шиллера "Коварство и любовь". Теперь-же онъ возводить въ герои и эпическаго произведенія идеальнаго рабочаго, защитника капитализма, который грозить убить товарища-соціалиста, чтобы защитить ростовщиковъ. Теперь тотъ же Гебель воскваляеть отвратительное убійство, возводя его на трагическую высоту, - убійство Агнесы Вернауеръ, совершенное средневъковымъ герцогомъ, съ цълью выставить въ прикрашенномъ освъщени насильническое хозяйничаніе реакціи въ Берлинъ и Вънъ; тоть же Гебель поочередно воспъваеть императора австрійскаго и короля прусскаго, какъ творцовъ германскаго величія и силы. Наконецъ, Отто Людвигъ въ своемъ "Наслъдственномъ лъсничемъ", драматическомъ произведеніи предостерегаеть революцію. Въ лицъ лъсничаго онъ желалъ нарисовать инстинктивное правосознаніе массъ въ отрицательномъ съвтв. Лесничій никакъ не можетъ понять, почему ему, "участнику въ трудъ", во всякое время можеть быть отказано "работодателемь". Вследствіе этого ому приходится переживать все ужасы трагедін судьбы.

Не прошло еще года со времени майскаго возстанія 1840 года, и вогт. этэ пьеса, вкладывающая уста грязныхъ негодяелъ нелвпую революціонную философію, была съ шумнымъ успъхомъ впервые поставлена на дрезденской придворной сценъ на глазахъ того самаго министра Вейста, который мучиль арестованныхъ во время майскаго возстанія въ каторжной тюрьмі Вальдгейма, возбуждая негодованіе цивплизованнаю міри. Постановка этой пьесы была со стороны Отто Людвига въ высшей степени не эстетичва и поличически безтактна, и едва ли мы найдемъ другой такой примъръ во всей революціонной литературъ 40 годовъ. Знаменательно также для -іра схинтови ви вівеоп оівержоров ихопе йоте яхъ, противъ когораго энергически боролся Лудольфъ Винбаркъ, эстетическій вожакъ молодой Германіи, Фрицъ Рейтеръ, въ самомъ лучшенъ своемъ произведеніи заставляеть скугу, который убиль производившаго надъ нимъ насиліе ювкера въ порывъ справедливой самообороны, гибнуть отъ угрызеній сов'всти. Онъ же юмористически изобразилъ травлю демагоговъ, которая разбила его собственную жизнь и вызваль этимъ грустиоэ замвчиніе Циглера: "Только такой настоящій нұмець, какъ Рейтерь, можеть еще шутить по поводу столь гнускаго издівательства надъ вакономъ".

Въ области философіи въ эти дни достигъ славы Шопенгауэрь, который въ имсьмахъ къ своимъ апостоламъ повторялъ на всё лады, что дважды два — четыре. Философія узко мёщанскаго рантье взяла верхъ надъ заоблачными стремленіями молодыхъ гегельянцевъ. Въ точеніе цёляго челогівческаго поколівнія, пока въ нёдрахъ нёмецкаго боргерства ганлось още пока немного силы и мужюства, творенія Шопенгауэра, какъ свинецъ, лежали въ складё издателя. И только, когда онъ состарился, попіли въ ходъ его "Парерги и Парилипомены". Какое счастье даже

для нѣмецкаго буржуа, что остроумная въ своемъ родѣ философія избавляла его отъ всякой необходимости въ чувствѣ стыда и раскаянія. Она вѣдь доказывала ему, что всѣ проявленія эгоизма и зависти въ насъ составляютъ ядро человѣческой мудрости. Неудивительно поэтому, что "Фоссова Газета" шла впереди въ роли барабанщика во время тріуфальнаго шествія Шопенгауэра по нѣмецкимъ странамъ.

Идеологи, молодые гегельянцы, были всв выброшены на берегъ бурнымъ потокомъ революціи. Руге въ своихъ попыткахъ "руководить разумомъ событій" попадаль изъ одного трагикомическаго положенія въ другое. Штраусъ, избранный въ Вюртембергскую палату патріотами своего родного города Людвигсбурга, возбудилъ противъ себя недовъріе даже этихъ преданныхъ ему земляковъ, когда выразилъ недовъріе императорско - королевскимъ убійцамъ Роберта Влюма. Бруно Вауэръ добивался въ 1848-49 годахъ въ Берлинъ парламентскаго полномочія. Однако, избиратели не довъряли ему, какъ онъ ни старался убъдить ихъ, что внесетъ свъжій воздухъ критики въ залъ, гдъ борьба интересовъ и фразы дълали воздухъ душнымъ и спертымъ. Тогда онъ съ воодушевленіемъ заговориль о первобытной русской силв. Самь онь жилъ, какъ крестьянинъ, въ Риксдорфъ и работалъ днемъ на полъ съ топоромъ и лопатою, а вечеромъ перомъ и чернилами въ бывшемъ хлъву. Каждую субботу онъ пугалъ лощеныхъ господчиковъ "Крестовой Газеты", появляясь въ ихъ редакціи въ своихъ грязныхъ сяпогахъ, въ плащъ съ семью воротниками и зеленомъ шерстяномъ пледъ. Онъ сдавалъ рукопись для вагнеровскаго словаря общественныхъ и государственныхъ наукъ, въ которой онъ поперемънно обрабатывалъ древнихъ философовъ и современныхъ евреевъ. Максъ Штирнеръ окончательно смирился, повернулся спиною къ революціи, которая, по его мевнію, не могла быть "собственностью" отдъльнаго человъка, но, съ другой стороны, и практика капиталистической борьбы за существование была не по силамъ защищавшему ее философу. И вотъ Штирнеръ, какъ тънь среди живыхъ, шелъ навстръчу медленной голодной смерти.

Безсмертная душа домартовскаго идеализма давно переселилась въ историческій матеріализмъ; на надгробномъ холмв ея смертныхъ останковъ сидвлъ призракъ послъмартовского матеріализма. Проповъдывавшіе его словомъ и дізломъ, Яковъ Молешотъ, Карлъ Фохтъ и Людвигъ Вюхнеръ опирались на естественныя науки, которыя въ пятидесятыхъ годахъ быстро развивались, какъ это было во всв времена расцвъта промышленности. Ихъ матеріализмъ настолько же походиль на французскій матеріализмъ восемнадцатаго стольтія, насколько мантейфельская буржуваія 50-хъ годовъ иміла сходство съ буржуванымъ классомъ, продълавшимъ Великую Французскую Революцію. Онъ не только палъ въ сравненіи съ нъмецкимъ идеализмомъ, но стоялъ гораздо ниже французскаго матеріализма. Онъ пріятно щекоталь послъ ъды поднимавшуюся буржуваю, которая отказалась оть своихъ политическихъ идеаловъ, но радовалась оть души успъхамъ промышленности и естествознанія; такими же пріятными фразами услаждаль за десертомъ Ламетри своего стараго друга Фрица. Какъ прекрасно должень быль чувствовать себя сытый, разжирывшій буржуа, когда Карлъ Фохтъ увъряль его, что мысли находятся въ такомъ же отношения къ головному мозгу, какъ моча къ почкамъ!

Однако, даже тамъ, гдв этотъ матеріализмъ пытался что-нибудь создать, онъ всегда опаздывалъ на одинъ или два почтовыхъ дня. Если онъ ходилъ во-кругъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ, какъ "кошка вокругъ горячей каши", то ему хотвлось, по крайней мъръ, разъ навсегда покончить съ религіозными "суевъріями" и съ "двойной бухгалтеріей"

между върой и знаніемъ. Но въдь еще раньше нъмецкій идеализмъ покончиль съ религіей въ ея грубыхъ или болъе утонченныхъ формахъ, и съ феербаковой сущностью кристіанства буржуваные матеріаписты 50-хъ годовъ, во всякомъ случав, не могли сравниться. Они не умъли даже правильно разграничивать философскія понятія и обходили это затрудненіе такимъ образомъ, что выбрасывали за бортъ всякую вообще философію, какъ только она сразу не давалась уму всякаго образованнаго человъка. -- сирвчь, всякаго буржуа. Но такъ какъ они къ тому же не понимали идеализма вообще, то не могли поразить редигію въ самое больное м'всто. Они не справились съ мышленіемъ, какъ идеализмъ — съ бытіемъ. Фохтъ могъ хвастнуть трескучей, но нельной фразой объ отношеніи между мыслью и мозгомъ и найти въ ней удовлетвореніе. Бюхнеръ же, который нъсколько серьезнве относился къ вещамъ и нвсколько вкусилъ отъ искрометнаго вина своего старшаго брата Георга, быль отброшень своей ограниченной теоріей о матерін и силъ далеко назадъ, въ объятія самыхъ первыхъ отцовъ церкви.

Отрицая трескучія фразы Фохта, онъ самъ утверждаль, что сила и матерія нераздільны, но въ понятіи очень сильно расходятся, а "въ извістномъ смыслів даже исключають другь друга". И дальше: "по крайней мірів, трудно представить себів духъ, силу иначе, какъ нівчто нематеріальное, само по себів исключающее матерію или даже противуположное ей". Но этимъ Бюхнеръ всецівло сталь на сторону дуализма христіанства, на что указаль уже Альберть Ланге. Что сила и матерія нераздівльно связаны, это достаточно доказано въ отношеніи видимой и осязаемой природы. Но коль скоро сила, по сущности своей, представляеть нівчто сверхчувственное, то почему-же ей не существовать самостоятельно или въ сочетаніи съ нематеріальными субстанціями, въ мірів, недоступномъ нашимъ

чувствамъ? Вопросъ о томъ, какъ возникають или исчезають религіи, еще могъ подлежать разрѣшенію историческаго матеріализма. Но онъ внѣ компетенціи отвлеченнаго естественно-научнаго матеріализма, который исключаль историческій процессъ и тотчасъ начиналь блуждать въ густой темнотѣ, какъ только позволяль себѣ выйти за предѣлы своей спеціальности, будь то въ политической и соціальной области или върелигіозной.

Несостоятельность этого матеріализма призналъ также Фейербахъ. Онъ извлекъ изъ него все лучшее, осмъивая глупость реакціи, которая стъсняла философскіе и политическіе споры, но давала полный просторъ естественно научному изследованію; но, вместь съ твмъ, онъ присовокуплялъ, что матеріализмъ Молешотта является для него только фундаментомъ для зданія человъческаго существа и знанія, но не самымъ зданіемъ, какъ для Молешотта. Фейербахъ съ нъкоторымъ предвиденіемъ отыскиваль входъ въ это зданіе. Такъ, онъ выразился, что "человъкъ есть то, что онъ встъ". Надъ этой пресловутой безсмыслицей" тупоумные эклектики нъмецкой университетской философіи до сихъ поръ еще ломають свою патріотическую голову, а между темъ Фейербахъ хотель лишь сказать этимъ, что достаточное человъческое существованіе массъ есть основаніе всякаго образованія и нравственной культуры массъ. Тъмъ не менъе, этотъ благородный мыслитель не могъ понять историческаго матеріализма, такъ какъ онъ никогда не быль знакомъ съ внутреннимъ механизмомъ современнаго буржуазнаго общества. Онъ медленно угасъ въ меланхолическомъ одиночествъ.

Послѣмартовскій матеріализмъ былъ модной игрушкой буржуазіи, которую можно было сломать когда-угодно и которую она дѣйствительно сломала, какъ только выяснилось, что съ ханжествомъ можно дѣлать лучшія дѣла, чѣмъ съ свободомысліемъ. Еще

ярче, чёмъ въ немъ, отразились современные идеалы буржувайи и надежды ея на будущее въ двухъ журналахъ: "Preussische Jahrbücher", которыя издавались въ Берлинв, и "Grenzboten"—въ Лейпцигв. Эти органы были истинными сводниками союза нёмецкой буржуазіи съ прусскимъ государствомъ и знали хорошо, откуда дуетъ вётеръ.

Между ними въ свою очередь произошло разделеніе труда. Вокругъ "Preussische Jahrbücher" сгруппировались историки малогерманскіе; прусское государство они изображали мученикомъ, который всегда истекалъ кровью за единство и свободу Германіи и раздёлялъ общую участь всёхъ мучениковъ— не быть признаваемымъ неблагодарнымъ свётомъ. Такъ, Дрёйзенъ возводитъ въ національные герои старопрусскаго генерала Іорка, типичнёйшаго юнкера, какого только знаетъ прусская исторія. И эта біографія сдёлалась любимою книгою нёмецкой буржуазіи, надъ которой удивленно покачиваль головою при всемъ своемъ прусскомъ патріотизмё старый 80-лётній Шонъ, которому козни Іорка причинили не мало хлопоть.

Рука объ руку съ этимъ обуржувзеніемъ Пруссіи работалъ органъ "Grenzboten" въ смыслё опруссенія буржуваіи. Матодоры ея были Густавъ Фрейтагь и Юліанъ Шмидтъ. "Soll und Haben" Фрейтага идеализироваль въ литературё нёмецкую буржуваію 50-хъ годовъ. Этотъ новый міръ еще полонъ наслёдственныхъ предразсудковъ и пропитанъ уродливыми чертами мёщанства. Изображаемый въ романё торговый домъ Т. О. Шретеръ ведетъ не міровую, а только лишь посредническую торговлю. Герой романа по филистерской скукв, которую онъ наводитъ, не имъетъ себъ равнаго въ литературё романовъ всёхъ странъ. И все же сытая добродётель и кредитоспособная мораль этого примёрнаго мальчика стоитъ выше по сравненію съ обанкротившимся юн-

керствомъ. Фрейтагъ прекрасно сумвлъ наготовить вравственный соусь, подъ которымъ намецкій буржуа желаеть видъть сервированную свою прибыль. Фрейтагъ обладалъ скромнымъ талантомъ, а фантазія почти отсутствовала у него, но самый восторженный религіозный поэть никогда не населяль кимъ несмътнымъ числомъ ангеловъ, какъ Фрейтагъ обставиль каждый глотокъ прибыли торговаго дома "Т. О. Шретеръ" безчисленными гномами. Его "журналисты" рисують рабскую буржуазную прессу геніальной, бодрой, привлекательной. Въ своихъ картинахъ "изъ нъмецкаго прошлаго" онъ доказывалъ, что нъмцы въ теченіе двухъ тысячъ лъть въ своихъ добродътеляхъ и слабостяхъ по своей природъ и характеру были приблизительно все тъ же, какъ и мъщане его времени. Все замъчательно приспособлялось къ этому замъчательному человъку, а если что-нибудь сидъло у него какъ бъльмо на глазу, какъ, напр., еврейская конкурренція, то оно подверглось основательному бичеванію въ лицъ ростовщика Итцига и репортера Шмока.

Нъжно привелъ Фрейтагъ на веревочкъ буржуваный классъ въ лодо своего любимаго пруссофильства. Выросши въ польско-силезскихъ пограничныхъ областяхъ, онъ, по крайней мірів, быль честнымъ и убівжденнымъ пруссакомъ. Это обстоятельство въ такой же мъръ способствовало его успъхамъ, какъ частица реальнаго образованія, которую онъ сохраниль отъ добраго стараго времени нъмецкой учености. умълой и, собственно говоря, не нечестной рукой онъ помогалъ буржувани преобразовать свой идеалистическій духъ въ мамоновскій и перемінить черно-краснозолотую кожу на чернобълую. Гораздо хуже повелъ дъло его товарищъ Юліанъ Шмидтъ. Единственная мысль, которую онъ когда-либо создалъ, заключалась въ требованіи, чтобы романъ изображалъ нёмецкій народъ въ той обстановкъ, при которой онъ представляется съ наилучшей стороны, именно, за работою, другими словами — за наживою. Юліанъ Шмидть наполняль зеленыя тоградки "Grenzboten" столько же бездарными, сколько грубыми критическими статьями о всёхъ заоблачныхъ мечтателяхъ,—отъ Лейбница до Гуцкова. Всё эти статьи онъ собралъ потомъ въвидъ трехъ томовъ исторіи намецкой литературы и преподнесъ это нищенское блюдо буржуваной публикъ, которая не безъ удовольствія вла его.

Противъ романтики Юліанъ Шмидтъ питалъ, по крайней мірь, не совсьмь искренній гивьь, хотя трезвость его была слишкомъ плоская для того, чтобы наносить двиствительные удары. Но его грубость въ отношеніи классической литературы и философіи была прямо возмутительна. Если бы онъ ограничивался только причисленіемъ ихъ къ старью, то съ этимъ можно было бы помириться-почему не быть и такимъ чудакамь? Но онъ поступилъ съ ними несравненно хуже: съ надменностью покровителя, съ заносчивостью невъжества, позади которыхъ скрывалась его собственная неспособность понять ихъ духовно, онъ притуплялъ ихъ мужественную энергію и внушаль добродушнымъ бюргерамъ блаженное чувство, что Лессинги, Гёте, Шиллеры, Канты, Фихте и Гегели — собственно плоть отъ его плоти, и дальше этого были не болве, какъ безнадежные глупцы. О Фейербах в Юліанъ Шмидть писаль, что ему могуть сочувствовать только полуобразованные люди. По этому поводу Фейербахъ замътиль съ кладиокровнымъ презрвніемъ: "Это сужденіе мальчика о взросломъ мужчини. Не менже ръзко высказывались Руге и Шопенгауэръ, что отношеніе Шмидта, въ самомъ лучшемъ случав, можно считать мальчишескиму кощунствомъ. Но и они показывали кулакъ только въ карманв, и не нашлось пока суровой руки, которая по заслугамъ наказаца бы художественнаго критика "Grenzboten".

Глава седьмая.

Успъхи научнаго коммунизма.

Германія 50-хъ годовъ не давала никакого простора для коммунистической пропаганды. Въ рабочемъ классв она не встрвчала никакого отклика, а руководители ея были разсвяны во всвхъ частяхъ земного пара и почти всв вынуждены были вести самую отчаянную борьбу за существованіе. Даже нвмецкій книжный рынокъ былъ закрыть для такихъ людей, какъ Марксъ и Энгельсъ. Самые радикальные издатели и тв приходили въ ужасъ отъ "несвоевременнаго притязанія" печатать ихъ работы. Только въ концв десятильтія Францъ Дункеръ имълъ мужество прорвать этотъ заколдованный кругъ.

Твмъ не менве, 50-е годы не пропали для научнаго коммунизма. Это былъ періодъ собиранія силъ и анализа. Онъ сточилъ съ своего меча зазубрины, полученныя въ жаркихъ битвахъ революціонныхъ годовъ, и построилъ изъ мощныхъ камней ствны для защиты, о которыя противники его постоянно разбивали себъ головы. Тамъ, гдъ возможна еще была практическая пропаганда, какъ въ американской и англійской прессъ, тамъ ею отнюдь не пренебрегали. Въ своихъ разоблаченіяхъ по поводу кельнскаго процесса коммунистовъ, появившихся одновременно въ Бизель и Бостонь, Марксъ приковаль прусское правительство къ позорному столбу, гдъ и было его мъсто. Затъмъ онъ написалъ для нъмецко-американскаго журнала, который вздаваль его другь Вейдемейеръ, исторію французскаго государственнаго переворота "18 брюмера Луи Бонапарта". Онъ объяснилъ тамт, какимъ образомъ классовая борьба во Франціи сдълала возможнымъ для посредственной и грубой личности разыграть роль героя. Эта вдкая критика, блиставшая умомъ и остроуміемъ -- образецъ матеріалистическаго писанія исторіи, открыла для бонапартизма, который вызываль изумленіе всёхь европейскихъ спасителей общества, перспективу его равно позорныхъ успъховъ и пораженій. Въ "New York Tribune", европейскимъ редакторомъ которой Марксъ состояль вплоть до американской гражданской войны, онъ въ яркихъ чертахъ набросалъ исторію нъмецкой революціи и контръ-революціи. Съ такимъ же безкорыстнымъ воодущевленіемъ онъ работаль въ чартистскихъ газетахъ, которыя даже послъ крупнаго пораженія чартизма въ 1848 году продолжали агитировать въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Во многихъ летучихъ листкахъ онъ бичевалъ дружескія услуги, которыя оказываль лордъ Пальмерстонь царизму. Работа эта была велика даже для выдающагося человъка, но она составляла лишь ничтожнъйшую часть того, что вообще сдълалъ Марксъ въ 50-е годы.

Подобно тому, какъ Марксъ черпалъ матеріальныя средства своего существованія, сотрудничая въ "New York Tribune", такъ Энгельсъ находилъ ихъ въ дълъ своего отца въ Манчестеръ, въ которое онъ снова вступилъ. Дальность разстоянія не мъщала имъ работать совмъстно. Они раздълили между собою трудъ такимъ образомъ, что Энгельсъ взялъ на себя защиту общей точки зрвнія противъ нападковъ противниковъ, для чего, впрочемъ, не представлялось случая въ теченіе многихъ літъ. Марксъ же въ общирныхъ изследованіяхь воздвигаль научную основу современнаго коммунизма и находилъ твердые устои для цълей его, связывая ихъ съ общимъ историческимъ процессомъ. Сокровища Британскаго музея давали ему неисчеривемый источникъ для поученія. Въ это десятильтіе Марксъ и Энгельсь наследовали и учились въ различнъйшихъ областяхъ науки. Они использовали вынужденную паузу въ борьбъ для своего великаго дъла съ такою же основательностью, какъ и самые благопріятные шансы для борьбы. Они ни минуты не заблуждались въ томъ, что въ ихъ отечествъ поминаютъ ихъ одною пишь бранью, въ которой открыто и безнаказанно могла проявляться ненависть ихъ противниковъ.

Во всякомъ случав, то были тяжелыя времена, и отголосокъ ихъ дрожить еще въ словахъ, которыя Энгельсъ произнесъ, спустя целое поколение у могилы жены Маркса: "На этоть разъ для Женни Марксъ наступило нагнаніе со всіми его ужасами. И все же она перенесла бы матеріальный гнеть, оть котораго погибли оба ея мальчика и маленькая дочка, но что правительство и буржуваная оппозиція, отъ вульгарныхъ либераловъ до демократовъ, соединились въ одинъ большой заговоръ противъ ея мужа, что они осыпали его самыми жалкими и низкими клеветами, что вся печать закрылась для него и отръзала у него возможность защищаться и что онъ стояль въ данный моменть беззащитный подъ ударами противниковъ, которыхъ и онъ, и она презирали, - все это сильно поразило ее". И въ эти мрачные годы Марксъ совершалъ главную работу для своего крупнъйшаго научнаго труда.

Въ самой Германіи коммунистическая пропаганда жила въ нёмой оппознціи единичныхъ рабочихъ и пылкихъ надеждахъ Фердинанда Лассаля. Въ письмахъ, которыя онъ въ это время писалъ Марксу, ярче всего отражается его революціонный пылъ. Среди дикихъ пёнящихся волнъ контръ-революціи онъ стоялъ точно непоколебимый утесъ, и въ дни бёлаго ужаса домъ Лассаля въ Дюссельдорфё являлся надежнымъ убёжищемъ для всёхъ преслёдуемыхъ. Несмотря на шпіонство полицейскихъ онъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ рейнскими рабочими, читалъ имъ поучительныя рёчи, снабжалъ ихъ книгами, не останавливался передъ денежными жертвами, гдё онъ только въ состояніи былъ помочь. Но тяжелёе всего была для него разлука со старыми друзьями революціонныхъ годовъ. "Ахъ, не вы въ изгнаніи! — писалъ онъ Марксу 24 апръля 1857, — а я. Въдь вась собралось много старыхъ сотоварищей по борьбъ и образу мыслей въ одномъ городъ, я же всъ эти годы живу совсъмъ одинъ, такъ одинешенекъ, совершенно отръзанный отъ прежнихъ братьевъ по оружію. Послідній изъ могиканъ!--какъ я назвалъ себя въ припадкъ сантиментальности. Это, дъйствительно, очень жестоко. Если не говорить о рабочемъ классъ, который сохранилъ здоровыми и свъжими свои сердце и умъ и даже съ тъхъ поръ очень подвинулся въ развитіи, то въ средъ, т. наз., образованныхъ людей все еще и болъе, чъмъ когда-либо, господствуетъ прежняя робость, тоть же страхъ, та же привычка прятаться. Исключеній почти ніть. Правда, Дюссельдорфъ маленькій городъ, и въ немъ вообще нътъ выдающихся умственныхъ силъ. Въ 1854 году Лассаль успъшно окончиль дело графини Гатцфельдть и затемь въ "безумной двухлётней работв" окончилъ свое сочинение о Гераклитъ. Ссылаясь на необходимость наблюдать за печатаніемъ этого сочиненія, а также на болъзнь глазъ, которая заставляеть его посовътоваться съ знаменитымъ врачомъ Грефе, онъ добился отъ берлинской полиціи разръшенія пожить нісколько місяцевъ въ столицъ и написалъ въ упомянутомъ письмъ къ Марксу, что въ ближайшіе дни переважаеть туда.

Лассаль не скрываль ни оть Маркса, ни оть коголибо другого своего стремленія жить въ большомъ городь, да и не имъль ни мальйшаго повода къ этому. Несправедливо поэтому упрекать его въ томъ и объяснять побужденіями тщеславія или жаждою славы то, что являлось законною потребностью существованія какъ въ духовномъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ. Точно также давно распространенная легенда, будто бы Лассаль, чрезъ посредство Александра ф. Гумбольдта, добивался у Фридриха Виль-

гельма IV разръшенія на временное проживаніе въ Верлинъ, окончательно опровергнута. Но, съ другой стороны, опубликованные новъйшіе документы показывають, что Лассаль для того, чтобы сломить необыкновенно злобное и упорное сопротивленіе, которое оказывали его поселенію въ Берлинъ берлинскія власти, неоднократно прибъгалъ къ средствамъ, которыя были ему не къ лицу. Такъ, нельзя признать достойнымъ его письмо, съ которымъ онъ обратился въ мав 1855 къ президенту полиціи ф. Гинкельдею; или прошеніе его на имя принца прусскаго, зам'встителя душевно-больного короля. Въ этихъ заявленіяхъ онъ ходатайствоваль объ отмене приказа о высылке его, изданнаго въ 1858 году. Несомивнно, что основанія для такого приказа были самыя нельныя. Лассаль только что успъль устроиться въ Берлинъ, и вотъ его изгоняють за то, что какой-то военный наглецъ съ товарищемъ безъ всякаго повода напалъ на него на улицъ и по заслугамъ былъ избитъ Лассалемъ. Но все же революціонеру 1848—49 г. не слъдовало подавать просьбы "картечному принцу". Оть этого его должно было удержать то, что Марксъ какъ-то назвалъ простымъ нравственнымъ тактомъ, который побуждаетъ держаться далеко даже отъ кажущагося компромисса съ власть имущими.

Въ этихъ промахахъ Лассаля можно было видъть какъ бы отголосокъ гатифельдтовской исторіи! Еще въ домартовское время заступничество Лассаля за оскорбленную и беззащитную женщину дало первый поводъ христіанскому государству изгнать его изъ Берлина. Точно также и дальнъйшія его отношенія къ графинъ Гатифельдтъ играли извъстную роль для справедливыхъ и доброжелательныхъ представителей берлинской полиціи при разръшеніи вопроса: терпъть ли его въ Берлинъ или нътъ. Во всякомъ случать, какъ ни смотръть на встати дрязги, но именно онъ приковывали "послъдняго изъ могиканъ" къ Германіи и

давали ему возможность неусыпно следить за развитіємъ нівмецкаго дівла. Самъ онъ убівдился въ Берлинъ, какъ легко даже сравнительно небольшое разстояніе способно вызывать оптическіе обманы. Если среди рейнскаго рабочаго населенія все еще были живы традиціи революціонных годовъ, то въ Верлинъ, къ великому его огорченію, ему стало ясно, какъ глубоко еще сидълъ монархизмъ въ восточноэльбскомъ населеніи. Лассаль, какъ реальный политикъ, и притомъ въ совершенно иномъ и болве глубокомъ смыслъ, чъмъ безцвътные либералы, любящіе называть себя таковыми, сумёль использовать этотъ фактъ. Его переписка съ Марксомъ и Энгельсомъ, именно, изъ этой эпохи доказываеть на каждой страницъ, что дъйствія его вытекали изъ яснаго обсужденія, а не зависъли отъ того, что берлинская жизнь наложила на него извъстную печать непріятнаго свой-

Тъмъ не менъе, такое неблагопріятное вліяніе все же существовало. Влагодаря рентв въ нвсколько тысячь талеровъ — что для того времени составляло весьма внушительный доходъ - Лассаль былъ избавленъ отъ всякихъ житейскихъ заботь и, какъ онъ выражается въ своихъ юношескихъ запискахъ, "блисталъ" въ берлинскомъ обществъ. Въ домъ Франца Дункера, гдъ собиралась литературная и политическая оппозиція, онъ былъ центромъ удивленія и нападокъ со стороны многихъ. Но его общественныя отношенія захватывали болъе широкіе круги. Онъ не только соприкасался съ Вэкомъ и Гумбольдтомъ, но вращался, рядомъ съ этимъ, въ такихъ общественныхъ слояхъ, гдъ едва ли можетъ быть даже ръчь объ общности духовныхъ интересовъ и начинается уже простое разыгрываніе моднаго льва.

Не ко благу Лассаля послужило и то, что графиня Гацфельдтъ последовала за нимъ въ Верлинъ. Выло-бы, конечно, несправедливо отрицать высокое

чувство, которое лежало въ основании преданности Лассаля графинъ и ея върности ему. Но постоянная близость съ умной и свътски-опытной 50-лътней женщиной подчасъ отвлекала отъ правильнаго пути гораздо болъе юнаго и потому несравненно болъе наивнаго, при всемъ его геніальномъ самосознаніи, человъка. Безспорно, что тамъ, гдъ графиня Гацфельдтъ вообще могла вліять на Лассаля, она всегда склоняла его къ тому, что считала по своему искреннему убъжденію наилучшимъ. Но, судя по ея прошломъ, она едва-ли могла имъть ясное представленіе о томъ, что для него, дъйствительно, было наилучшимъ. Благодарное благоговъніе, которымъ она окружала его на каждомъ шагу, скоръе поощряло его слабыя, нежели сильныя стороны.

Несмотря на это, онъ никогда не упускалъ изъ виду своихъ великихъ цёлей. Всегда готовый вмёшаться въ дёло развитія революціи, лишь только она
снова вспыхнеть, онъ въ эти дни ожиданій и надеждъ
написалъ свой главный научный трудъ, о которомъ
онъ въ правё былъ сказать, что это "гигантское созданіе человёческаго прилежанія". Въ этой работё онъ
преслёдовалъ ту же революціонную цёль, что и Марксъ,
но пути были иные: въ нихъ ясно сказалось какъ то,
что раздёляло этихъ мужей, такъ и то, что соединяло
ихъ.

г. Марксъ и Лассаль.

Альбертъ Ланге провелъ какъ-то слёдующую параллель между "Капиталомъ" Маркса и "Системою пріобрётенныхъ правъ" Лассаля: "Оба сочиненія сходны въ томъ, что болёе, чёмъ какой-либо другой трудъ, олицетворяютъ гармоническое сліяніе умозрительнаго элемента съ положительнымъ знаніемъ. Различіе же между ними въ томъ, что Лассаль, въ отношеніи умозрительныхъ основъ, болёе независимъ отъ своего учителя (Гегеля), какъ философъ по преимуществу, тогда какъ юридическій матеріалъ его сочиненія, правда, обработанный съ необычайной умственной энергіей, все же какъ будто подогнанъ, именно, къ этой цъди... У Маркса же экономическій матеріаль эмпирическихъ знаній, сгруппированный и освіщенный съ изумительной и ръдкой свободою, какъ бы самъ собою льется. Наобороть, умозрительная форма тесно цепляется за его философскій прототипъ (Гегеля) и мъстами насильственно врывается въ фактическій матеріаль, роняя достоинство труда". Въ одномъ отношеніи эта оцінка извращаеть истинное положение вещей: не Лассаль держался свободнъе и независимъе въ отношеніи философіи Гегеля, а Марксъ; Марксъ совершенно эмансипировался отъ ошибки Гегеля. Лассалю же это удалось сдълать только наполовину. Заблуждение Ланге объясняется тъмъ, что онъ самъ не понималъ историческаго матеріализма. Но въ другомъ отношеніи онъ затрагиваеть самую глубокую причину различія, существовавшую между Лассалемъ и Марксомъ: оба они были революціонеры, но Лассаль одолівль колоссальный научный матеріаль, видя въ этомъ самое могущественное средство революціонизировать общество; Марксъ же, при помощи спеціальныхъ эмпирическихъ знаній, стремился проникнуть въ сущность вещей для того, чтобы служить движущимъ силамъ революцін которыя ділають перевороть въ буржуваномъ обществъ.

Это различіе обозначится, такъ сказать, пластически, если сравнить литературныхъ любимцевъ этихъ двухъ людей. Марксъ любилъ Гомера, Данте, Шекспира, Сервантеса, изъ новъйшихъ писателей Вальзака; Лассаль—Гуттена, Лессинга, Фихте, изъ новъйшихъ—Платена. Это двъ серіи литературныхъ типовъ, въ основаніи различныхъ. Тамъ—умы, которые настолько объективно восприняли въ себя картину цълой эпохи, что всякій субъективный остатокъ болье или менье теряется, порою даже совершенно растворяется, и творцы исчезаютъ за своими твореніями въ миен-

ческомъ туманъ. Здъсь — люди, которые, какъ воспъваеть одинь изъ нихъ, отражають лишь "образъ міроваго образа". Въ ихъ твореніяхъ мы узнаемъ не столько, какъ выглядель міръ, имъ современный, сколько-то, какъ поняли они или старались понять этоть мірь. Кто теперь читаеть памфлеты Гуттена ради ихъ самихъ, ради ихъ содержанія или хотя бы ради ихъ формы? Ихъ читаютъ ради Гуттена. Изъ всвхъ историческихъ фигуръ Гуттенъ былъ ближе всего сердцу Лассаля. Онъ какъ-то говорилъ, судьба Гуттена и его совершенно сходны, поразительно аналогичны. На это можно возразить справедливо, что въ то время, когда Лассаль высказывалъ такое мнъніе, дъйствительность давала для этого меньше всего фактическихъ основаній. И все же оно проистекало изъ очень върнаго чувства. Мы сейчасъ же увидимъ въ высшей степени поразительное сходство въ основной формъ ихъ темпераментовъ, если сопоставимъ самыя раннія ихъ произведенія: дневникъ Лассаля и "Querelae" Гуттена. Сходство простирается вплоть до дътскаго самообмана, будто бы они-безвинно преслъдуемые агецы. А между твмъ -- достаточно прочесть какую-нибудь сотню строчекъ и у Гуттена и у Лассаля, чтобы понять, что они съ самаго ранняго возраста должны были причинять много непріятностей окружающей рутинъ. Выражаясь словами своего любимаго поэта Платена, Лассаль находилъ разръшеніе "узла запутанной загадки своей жизни" въ словахъ Гуттена: "Върно, что на мою долю выпало не больше, можеть быть, даже меньше заботь, чёмъ у другихъ; но боюсь, что Вогъ обременилъ меня темпераментомъ, который сильнюе и глубже страдаеть отъ обыкновенныхъ невагодъ, чвмъ другія сердца!"

Всякое сравненіе бываеть неполно, и было-бы нельпо продолжать параллель между Лассалемъ и Марксомъ, на основаніи ихъ литературныхъ симпатій, дальше того пункта, въ которомъ она освъщаеть раз-

личіе основныхъ чертъ ихъ духовной дізятельности. Это сильно повредило бы и Лассалю и Марксу. Но съ упомянутой оговоркой это сравнение имъетъ свою хорошую сторону. Если на минуту представить себъ, что Марксъ можетъ быть забытъ, что прямо невозможно, то все же главный трудъ его сохранилъ бы значеніе на цёлые вёка впередъ, какъ въ высокой степени върная картина въка крупной промышленности. Наоборотъ, произведенія Лассаля отчасти уже теперь, а твмъ болве черезъ какихъ-нибудь нъсколько десятковъ лътъ сохранятъ значеніе лишь постольку, поскольку они иллюстрирують мысли и дъянія геніальнаго человъка въ эпоху всемірно-историческаго движенія, какъ безсмертныя свидътельства человъческаго духа, но не болъе. Это не монументальныя творевія, въ которыхъ нашелъ себъ классическое выражение великій міровой переворотъ. Это соотношеніе сказывается даже чисто внъшнимъ образомъ: Ласссль даже въ своихъ научныхъ работахъ охотно выдвигаетъ личное міросозерцаніе, тогда какъ Марксъ даже въ политической пропагандъ настолько отодвигаетъ свою личность на задній планъ, что въ теченіе десятковъ літь могли распространять о немъ невъроятно лживыя вещи, которыя находили въру.

Но изъ этого вытекаетъ еще другое: Марксъ охватывалъ своимъ умомъ несравненно большую область, чъмъ Лассаль. Онъ неутомимо переходилъ отъ одной отрасли науки къ другой, какъ скоро его изслъдованія открывали передъ нимъ новые горизонты. Скажемъ для примъра, какъ много работалъ Марксъ, а также Энгельсъ, въ области естественныхъ наукъ, которыхъ Лассаль коснулся развъ мимолетно. Выть можетъ, этому способствовало то обстоятельство, что Марксъ, живя въ изгнаніи въ Англіи, вращался, такъ сказать, на высшей наблюдательной станціи европейскаго общества, тогда какъ Лассаль затерялся въ самомъ захолустномъ уголкъ ея, въ мантейфельской

Пруссіи. Впрочемъ, живя адфсь, онъ чувствовалъ скоръе душевное, чъмъ умственное одиночество и даже удовлетворялся болве узкимъ горизонтомъ, именно, потому, что въ этомъ горизонтв вмвщался міръ, который онъ замыслиль пересоздать. Онъ въ правъ былъ сказать, что, въ своемъ фаустовскомъ стремленіи, онъ при помощи самаго упорнаго и серьезнаго труда прошель весь путь отъ греческой философіи и римскаго права чрезъ различнъйшія отрасли историческаго знанія до современной политической экономіи и статистики. И если ограничиться науками о духъ, то его слова, вызвавния много насмъщекъ, что онъ владветь совокупнымъ образованіемъ ввка, далеко не праздное хвастовство. Тъмъ не менъе, нельзя отрицать, что для Лассаля научное изследование стояло лишь на второмъ плань.

Такь, однажды, въ письмъ къ Гервегу, онъ рисуеть это изследованіе, какъ муку. Правда, эта мука ведеть къ освобожденію, но все же это мука. Быть можеть, онъ нъсколько преувеличилъ для того, чтобы пробудить Гервега изътупой летаргіи, но вотъ, несомнънно, его настоящее мивніе: въ 1859 году онъ писаль Энгельсу, что онъ охотно и дальше занимался бы политическою экономією и философією, но онъ сильно на дъется, что скоро начнется практическое движеніе, которое затормозить всякую серьезную теоретическую дъятельность. "Я охотно оставилъ бы ненаписаннымъ то, что знаю, если бы взамёнь этого мнв удалось сдвлать кое-что изъ того, что мы можемъ". Энгельсъ писаль о Марксв: "Какъ ни искренно радовался онъ по поводу новаго открытія въ какой-либо теоретической наукв, практическое примвненіе котораго принадлежало, быть можеть, отдаленной будущности, но совершенно иного свойства восторгъ охватываль его, когда шла ръчь объ открытіи, которое имъло непосредственное воздъйствіе на промышленность и на историческое развитіе вообще". Что же касается Лассаля, то наука вообще интересовала его, какъ средство для революціоннаго вмѣшательства въ историческое развитіе. За исключеніемъ развѣ его сочиненія о Гераклитѣ, которое было намѣчено и въ большей части своей выполнено въ сороковыхъ годахъ, научная дѣятельность Лассаля въ 50-хъ годахъ сводится къ политико-соціальной ликвидаціи мартовской революціи.

Съ этимъ находится въ связи еще третье обстоя. тельство: -- идеалистическое міросозерцаніе Лассаля-Строго говоря, онъ даже не быль молодымъ гегельянцемъ, а всегда старымъ гегельянцемъ, который глубоко върилъ въ спекулятивное мышленіе, какъ направляющую силу міровой исторіи. Духовная жизнь его сформировалась подъ созвъздіемъ классической философіи и ея первоисточника: античнаго образованія. Когда Лассаль впервые погрузился въ изучение классической философіи, въ ней уже наступило полнъйшее разложеніе; но при всей своей воинственности, онъ никогда не вмъшивался въ эту философскую борьбу. Въ сочиненіяхъ его едва ли когда упоминаются имена ІШтрауса, Бруно Бауэра, Фейербаха, да и то не въ связи съ тенденціями ихъ, направленными къ разрушенію классической философіи. Лассаль быль запоздалымъ последователемъ этой философіи, и къ нему можно примънить то, что говоритъ Гёте для характеристики исторического значенія Вольтера, что старымъ народамъ иногда удается олицетворить въ одномъ индивидуумъ всъ свои добродътели и пороки. Такъ и въ Лассалъ еще разъ воплотились всъ корошія и оборотныя стороны идеализма, который въ дни самаго глубокаго упадка Германіи одинъ удерживалъ ее на высотъ западно-европейскихъ культурныхъ народовъ.

Идеализмъ нашей классической философіи неим і еть ничего общаго съ тёмъ, что носить названіе идеализма въ наше время и противоставляется историческому матеріализму Лассаля для того, чтобы пустыми фразами затуманить рёшительную классовую

борьбу. Лассаль отвергнуль бы такую ссылку съ преэрительной насмъшкой. Что приковывало его къ классической философіи, это-революціонное ядро ея. Ему лично быль ближе другихъ изъ представителей ея Фихте, который съ наибольшею страстностью проникся духомъ великой французской революціи и дальше другихъ зашелъ въ требованіяхъ буржуванаго разума въ смыслъ правъ рабочаго класса. Однако, смълый идеализмъ Фихте нисколько не смутилъ положительнаго ума Лассаля, по поводу котораго Кантъ говорить:, Въ одномъ лишь опытъ истина, всякое же познаваніе вещей на основаніи одного чистаго разума, --призрачно". И Лассаль писаль: "Матерія безъ мысли все еще имъетъ относительное значеніе, но мысль безъ матерін — химера". Съ ръдкимъ умъніемъ пользуясь діалектическимъ методомъ Гегеля, какъ оружіемъ для революціоннаго переворота, онъ въ то же время подчеркивалъ требованіе, неустанно выставляемое Гегелемъ на всъхъ страницахъ его сочиненій, что философія болье всего нуждается въ фундаменть изъ эмпирическихъ наукъ.

Противъ безмозглыхъ, скудоумныхъ подражателей, которые изъ философіи Гегеля создали новый родъ литературнаго творчества, новый беллетристическій соусъ, которымъ они поливали непонятныя и неизвъстныя имъ вещи, Лассаль направиль самую безпощад ную критику. Насколько они были ему противны, доказываеть еще больше, чвмъ эта полемика, слишкомъ снисходительное разсуждение Лассаля о послъмартовскомъ матеріализмъ, которому онъ даже дълаеть комплименть: "Уже Гераклить положиль въ основу своего философствованія положеніе, что мысль есть движеніе матеріи, и Бюхнеръ справедливо ссылается на древнъйшихъ іоническихъ философовъ". Но между ними есть та немалая разница, что Гераклить высказываеть это возаръніе до появленія истинной философіи духа, до того, какъ обозначилось различіе между мысльюи

бытіемъ, тогда какъ современная физіологія дѣлаеть это по окончаніи развитія духовной философіи: "Этотъ возврать, какъ и всякій другой, совершающійся послѣ пройденнаго пути и устраненія различій, не можетъ уже считаться простымъ возвращеніемъ къ первоначальной непосредственности, но долженъ поглотить въ себѣ устраненное различіе". Лассаль дѣлаетъ, правда, примѣчаніе къ этому, что юная философія въ періодѣ броженія и первыхъ восторговъ самосознанія грѣшитъ подчасъ противъ этого требованія. Но и при такой оговоркѣ онъ значительно преувеличиваетъ значеніе Бюхнера и его единомышленниковъ, доказывая этимъ, что его идеализмъ не имѣетъ ничего общаго съ безкровнымъ и безплотнымъ призракомъ, который нынѣ бродить подъ этимъ именемъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

Отъ историческаго матеріализма идеализмъ Лассаля отличался тъмъ, что Лассаль понималъ условія и необходимость пролетарской классовой борьбы не въ ихъ экономической наготъ, но сперва переводилъ ихъ въ идеалистическія формы мышленія, и притомъ въ тъ именно формы, которыя были прежде всего свойственны буржуваному въку, т. е. въ философію и науку о правъ. Но отъ этого Лассаль не былъ еще буржува. нымъ революціонеромъ, такъ же, какъ не были феодальными революціонерамн жел взнобокіе Кромвели, несмотря на ихъ ветхозавътный языкъ. Подобно тому, какъ буржуваная революція совершалась въками еще въ религіозныхъ формахъ мышленія феодальной эпохи, такъ шла, по крайней мъръ, десятильтіями пролетарская революція въ юридическихъ и философскихъ формахъ мышленія буржуазнаго въка. Только историческій матеріализмъ разбиль ихъ сознательно и вполнъ. Чего не могли никогда понять буржуваные революціонеры и соціалистическіе доктринеры, именно-всемірно исторического значенія пролетарской классовой борьбы, то поняль Лассаль. Его отдёляла оть историческаго матеріализма лишь та несравненно болю тонкая грань, что его пониманіе выливалось въ буржуваныя формы мышленія.

Лассаль быль убъжденнымъ коммунистомъ въ смыслъ, Коммунистическаго манифеста". Нъкоторые ошибки и промахи его объясняются только тъмъ, что онъ экономическія возарвнія манифеста переводилъ себъ сперва на юридическій и философскій языкъ. Такъ какъ Лассаль понималъ пролетарскую классовую борьбу, то проповъдываемый классическій культь государства никогда не могъ выродиться у него въ такую застывшую форму, какъ у Родбертуса. Но, вмъств съ твмъ, онъ не могъ никогда окончательно порвать съ культомъ государства, потому что никогда не порывалъ съ идеалистическими формами мышленія. Нъть сомнънія, что онъ чувствоваль себя горавдо увъреннъе въ юридической и философской областяхъ, нежели въ экономической. Было бы, однако, сильнымъ преувеличениемъ утверждать, что въ экономической области за Лассалемъ, вообще, нельзя признать реальныхъ и самостоятельныхъ изследованій. Это онъ во всякомъ случав двлалъ, и притомъ съ такимъ успъхомъ, который могъ бы покрыть лаврами цълый полкъ академическихъ педантовъ. Но такъ свободно, какъ Марксъ и Энгельсъ, онъ не владълъ этой областью, потому что его идеалистическія формы мышленія слишкомъ часто преграждали ему пути. Въ пылу борьбы онъ хватался за свое оружіе тамъ, гдъ находилъ его въ смыслъ извъстнаго изреченія Лессинга: "Наверхъ приходить не тоть, кто делаеть лестницу, а кто поднимается по ней, и ловкаго и смълаго человъка не удерживаеть и гнилая лъстница". Въ этомъ смыслъ буржуазные экономисты правы, утверждая, что Лассаль не быль соціалистомъ-теоретикомъ, проложившимъ новые пути. О, если бы эти кроты, которые такъ хорошо оріентируются въ темнотъ, были бы такъ же способны видъть свътъ!

Если идеализмъ былъ слабостью Лассаля, то, вмъ-

сть сътьмъ, онъ черпалъ въ немъ и силу. Въдь онъ далъ Лассалю ту непоколебимую въру въ силу идеи, съ помощью которой Лассаль свершилъ такъ много великаго. Допуская даже, что Лассаль не такъ глубоко понялъ законы движенія и развитія современнаго буржуазнаго общества, какъ Марксъ и Энгельсъ, мы все же не имъемъ права оцънивать историческое значеніе его исключительно или, главнымъ образомъ—съ этой, во всякомъ случать, не ръшающей стороны. Историческія проблемы — не школьныя упражненія, которыя мы оцъниваемъ по числу ошибокъ. Каждая историческая личность можетъ быть освъщена и оцънена лишь въ своей исторической обстановкъ.

Если сравнивать Лассаля съ Марксомъ и Энгельсомъ, которые выросли при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, то онъ до извъстной степени теряется передъ ними въ тъни, — какъ и вообще на его жизненномъ пути легли несравненно болъе густыя тъни, чъмъ въ жизни Маркса и Энгельса. Но если сравнивать его съ современниками, которые восприняли свои, опредъляющія жизнь человъка, впечатлънія приблизительно при одинаковыхъ и даже при болъе благопріятныхъ условіяхъ, съ молодыми гегельянцами на философской, съ Родбертусомъ на экономической и Іоганномъ Якоби на политической почвъ, то фигура Лассаля неизмъримо вырастаетъ и въ ширь, и въ высь.

Невзирая на идеалистическое міросозерцаніе, которое онъ раздѣлялъ съ ними, онъ достигъ того, что не удалось никому изъ этихъ людей: онъ добрался до сущности научнаго коммунизма, благодаря своимъ великимъ дарованіямъ, своимъ революціоннымъ инстинктамъ, но прежде всего—благодаря своему честному и неутомимому стремленію къ истинъ.

2. Марксъ о товаръ и деньгахъ.

Первымъ плодомъ научной работы, совершенной Марксомъ въ 50-хъ годахъ, была небольшая, изданная имъ книга подъ заглавіемъ: "Къ критикъ политической экономіи". Въ предисловіи онъ разсматривалъ систему буржуазной экономіи въ такомъ порядкъ: капиталъ, земельная собственность, наемный трудъ, государство, иностранная торговля, міровой рынокъ. Въ первыхъ трехъ изъ этихъ рубрикъ онъ желалъ наслъдовать экономическія условія жизни трехъ большихъ классовъ, на которые распадалось современное буржуазное общество. Первый отдълъ первой книги, трактующей о капиталъ, долженъ былъ состоять изъ трехъ главъ: о товаръ, о деньгахъ и о капиталъ вообще. Объ главы о "товаръ" и "деньгахъ" составили содержаніе первой книжки, изданной Марксомъ въ 1859 году.

Вмъстъ съ тъмъ, онъ набросалъ въ предисловіи краткій очеркъ хода своихъ изслъдованій. По его словамъ, изслъдованіе гегелевской философіи права привело его къ выводу, что правовыя отношенія и государственныя формы не могутъ быть поняты ни сами по себъ, ни изъ, такъ называемаго, общаго развитія человъческаго духа; что они, наоборотъ, коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель называеть буржуазнымъ обществомъ, и что анатомію буржуазнаго общества слъдуетъ искать въ политической экономіи. За симъ слъдуетъ то классическое изложеніе матеріалистическаго воззрънія на исторію, которое съ тъхъ поръ часто перепечатывалось.

Въ предисловіи Марксъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ указаль на историческій характеръ своего сочиненія, который столь же недвусмысленно выступаеть на каждой страницѣ самого текста. Марксъ такъ начинаетъ: "На первый взглядъ, буржуазное богатство представляетъ собою необычайное скопленіе товаровъ, а отдѣльный товаръ — элементарную частицу его". Марксъ изслѣдуетъ опредѣленную историческую форму общества. Онъ не стремится установить, чѣмъ могли бы или должны бы быть товары и деньги въ общемъ философскомъ смыслѣ, а только

лишь выяснить, что они суть въ современномъ буржуазномъ обществъ. Уже въ своемъ сочинении противъ Прудона Марксъ осмвиваеть экономистовъ, которые отождествляють условія жизни буржуазнаго общества съ условіями существованія человъческаго общества вообще. Въ "Критикъ политической экономін" онъ уже обстоятельно разсматриваеть историческое развитіе, а вмість съ этимь-историческія условія теорій о товаръ и деньгахъ. Несмотря на это, буржуазные оппоненты, вследствие сознательнаго обмана или безсознательнаго самообмана, постоянно затемняють дело и утверждають, будто бы Марксь, именно, въ своей теорін цвиности выдумаль изъ своей головы какой-то идеальный или нравственный принципъ, который болъе умныя или болъе нравственныя головы въ состояніи разбить при помощи какихъ-нибудь другихъ идеальныхъ или нравственныхъ принциповъ. И это говорилось о томъ самомъ Марксъ, который подробно изложилъ то, что впервые было косвенно признано Рикардо, именно, что теорія ц'виности, для своего полнаго развитія, предполагаеть существование общества съ крупнымъ промышленнымъ производствомъ и свободной конкурревціей, т. е. современнаго буржуванаго общества!

Изъ историческаго воззрѣнія Маркса вытекало, что онъ взяль въ руки нить изслѣдованія тамъ, гдѣ она оборвалась у буржуазныхъ экономистовъ. Рикардо развиль въ самомъ чистомъ видѣ опредѣленіе цѣнности товара рабочимъ временемъ, не безъ того, чтобы теорія его не создала рядъ противорѣчій, которыхъ не могли разрѣшить ни буржуазная политическая экономія, ни соціализмъ въ данной фазѣ развитія. Укажемъ хотя бы на разницу между платою за работу и продуктомъ работы, которая такъ рѣзко противорѣчила закону цѣнности Рикардо и которую пытались устранить исключеніемъ денегъ Грей, Прудонъ и Родбертусъ. Рѣзче, чѣмъ кто-либо другой, Марксъ доказалъ базнадежность этихъ попытокъ. Нужно было,

однако, положительно доказать, гдё скрывалась ошибка Ракардо, и въ чемъ, именно, буржуазные экономисты недостаточно глубоко проникли въ организмъ буржуазнаго общества. Марксъ подвергъ тщательному пересмотру способность труда создавать цённость. Онъ изслёдовалъ, какой трудъ и почему, и какъ создаетъ цённость, и почему цённость есть не что иное, какъ трудъ, вылившійся въ опредёленную форму. Онъ расчленилъ далёе отношеніе между товаромъ и деньгами и доказалъ, какъ и почему товаръ, въ силу присущаго ему свойства цённости, въ связи съ обмѣномъ товаровъ должны создавать противоположность между товаромъ и деньгами.

Марксъ первый открыль двойственный характеръ, который принимаеть трудъ въ буржуазномъ обществъ. Каждый товаръ представляется съ двоякой точки зрънія: какъ потребительная и какъ міновая цінность. "Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительныя цінности всегда составляють его содержаніе, которое, собственно, безразлично къ формъ. Вкусъ пшеницы не покажетъ намъ, кто ее воздълалъ, русскій кръпостной, французскій мелкій или англійскій мелкій крестьянинъ капиталистъ. Являясь общественной потребностью и отсюда пріобрътая общественное значеніе, потребительная цінность въ этомъ безразличін къ экономическому опредъленію формы, т. е. потребительная цінность, какъ таковая, лежитъ за предълами области политико-экономическихъ изследованій. Она входить въ эту область только тогда, когда сама является опредъленіемъ формы. Непосредственно она является вещественнымъ основаніемъ, на которомъ зиждется опредъленное экономическое отношеніе, міновая цінность". Этими ясными положеніями Марксъ заткнуль источникъ безконечныхъ недоразумвній и швырнулъ въ огонь цвлую кучу экономическихъ учебниковъ.

Какъ мъновая цънность, всякая потребительная

цънность имъетъ ровно такое же значеніе, какъ и другая, предполагая, что она имъется въ требуемой пропорціи. "Мъновая цънность какого-нибудь дворца можетъ быть выражена въ опредъленномъ числъ коробокъ сапожной ваксы. Съ другой стороны, лондонскіе фабриканты сапожной ваксы выразили мъновую цънность своихъ помноженныхъ коробокъ во дворцахъ". Когда товары обмъниваются совершенно независимо отъ естественной формы ихъ существованія и безъ отношенія къ специфическимъ потребностямъ, которыя они должны удовлетворять, то, несмотря на все свое кажущееся разнообразіе, они представляютъ одну и ту же единицу.

Потребительныя цвиности суть, прежде всего, средства къ существованію; но эти средства, въ свою очередь, являются продуктами общественной жизни, результатомъ затраченной человъческой жизненной силы, трудомъ, превращеннымъ въ вещь. Въ смысле вещественнаго труда всв товары являются кристаллизаціями одной и той же единицы. "Трудъ, который равномърно овеществляется въ нихъ, т. е. трудъ въ формъ мъновой цвиности, самъ представляетъ однородную, безразличную, простую работу. Для него должно быть совершенно безразлично, проявляется ли онъ въ золотъ, жельзь, ишениць, шелкь. Такъ, для кислорода всеравно, находится ли онъ въ ржавчинъ жельза, въ атмосферъ, виноградномъ соку или крови человъка". Коль скоро различіе потребительныхъ цінностей проистекаеть изъ различія производящей ихъ работы, то для труда, создающаго мъновыя цънности, одинаково безразличны, какъ спеціальное вещество потребительныхъ цънностей, такъ и особая форма самаго труда. далье, различныя потребительныя цвиности суть продукты двятельности различныхъ индивидуумовъ, стало быть, результать индивидуально-различныхъ работь, то, въ качествъ мъновыхъ цънностей, онъ изображають одинаковую, безразличную работу, т. е. работу, въ которой растворилась индивидуальность работающихъ. Слъдовательно, трудъ, создающій мъновыя цънности, есть абстрактный, общій трудь, который различается уже не по качеству, а только лишь количественно, большими или меньшими количествами, которыя онъ овеществляеть въ мізновыхъ цізностяхь различныхъ размізровъ. Количественно неодинаковыя суммы абстрактнаго общаго труда могутъ быть измъряемы не иначе, какъ рабочимъ временемъ, масштабомъ котораго служатъ естественныя міры времени: часъ, день, неділя и т. д. Рабочее время есть живое воплощение труда, безразличное къ єго формъ, содержанію, индивидуальности. Какъ мъновыя цънности, всъ товары являются лишь опредъленными мърами овеществленнаго рабочаго времени. Рабочее время, овеществленное въ потребительныхъ ценостяхъ товаровъ, представляетъ въ одно и то же время и субстанцію, которая превращаеть ихъ въ мъновыя цвиности и, стало быть, въ товары, и мъру, опредъляющую величину ихъ цънности.

Приведеніе различныхъ формъ труда къ безразличному, однородному, простому труду есть не болве, какъ абстракція. Но въ общественномъ процессъ производства такая абстракція совершается повседневно. "Превращеніе всвить товаровъ въ рабочее время — небольшая, но въ то же время не менъе реальная абстракція, чъмъ разложеніе всякаго органическаго тыла на газы". Эта абстракція существуеть въ видъ средней работы, которая можеть быть выполнена каждымъ среднимъ индивидуумомъ даннаго общества и представляеть опредъленную производительную трату человъческихъ мышцъ, нервовъ, мозга и т. д. Это простой трудъ, который охватываеть наибольшую часть всей работы въ буржуазномъ обществъ. Сложный трудъ есть простой трудъ въ высшей потенціи. Такъ, сложный рабочій день равняется тремъ простымъ рабочимъ днямъ. По какимъ бы законамъ ни совершалось это расчлененіе сложной работы на простыя единицы труда, но практическій опыть показываеть, что оно совершается повседневно. Продукты сложнаго труда ежедневно обміниваются въ опреділенной пропорціи на продукты простого средняго труда. Даліве, ясно, что рабочее время, создающее цінности, должно быть необходимымъ рабочимъ временемъ, необходимымъ для того, чтобы при данныхъ общихъ условіяхъ производства создать новый эквемпляръ того же товара. Что цінность вещи составляеть не время, въ которое она была произведена, а минимумъ времени, въ который она могла быть произведена, это Марксъ доказалъ уже въ своей "Нищеть философіи".

Двойственный характеръ труда составляеть осоисторически опредъленной общественной бенность формы производства, именно, товарнаго производства, которое въ капиталистическомъ обществъ и вмъстъ съ нимъ стало преобладающей формой производства. Поскольку трудъ создаеть потребительныя ценности, онъ присущъ всвиъ возможнымъ общественнымъ формамъ. Но какъ цълесообразная дъятельность, имъющая цълью утилизировать природу въ той или иной формъ, онъ является необходимымъ условіемъ человъческаго существованія, условіемъ обмъна между человъкомъ и природой, независимымъ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ формъ. Этотъ трудъ предполагаетъ существованіе матеріи и, следовательно, не есть единственный источникъ создаваемаго имъ, именно, вещественнаго богатства. Какъ бы ни было различно соотношеніе между трудомъ и естественной матеріей въ различныхъ потребительныхъ ценностяхъ, но всегда потребительная ценность заключаеть естественный субстратъ.

Наобороть, трудъ, создающій мёновыя цённости, всегда представляеть специфически общественную форму труда. Въ первобытномъ коммунизмё, который мы находимъ на порогё исторіи всёхъ культурныхъ народовъ, каждая работа (въ отдёльности), непосред-

ственно пріобщалась къ общественному организму. Въ средніе въка общественной стороной труда являлась не общность, а индивидуальность его въ видъ личной службы и натуральныхъ повинностей. Въ патріархальной сельской семьв, гдв женщины пряли, а мужчины ткали для собственныхъ потребностей семьи, пряжа и холстъ были общественными продуктами, пряденіе и ткачество -- общественнымъ трудомъ въ предълахъ семьи. Семейная связь, съ ея естественнымъ раздъленіемъ труда, клала на продуктъ работы свой особенный общественный отпечатокъ. Пряжа и холсть не обмънивались другъ на друга, какъ равнозначущія и признаваемыя одинаковыми выраженія одного и того же общаго рабочаго времени. Лишь въ производствъ товаровъ каждая отдъльная форма труда принимаеть общественный характерь въ силу того, что становится абстрактной общностью, т. е. получаетъ совершенно противоположное значеніе. М'йновая цінность есть предметное выражение специфически общественной формы труда. Какъ таковая, она не содержитъ природнаго вещества, но трудъ служитъ ея единственнымъ источникомъ, а слъдовательно-единственнымъ источникомъ богатства, состоящаго изъ мъновыхъ цвиностей.

Товаръ есть непосредственное единство потребительной и мёновой цённости, но въ то же время онъ является товаромъ лишь въ отношеніи другихъ товаровъ. Дёйствительное отношеніе товаровъ между собою выражается въ мёновомъ процессё. Въ этомъ процессё, въ которомъ принимаютъ участіе независимые другъ отъ друга индивидуумы, товаръ въ одно и то же время является потребительной и мёновой цённостью: особымъ трудомъ, который удовлетворяетъ спеціальной потребности, и общимъ трудомъ, который можетъ быть вымёниваемъ на равныя количества общаго же труда. Процессъ обмёна товаровъ создаеть и разрёшаетъ противорёчіе, состоящее въ томъ, что

индивидуальный трудъ, который овеществляется въ особомъ товаръ, долженъ непосредственно принимать характеръ общности.

Какъ мъновая цънность, каждый отдъльный товаръ становится мъриломъ цънностей всъхъ прочихъ товаровъ. Наоборотъ, всякій отдъльный товаръ, которымъ измъряется цънность всъхъ прочихъ товаровъ, становится адэкватнымъ бытіемъ мъновой цънности. Слъдовательно, мъновая цънность становится особымъ исключительнымъ товаромъ, который, вслъдствіе превращенія въ него всъхъ другихъ товаровъ, непосредственно овеществляетъ общее рабочее время. Такимъ образомъ, въ одномъ товаръ разръщается противоръчіе, которое онъ совмъщаетъ, какъ товаръ: быть одновременно особымъ предметомъ потребленія и, вмъстъ съ тъмъ, общимъ эквивалентомъ и, стало быть, потребительной цънностью для каждаго—общей потребительной цънностью. И этотъ товаръ есть — деньги.

Въ деньгахъ мъновая цънность товаровъ кристаллизуется, какъ особый товаръ. Денежный кристаллъ есть необходимый продукть процесса обміна, въ которомъ фактически уравниваются между собою разнороднъйшіе продукты труда и превращаются въ настоящіе товары. Развитіе ихъ шло инстинктивно историческимъ путемъ. Непосредственная торговля, первобытная форма мънового процесса представляетъ скорве начало превращенія потребительныхъ цвиностей въ товары, чёмъ товаровъ въ деньги. Чёмъ дальше развивается міновая торговля и чімь больше потребительныя цвиности становятся товарами, чвмъ больше, стало быть, мъновая цвиность пріобрътаеть свободную форму и не связана болъе непосредственно съ потребительною цънностью, -- тъмъ больше она побуждаетъ созданію денегъ. Первоначально роль играеть одинъ какой-нибудь товаръ или даже нъсколько товаровъ изъ самыхъ распространенныхъ потребительныхъ цвиностей: скоть, хлвбъ, рабы. Самые разнообразные и, болъе или менъе, неподходящіе товары поочередно выполняли функцію денегь. Если эта функція подъ конецъ перешла къ благороднымъ металламъ, то причина лежитъ въ томъ, что благородные металлы обладають необходимыми физическими качествами особаго товара, въ которомъ должна кристаллизоваться денежная сущность всвхъ товаровъ, носкольку они непосредственно вытекають изъ природы міновой цінности. Эти свойства-прочность ихъ потребительной цінности, ділимость на сколько угодно частей, однородность частей и безразличіе всвхъ экземпляровъ этого товара. Онъ не долженъ портиться, пока длится процессъ обмъна, долженъ представлять однородное вещество, какъ овеществленіе общаго рабочаго времени, и быть способнымъ изображать лишь количественныя различія.

Въ свою очередь, изъ благородныхъ металловь золото все болъе и болъе становится исключительнымъ денежнымъ товаромъ. Оно служитъ мъриломъ цънностей и показателемъ цънностей, оно является средствомъ обращенія товаровъ. Благодаря мгновенному превращенію товара въ золото, накопленный въ немъ особый трудъ становится абстрактнымъ общимъ, общественнымъ трудомъ. Если такое превращеніе товара не удается, то онъ не достигаетъ своей цъли не только какъ товаръ, но и какъ продуктъ, такъ какъ товаромъ онъ является только потому, что не имъетъ потребительной цънности для своего обладателя.

Золото, какъ специфическій товаръ, который служить міриломъ цівностей и средствомъ обращенія товаровъ, превращается въ деньги безъ дальнійшаго содійствія общества. Въ противоположность товарамъ, изображающимъ лишь самостоятельное бытіе мівновой цівности, всеобщаго общественнаго труда, абстрактнаго богатства, золото есть вещественное бытіе абстрактнаго богатства. Но золото есть, вмівсті съ тівмъ, матеріальный представитель вещественнаго богатства. Оно

удовлетворяетъ всякую потребность, поскольку оно можетъ быть непосредственно превращено въ предметъ всякой потребности. Въ своей чистой металличности оно заключаетъ въ потенціальномъ состояніи все богатство, которое развернуто въ міръ товаровъ. По самой формъ своей оно непосредственно воплощаетъ всеобщій трудъ, а по содержанію — совокупность всёхъ реальныхъ видовъ труда. Это — всеобщее богатство, какъ индивидуумъ. Изъ раба оно стало господиномъ, изъ простого работника — богомъ товаровъ.

Марксъ проследилъ роль денегъ въ буржуазномъ обществе во всехъ ея разветвленіяхъ, на все проливая светь, где раньше господствовали сумерки или полный мракъ. Его проницательность въ экономическомъ анализе напоминаетъ тоть паровой молоть, о которомъ онъ однажды выразился: "Онъ, играя, стираетъ въ порошокъ гранитную глыбу и съ такою же легкостью вгоняетъ гвоздь въ мягкое дерево посредствомъ последовательныхъ нежныхъ ударовъ". Поэтому нетъ ничего боле ошибочнаго, какъ упрекать Маркса въ затемняющей минологіи и непонятной мистике, какъ это сделали Рошеръ и его последователи. Напротивъ, Марксъ снялъ завесу мистики и минологіи съ производства товаровъ, которая неоднократно смущала буржуазныхъ экономистовъ.

Онъ показалъ, какъ общественное отношение производства представляется, какъ предметъ, существующій внв индивидуумовъ; какъ опредвленныя отношенія, въ которые они вступаютъ въ процессв производства своей общественной жизни, принимаются за специфическія свойства извъстной вещи, — и какъ это извращеніе, эта прозаически-реальная, а не воображаемая мистификація характеризуетъ всв общественныя формы труда, создающаго мъновыя цънности. "Въ товаръ эта мистификація еще очень проста. Всв болье или менъе сознаютъ, что отношеніе товаровъ, какъ мъновыхъ цънностей, есть въ сущности, отношеніе лицъ къ ихъ вааимной продуктивной дъятельности. Въ высшихъ отношеніяхъ производства эта кажущаяся простота исчезаеть. Всв иллюзіи монетной системы происходять отъ того, что на золотв не видно, что оно представляеть общественное отношение производства, но только въ формъ естественной вещи съ опредъленными качествами. Съ современными экономистами. которые посмънваются свысока надъ иллюзіей монетной системы, случается та же иллюзія, какъ скоро имъ приходится имъть дъло съ высшими экономическими категоріями, напр., съ капиталомъ. Это сказывается въ наивномъ изумленіи, когда то, что они ощущали крвико въ рукахъ, какъ вещь, преображается въ общественное отношение, а то, что они привыкли представлять себъ общественнымъ отношеніемъ, дразнить ихъ. какъ вещь". Лучше бы Рошеръ поглубже вдумался въ это остроумное разграничение, чъмъ безпрерывно твшить себя въ своихъ толстыхъ фоліантахъ измышленіями, будто Марксъ талантливъ, но не проницателенъ.

На товаръ и деньгахъ Марксъ доказалъ мистификацію товаропроизводства. Теперь онъ пожелалъ провърить то же самое на капиталъ. Но внъшнія обстоятельства, между прочимъ, длительная бользнь, которая то и дъло прерывала его работу, цълыхъ 8 лътъ мъшали ему продолжать трудъ, печатаніе котораго продолжалось еще въ 1859 году, а пока о первомъ выпускъ не проронили ни слова въ то время, какъ изданія учебника политической экономіи Рошера быстро слъдовали одно за другимъ. Въ этомъ учебникъ историческій методъ праздновалъ свое торжество пестрой болтовней о товаръ и деньгахъ вплоть до восторженнаго открытія, что деньги — "пріятный товаръ".

3. "Гераклитъ" Лассаля.

Сочиненіе Лассаля о Гераклить, появившееся въ 1858 году, не имъетъ непосредственнаго отношенія къ общественной дъятельности Лассаля. Это было какъ бы ученическое сочиненіе, которымъ послѣдователь Гегеля увѣнчалъ свои школьные годы, аттестатъ зрѣлости, съ которымъ Лассаль вступилъ въ высшую школу жизни.

Лассаль задумаль плань въ широкомъ масштабъ. Онъ ссылался на слова современнаго ученаго, по всей въроятности Бекка, что нъмецкая наука со времени Винкельмана, Гердера и Канта стремится сознательно и безсознательно изучать божественныя и человъческія вещи съ всемірно-исторической точки зрівнія и достигнуть этого путемъ сочетанія филологіи, исторіи и философіи. Онъ пророчески прибавляль, что наступить время, когда исторія философіи такъ же, какъ и исторія религіи, искусства, государства и жизненныхъ формъ гражданскаго общества, не будутъ представлять болъе изолированныхъ наукъ, но будутъ разсматриваемы и излагаемы всв въ ихъ конкретномъ взаимодвиствін въ пантеонв историческаго духа, другими вловами, въ живомъ процессъ ихъ происхожденія и работы. Въ этомъ признаніи единства всёхъ наукъ этотъ самостоятельный мыслитель съ самаго начала отдълился отъ спеціалистовъ, ученыхъ ремесленниковъ. Не удивительно поэтому, что Лассаль обратилъ свой взоръ на человъка, который впервые открылъ единый законъ, охватывающій всю вселенную.

Для того, чтобы понять этого человъка и то, что было сдълано имъ, необходимо было громадное и глубокое знаніе въ области филологіи, исторіи и философіи. "Философія Гераклита Темнаго изъ Эфеса", которую Лассаль изложиль въ двухъ толстыхъ томахъ "на основаніи новаго собранія ея отрывковъ и по свидътельству древнихъ", считалась еще въ древности трудно доступной пониманію. Такой гигантъ мысли, какъ Аристотель, признаваль, что въ ръчи Гераклита нътъточекъ опоры, и что чрезвычайно трудно то, что онъ написалъ, разбить на отдъльныя предложенія, такъ какъ не разберешь, что относится къ послъдующему и что къ преднаущему. Современный же изслъдователь

не располагаеть даже сочиненіями Гераклита о природів, оть котораго уцівлівли только отдівльные обрывки и то въ искаженной формів. Греческія и римскія философскія школы, а также христіанскіе отцы церкви толковали ихъ сообразно нхъ собственнымъ цівлямъ и пользовались ими для построенія нхъ собственныхъ системъ мысли и візры.

Съ техъ поръ, какъ голландскій ученый Данінлъ Виттенбахъ въ XVIII столътіи первый снова обратилъ вниманіе на Гераклита, цілый рядь выдающихся умовь въ Германіи, Шлейермахеръ, Шеллингъ, Крейцеръ, Беккъ, Гегель и др., дъятельно старались разгадать гераклитову философію. Наибольшая заслуга въ смыслъ собиранія и толкованія отрывковъ ся принадлежить Шлейермахеру. Онъ понималъ основную мысль греческаго философа, какъ движение и творение: движеніе-какъ перемъщеніе по прямой линіи, твореніекакъ простое индифферентное измъненіе. Съ другой стороны, Гегель указывалъ, что Гераклитъ понималъ твореніе въ смыслъ діалектическаго движенія, что онъ первый призналъ единство противоположности, тождество бытія и небытія и положиль его въ основу своей системы, что у Гераклита мы впервые встрвчаемъ философскую идею въ ея спекулятивной формъ. На этомъ пункть Лассаль сталь продолжать наслъдованіе о Гераклить. Характерно какъ для высокихъ стремленій, такъ и для увъренности въ собственныхъ силахъ этого юноши, не достигшаго еще 20 леть, что онъ пожелаль помъряться съ самыми выдающимися мыслителями и наследователями въ области, которая была полна нензчислимыхъ трудностей.

Объ отношеніи труда Лассаля къ Гегелю циркулирують два мивнія, которыя одинаково ошибочны или, по меньшей мірів, одинаково сильно преувеличены. Во-первыхь, утверждають, что Лассаль не внесь ничего такого, чего нельзя было бы найти въ главныхъ чертахъ у Гегеля. Это такъ же невіврно, какъ и то, что

Марксъ не сдвлалъ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ главныхъ чертахъ уже у Рикардо. Лассаль примыкаеть къ Гегелю по праву изследователя, который приступаеть къ научной проблемъ съ того пункта, на которомъ остановились другіе. Въ сравненін съ маленькимъ очеркомъ Гегеля, набросаннымъ на нъсколькихъ страницахъ, трудъ Лассаля является безусловно самостоятельной работою, которая исправляеть и дополняеть, расширяеть и углубляеть изслъдованіе Гегеля. Во-вторыхъ, говорять, что Лассальтакъ сказать, приноровилъ греческаго философа къ гегелевской философіи, но утверждать что-либо подобное можеть только тоть, кто не читаль книги Лассаля или ограничился перелистываніемъ ея. Лассаль неустанно твердить, что Гераклить быль по существу физикъ, а не спекулятивный логикъ, что онъ старался при помощи чувственныхъ понятій овладіть діалектическимъ міровымъ процессомъ, и что философія его тъмъ и страдаетъ, что Гераклитъ не сумълъ выразить природу мысли въ формъ мысли.

Съ изумительною проницательностью и не менъе наумительнымъ знаніемъ греко-римскихъ источниковъ Лассаль доказываеть, что подъ именемъ огня, ръки и другихъ чувственныхъ понятій Геракдить изображалъ постоянно осуществляющееся единство бытія и небытія; что, напр., подъ первичнымъ принципомъ огня онъ понималь не определенную чувственную стихію, а только лишь созиданіе, движеніе въ философской формъ; что подъ міровымъ пожаромъ онъ понималь не уничтоженіе вселенной въ пламени чувственнаго огня, а діалектическій потокъ творенія, законъ, совидающій міръ и всёмъ управляющій; Лассаль устанавливаеть самыя широкія историческія связи философіи Гераклита, начиная отъ орфическихъ предотавленій и ученій восточныхъ религій до умозрѣній Платона и стоиковъ и вплоть до догматовъ перваго христіанства. Конечно, онъ стоить на идеалистической точкъ зрънія, но онъ не испаряеть ее, какъ это дълали офиціальные гегеліанцы. Онъ ищеть для себя точку опоры, именно, тамъ, гдъ гегелевская философія, какъ выразился позднъе Лассаль, сама же идетъ противъ себя, гдъ абсолютная идея должна уступить историческому развитію, Лассаль видить въ исторіи философіи исторію научной мысли, сознающей себя. Но, вмъстъ съ тъмъ, онъ прибавляеть, что она развивается не сама по себъ въ обособленномъ небъ идеологическаго сознанія, а только лишь черезъ посредство народнаго представляющаго сознанія и проникнутыхъ имъ областей дъйствительности. Она отдълается оть нихъ для того, чтобы на нихъ же воздъйствовать.

Упрекъ, брошенный Лассалю, что онъ гегелизируеть эеесіянына, въренъ лишь въ томъ смысль, что Лассаль воспользовался діалектикой, заимствованной имъ отъ современной философіи, какъ ключемъ къ пониманію античной философіи. Кто видить въ единствъ абсолютной противоположности бытія и небытія и ихъ легкомысленное измышленіе "безвзаимодъйствіи толковаго" Гегеля, тоть пусть отвергнеть сочиненіе Лассаля о Гераклить, какъ "глубоко ученое заблужденіе". Но тогда ему придется признать также философію Гераклита кучей нагроможденныхъ безсмысленныхъ положеній. Такой ваглядъ былъ бы, по крайней мъръ, послъдователенъ. Но уже совсъмъ напрасно пытается буржуазный біографъ Лассаля умалить значеніе лассалевой работы о Гераклить примъчаніемъ, что Целлеръ "часто очень серьезно поправляеть ее". Результаты изысканій независимыхъ изслівдователей не подрываются "поправками" того или другаго уче-Целлеръ "поправляетъ" Лассаля наго спеціалиста. а Лассаль "поправляеть" Целлера. Но при этомъ Лассаль полемизируеть съ Целлеромъ въ самыхъ любезныхъ и приличныхъ формахъ, тогда какъ Целлеръ прибъгаеть къ желчнымъ выраженіямъ, въ родь: многословный, расплывчатый, уклоняющійся, отчаянный

пріемъ и проч., что отнюдь не говорить за сознаніе своей правоты.

Нельзя отрицать, впрочемъ, что Целлеръ и другіе возражали иногда върно противъ возврвній Лассаля. Но если бы даже всв ихъ возраженія были справедливы, если бы Лассаль, дъйствительно, не поняль философін Гераклита, значеніе его сочиненія отъ этого нисколько не пострадало оы. Подобно Лессингу, труды котораго объ античной литературъ также всегда игнорировались спеціалистами, онъ могъ бы тогда сказать своимъ противникомъ: "Въ наследованіяхъ древности неръдко составляеть большую заслугу нахождение въроятнаго, чвиъ самой истины". Преимущество умовъ, прокладывающихъ новые пути, заключается въ томъ, что они своими геніальными ошибками въ большей мъръ способствують разръшенію трудныхъ проблемъ, чъмъ это дълаеть опытная повседневная рутина съ ея пошлыми истинами. Справедливо замъчаеть по этому поводу одинъ буржуваный историкъ философін, что трудъ Лассаля стоитъ въ центрв споровъ о Гераклить и всегда является исходной точкой всякихъ дальнёйшихъ подтверждающихъ или опровергающихъ изслівдованій объ этомъ темномъ философів. Когда Руге, послъ смерти Лассаля, читалъ эту "прекрасную, свътлую книгу", то, при всей своей ненависти къ соціалистамъ и злобъ къ проклятымъ евреямъ, созданныхъ самимъ діаволомъ, онъ такъ аттестовалъ ее. прислушиваясь къ своей совъсти стараго философа: "Это-дивное философское произведеніе, и, при всей своей глубинъ, оно читается легче и пріятнъе, чъмъ чтолибо другое во всей нашей ученой литературъ. Дъло въ томъ, что авторъ его, вполнъ овладъвшій своей темой и въ совершенствъ понимающій философію, безъ труда умветь показать и другимъ то, что онъ самъ видитъ". Это сужденіе одинаково візрно какъ въ отношенін формы, такъ и содержанія труда.

Довольно странно, что тв же люди, которые ви-

дять въ Геранлитъ Лассаля Гегеля 6 въка до Р. Х., хотьли бы создать изъ самого Лассаля Гераклита 19 стольтія. И воть, во второй разъ буржуваный біографъ Лассаля находить поразительное сходство между своимъ героемъ и Гераклитомъ, и притомъ не только въ ихъ логическомъ складъ и діалектическихъ пріемахъ, но и въ этикъ, въ этой склонности къ самопожертвованію для общаго блага. Сходство простирается вплоть до личныхъ качествъ, добродътелей и пороковъ. Лассаль-де напоминаеть эсесіянина своей невъроятной самоувъренностью и преаръніемъ къ людямъ. Рядомъ, однако, съ увъренностью въ себъ и гордостью, оба они равно проникнуты были страстной жаждой славы и почестей, поклоненія и похвалы. Наконецъ, и у того и у другаго была будто бы одна и та же философія государства. Разница будто бы лишь въ томъ — вотъ гдв проглядываетъ лошадиное копыто! — что изъ государственной теоріи греческаго философа легко понять, какимъ образомъ онъ, при всемъ своемъ преклоненін передъ общимъ благомъ, долженъ быль выступить самымъ решительнымъ образомъ противъ господства толпы въ своемъ родномъ городъ Эеесъ. Но уже гораздо труднъе усмотръть, какимъ образомъ Лассаль, исходя изъ аналогичнаго основного понятія о государствъ, могъ стать защитникомъ всеобщаго избирательнаго права, — піонеромъ такой власти массъ, какой исторія никогда раньше не видала. Здъсь будто бы произошелъ внутренній расколь этой интересной индивидуальности. "Аристократь ума и соціаль-демократь! Вольшіе контрасты можно совмъстить въ одномъ человъческомъ сердцъ, но для души это не проходить безнаказанно". Этоть контрасть въ области принциповъ, обнаруживался "чисто-вившнимъ образомъ", когда Лассаль въ своихъ лакированныхъ сапожвахъ и тонкомъ бъльъ обращался къ фабричнымъ рабочимъ съ законтълой кожей и мозолистыми руками.

Чтобы начать съ менъе существеннаго, -- самомнвніе Гераклита и Лассаля проистекало изъ совершенно различныхъ источниковъ. У Лассаля оно было продуктомъ горячей и успъшной борьбы съ гнетущими условіями жизни; у Гераклита было твердое, какъ гранитъ, сознаніе, что онъ позналъ, и притомъ онъ одинъ призналъ абсолютный разумный міровой законъ. Опьяненный этимъ сознаніемъ, — такъ говорить Лассаль — Гераклить съ презрвніемъ и съ тономъ горечи третировалъ своихъ предшественниковъ по философіи, не говоря уже о нев'вжественных современникахъ. Этотъ тонъ сквозитъ во всвхъ его отрывкахъ и не могъ не навлечь на него обвиненія въ надменности и высокомъріи. На такое осужденіе имълъ личное право и самъ Лассаль, ибо ничто не было такъ чуждо ему, какъ человъконенавистничество Гераклита. Такъ, чтобы не ходить далеко за примъромъ: Лассаль съ полнымъ уваженіемъ относится къ своимъ предшественникамъ по изученію Герактита, съ уваженіемъ, діаметрально противоположнымъ полемическимъ пріемамъ Гераклита. Вообще научная полемика Лассаля, именно, что касается формы, вполнъ безупречна. Онъ умълъ, правда, наносить безпощадные удары. Но за исключеніемъ одного случая, гдв онъ выступиль мстителемъ за своихъ незаслуженно оскорбленныхъ классиковъ, онъ прибъгалъ къ дубинкъ только тогда, когда его лично слишкомъ глубоко затрагивали. Скоръе онъ страдалъ противоположнымъ недостаткомъ, придавая слишкомъ много значенія мнівнію людей. Ему даже ставилось на видъ это "несчастное пристрастіе къ шуму и треску славы", противоръчившее его самомнънію. Однако, объ эти черты проистекали изъ одного корня: честолюбіе Лассаля было послёднимъ остаткомъ внутренней неувъренности, которую ему не удалось побъдить въ борьбъ, вырастившей его самоувъренность. Гераклиту же, насколько мы знаемъ о немъ, былъ совершенно чуждъ этотъ родъ честолюбія.

Лассаль замічательно красиво развиваеть, что Гераклитова любовь къ славъ не была непосредственная, но проистекала сознательно изъ логическаго хода мысли, что она находилась въ самой тесной связи съ его философской системой. Слава, единое вывсто всеобщаго, избираемое лучшими, это — бытіе людей въ ихъ небытіи, продолженіе бытія въ чистой формъ, даже послъ гибели чувственнаго существованія. Это — достигнутая и ставшая дъйствительностью безконечность человъка, дъйствительность, которая, однако, не заключается болве въ его непосредственномъ бытіи. Вотъ почему — говорить Лассаль — слава во всё времена такъ сильно захватывала великія души и уносила ихъ далеко отъ всвхъ мелочей жизни и узкихъ цвлей. Воть почему нъмецкій поэть, одаренный эллинскимъ геніемъ (Платенъ), говорить о славъ, что она можеть лишь приблизиться "рука объ руку съ испытующимъ ангеломъ смерти". По той же причинъ и Гераклить видълъ въ ней этическое осуществление своего умоэрительнаго принципа. Любовь Гераклита къ славъ совпадаеть съ его основнымъ этическимъ принципомъ, преданностью общимъ интересамъ. Гераклитъ понимаеть подъ этимъ сознательно-добровольное подчиненіе отдъльной личности общему міровому закону. Такъ какъ индивидуумъ лишь въ истинномъ единеніи бытія и небытія обратаеть "вачную славу", то слава становится высшею цёлью стремленія человёка и наилучшей наградой для смертнаго.

Въ безаввтномъ служени общему благу Лассаль также видитъ "въчное основное понятие всякой нравотвенности". Но что раздъляетъ его отъ Гераклита,
вто — самое поеимание всеобщаго. Лассаль знаетъ,
что мысль есть исторический продуктъ, а не обрътается
"въ особомъ небъ идеологическаго сознания". Для Гераклита же всеобщее означаетъ законъ, управляющий
всъмъ міромъ, — и въ этомъ законъ безразлично сливалось все, что было впослъдствіи выдълено, подъ име-

немъ теорін познанія, физики, этики, политики. Такъ какъ эессіяне не признавали объективнаго разума этого закона природы, то господство массы сводилось у нихъ къ мечтанію многихъ, противъ чего Гераклитъ, какъ знающій, могъ лишь рѣшительно протестовать. Представленія о государствѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова у него, понятно, не могло быть. Свою страстную полемику онъ направилъ противъ культа боговъ и своихъ согражданъ, противъ астрологовъ и даже противъ поэтовъ, которые питали вѣру въ высшія силы, управляющія человѣкомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ, что Гомера слѣдовало бы изгнать изъ собраній для общественныхъ игрищъ и наказать розгами.

Чтобы лучше выяснить представленіе Гераклита о всеобщемъ, Лассаль употребляеть мъткое сравненіе съ гегелевской философіей, гдв также законы понимаются, какъ осуществленіе общей субстанціальной воли, безъ малъйшаго отношенія къ формальной волъ субъектовъ и ихъ численность. Но Лассаль не очутился ни въ малъйшемъ противоръчіи съ этимъ воззрвніемъ, когда онъ, какъ почитатель общаго разума, быль въ то же время піонеромъ всеобщаго набирательнаго права. Подобно Геранлиту и Гегелю, Лассаль отнюдь не вообразиль себъ, что объективный разумъ опредъляется числомъ людей. Совсъмъ не такъ понималъ онъ всеобщее избирательное право. Въ его глазахъ оно не было средствомъ создать объективный разумъ, а только лишь путемъ доставить господство объективному разуму. Хотя Лассаль, вмъстъ съ Гераклитомъ и Гегелемъ, видълъ въ преданности всеобщему въчное основное понятіе нравственности, но, исходя отъ историческаго развитія, онъ придаваль всеобщему совершенно иное историческое значеніе, чъмъ Гераклитъ и Гегель. Для него это была не всеобщая міровая идея, не абсолютная идея государства, но "идея рабочаго сословія". Н какъ часто Лассаль развиваль эту идею, какъ глубоко обосновываль ее!

Онъ стояль за рабочій классь не потому, что это быль самый многочисленный классь, а въ силу того обстоятельства, что при исторически сложившихся условіяхъ современнаго классоваго государства, именно, этотъ классь воплощаеть въ себъ преданность всеобщей идеъ. Во-первыхъ, потому, что онъ одинъ изъ всёхъ классовъ способенъ на такую преданность; во-вторыхъ, въ хаосъ классовой борьбы его частные интересы совпадають съ общими интересами. И надъ этимъ "міромъ принциповъ" посмъиваются, приплетая къ немущравда, "чисто внъщнимъ образомъ"— лакированные сапожки Лассаля и мозолистыя руки фабричныхъ рабочихъ.

Всъ эти разглагольствованія о "внутреннемъ расколъ" Лассаля, о трагическомъ или, наоборотъ, комическомъ противоръчіи между "аристократомъ ума" и "соціалъ-демократомъ" сводятся, въ концъ-концовъ, къ грубому недоразумънію. Источникъ послъдняго лежитъ въ изолированности и оторванности мышленія, которую безпощадно бичевалъ уже Лассаль, и при помощи которой либеральная буржувзія только и можетъ охватить политическое содержаніе.

4. Трагедія Лассаля.

Въ теченіе 1844 и 1845 годовъ Лассаль нам'втилъ евое сочиненіе о Гераклить и написалъ слишкомъ треть его, Чтобы закончить посл'вднюю треть, ему понадобилось еще два года, отъ 1855 до 1857 года.

Въ одномъ письмъ къ Марксу онъ изобразилъ, что, именно, парализовало перо въ его рукъ. Для него было пыткой — быть вынужденнымъ теоретизировать послъ того, какъ было пролито столько крови и столько дълъ вопіютъ о мщеніи . Онъ дълалъ исключенія лишь для сочиненій по политической экономіи потому, что они — тъ же практическія дъянія. Страстно стремясь къ дъйствіямъ, онъ съ бользиеннымъ взглядомъ вамъчаеть, что теоретизированіе не приносить ровно

никакой практической пользы: люди продолжають жить также спокойно, какъ-будто лучшія и величайшія сочиненія и мысли никогда не были написаны и продуманы. И воть, вперемежку съ Гераклитомъ, "какъ бы для успокоенія", Лассаль занялся спеціальнымъ изследованіемъ, которое находилось въ некоторомъ родстве съ его ближайшими интересами, но не настолько, чтобы всецело поглотить его. Онъ углубился въ великій міровой переворотъ Эпохи Реформаціи.

Эти признанія столь же характерны для Лассаля, какъ и самая форма, въ которую онъ вылилъ плодъ своихъ изследованій. Онъ сделаль Франца фонъ-Зикингена героемъ исторической трагедіи. Лассаль не быль поэтомъ и не обманывался на этоть счеть. По его собственному признанію, онъ даже въ юности не написалъ ни одного лирическаго стихотворенія. У него нътъ ни мальйшей фантазіи. Въ свою трагедію онъ вложилъ больше революціоннаго пыла, чтмъ поэтическаго дарованія. Всякая другая драма, которую онъ могь бы еще написать, представляла бы все то же, подъ другими формами и названіями. Онъ сознается далъе, что для него было бы гораздо легче изложить свои мысли объ Эпохъ Реформаціи въ ученомъ сочиненіи. Но ему хотвлось, чтобы весь народъ сознательно цоняль и всеми своими фибрами страстно прочувствоваль этоть культурно-историческій процессь. И воть онь остановился на драмъ. Эпиграфомъ для своей трагедіи онъ избралъ слова Александра Ф. Гумбольдта, что лучшія условія для передачи сюжета все же даетъ поэзія.

Такъ какъ самъ Лассаль предоставилъ себя въ полное распоряжение художественной критикъ, то мы находимъ излишнимъ еще разъ перечислять неодно-кратно отмъченные недостатки его трагедіи, какъ драматическаго произведенія. Да и не представляется собственно надобности долго останавливаться на эстети-

ческихъ возарвніяхъ Лассаля. Искусство было для него скорве средствомъ, нежели цвлью, и глубокихъ связей съ нимъ онъ не имълъ. Одинъ живописецъ, который часто встръчался съ Лассалемъ въ 50-хъ годахъ, хотя и не выдающійся представитель своего цеха, выразился даже о немъ, что въ отношеніи творческой стороны искусства Лассаль быль совершенно слёпъ. Онъ видълъ въ искусствъ лишь истолковательницу идей. Поэтому въ музыкъ онъ питалъ ивкоторую симпатію къ Ричарду Вагнеру за его декламаторскій паеосъ. Въ живописи ему правился одинъ юный баталисть, который, къ слову сказать, впослъдствіи ревностно содъйствоваль крушенію нъмецкой живописи своими придворными батальными картинами. Но Лассаль котвлъ видеть въ немъ талантливаго изобразителя будущихъ сраженій за свободу. Если въ сказанномъ заключается безспорно преувеличение, то все же оно до нъкоторой степени правдиво. Это подтверждають афористическія замізчанія, которыя Лассаль дізлаеть во вступленіи въ своей трагедіи относительно будущности исторической драмы.

Для Лассаля драматическое произведение должно имъть своимъ фокусомъ не историческій матеріалъ, не событія и лица, а, главнымъ образомъ, драматическое изображеніе и развитіе самой сущности всемірно исторической идеи и конфликта идей въ данную эпоху. Оть него не ускользаль подводный камень подобной драмы, такъ какъ онъ понималъ всю нелепость абстрактной и ученой поэзіи. Но Лассаль думаль, что этого возможно совершенно избъжать, что опредъленность мыслей и цълей, къ которымъ стремятся индивидуумы, могуть дать имъ плоть и кровь и создать живую реальную индивидуальность. Очевидно, Лассаль введень здёсь въ заблуждение своимъ идеалистическимъ міровоззрівніемъ. Грубый реализмъ историческихъ столкновеній вытекаеть не изъ конфликтовъ мыслей. И чемъ определенные высказываются идеи,

ноторыя составляють себѣ борющіеся люди о своихъ цѣияхъ, тѣмъ менѣе онѣ подходять подъ то, что посиѣдующій историкъ сводить къ понятію историческаго конфликта идей.

Несомивино, что самое преувеличение, какъ это часто случается съ Лассалемъ, является лишь слишкомъ страстной реакціей противъ тяжелыхъ условій нъмецкой жизни. Онъ говоритъ: "Для меня, воспитаннаго и всосавшаго свои художественныя воззрвнія преимущественно на груди античной поэзіи и ея свътлыхъ твореній, -- для меня этоть планъ драмы исключалъ лишь ту плохую партикуляристику, которая въ последнее время береть перевесь въ нашемъ искусствъ и заключается въ чрезмърномъ углубленіи въ безсмысленныя и неважныя мелочи случайнаго характера. Думаю, что отъ этого только выиграло дъло!" Это быль первый ударь, направленный Лассалемь противъ Юліана Шмидта, который какъ разъ въ то время выводиль "свътлые образы" національной поэзіи въ видъ дъвушекъ - подростковъ и скупыхъ лавочниковь Густава Фрейтага или въ видъ бравыхъ кровельщиковъ Отто Людвига, которые въ ту минуту когда къ сердцу ихъ страстно прижималась любимая женщина, испытывали такое неопределенное ощущение, какъ будто нъчто вродъ чернильницы собирается опрокинуться на что-то вродъ бълья или цънной бумаги. Дассалю хотелось поднять поэзію изъ этихъ душныхъ низменностей на высоты исторической жизни. Во всякомъ случав, его стремленіе облечь драму въ философскую оболочку не такое опасное заблуждение, какъ та "плохая партикуляристика", которая всегда выстунаеть на сцену тамъ, гдъ поэзія пытается трусливо проскользнуть мимо великихъ проблемъ времени. Ласеаль не быль поэтомъ, но оть Зикингена все же болве въеть историческимъ духомъ Эпохи Реформацій, чъмъ оть "Флоріана Гейера" Гергарда Гауптмана, настоящаго поэта.

Хотя Энгельсь, еще въ обозръніи "Новой Рейнской Газеты", ясно доказалъ ръшительное вліяніе экономическихъ факторовъ на развитіе німецкой реформаціи. но Лассаль при изученій этой грандіозной эпохи все еще не могъ отдълаться отъ своего идеалистическаго возарвнія. Въ великой крестьянской войнь, къ которой Энгельсь относится какъ къ революціонной традиціи нъмецкаго народа, Лассаль всегда желалъ видъть одно лишь реакціонное явленіе. Къ этому побуждала его субъективная склонность разсматривать историческія катастрофы, какъ внутренніе конфликты идей. Такъ какъ землевладение было "господствующимъ принципомъ" феодальныхъ среднихъ въковъ, а крестьяне хотёли сохранить этотъ принципъ, несмотря на его внутреннюю гнилость, хотя и въ боле последовательной и чистой формъ, то онъ признавалъ ихъ бунты реакціонными, несмотря на то, что они носили кровавый и насильственный характеръ. Нельзя отрицать нъкоторую заманчивость подобной аргументаціи. Съ классовой точки арвнія патріархальнаго крестьянскаго хозяйства феодальный способъ производства не могъ быть разрушенъ. Всв возстанія крестьянъ, которые пытались собственными силами разбить феодальное ярмо, были подавлены, кромъ нъкоторыхъ весьма ограниченныхъ областей, гдв они удавались, благодаря мъстнымъ или инымъ благопріятнымъ условіямъ. Революціонная сила, которая разрушила феодальныя общественныя формаціи, исходила не отъ крестьянъ, а изъ городовъ. Если это и такъ, то, съ другой стороны, несомивнию и то, что всякая буржуваная революція, будь то въ Англіи, а также поскольку она вообще побъдила въ Германіи, прежде всего побъждала силою крестьянъ. Поэтому Лассаль совершенно тельно видить въ крестьянскихъ войнахъ реакціонныя Если опи потерпъли крушеніе, то вовсе не потому, что хотьли повернуть назадъ колесо исторіи, а потому, что пытались повернуть его впередъ тогда,

когда еще не были выполнены условія, при которыхъ его можно было повернуть впередъ

Возстаніе Зикингена, который пытался спасти средневъковое рыпарство, которое безповоротно шло на встръчу историческому крушевію. Это воочію доказаль Энгольсь, и Лассаль быль, собственно, такого же мнѣнія. Стоя на идеалистической точкъ зрънія, онь, менѣе кого-либо другого, могъ отрицать, что средневъковый рыцарь объими ногами опирался на "господствующій принципъ" землевладънія. Тъмъ болѣе удивительнымъ можетъ показаться съ перваго взгляда, что Лассаль избралъ исторически реакціонную фигуру героемъ драмы, пропитанной революціоннымъ пыломъ. Однако, и здъсь идеологія сыграла роль посредника.

Что наиболве приковывало къ себв Лассаля въ исторіи нъмецкой реформаціи, это быль образъ Гуттена. Но Гуттенъ былъ не только теоретикомъ низшаго дворянства, но, вмфств съ тъмъ и, прежде всего. гумманистомъ. Послъ Лютера и рядомъ съ нимъ это быль единственный писатель реформаціонной эпохи, который временами находиль откликъ во всъхъ классахъ, особенно, когда Гуттенъ сталъ писать по-нъмецки. Когда онъ писалъ: "Будемъ держаться вмъстъ, не покидайте меня въ борьбъ, сжальтесь надъ отчизной, двиньтесь, дорогіе нъмцы, теперь настало время начать борьбу за свободу, -того желаеть Богь! -то, "благородному Гуту изъ Франконін" вторили настоящія народныя пъсни. Но у Гуттена было одно преимущество передъ Лютеромъ — воодушевление за человъческую Его пылкое и бурное красноръчіе, также вскормленное соками античнаго міра, поражало въ своемъ идеологическомъ полетъ государей и поновъ и тъмъ болъе маскирова то узкую классовую точку зрънія, чъмъ сильнъе Гуттенъ искаль въ возрастающей борьбь союза съ городами и даже союза съ крестьянами, -если считать, что "Der neue Karsthaus" написанъ имъ, что Лассаль считаетъ несомивниямъ. Вотъ почему Гуттенъ сталъ для Лассаля національнымъ героемъ.

Но Лассаль не скрывалъ отъ себя, что именно "пирическій основной тонъ, который очаровывалъ его въ Гуттенъ, дълалъ франконскаго рыцаря не политическимъ героемъ, и что, въ концъ концовъ, Гуттенъ не шелъ дальше теоріи. Самъ Гуттенъ привътствовалъ Зикингена, какъ спасительную руку Германіи. И вотъ передъ Лассалемъ встаетъ вопросъ: почему же и въ чемъ именно Зикингенъ потерпълъ пораженіе? Какъ переходять революціонныя мысли въ революціонныя дъйствія? Какъ разръшить противоръчіе, которое возникаеть после первыхъ же практическихъ шаговъ революціонера: съ одной стороны, сила энтузіазма и доведенная до конца послъдовательность принципа, съ другой разсчеть разсудка и неизовжная для всякой политики односторонность? Глубокое діалектическое противоръчіе, которое скрываеть въ себъ природа всякаго дъйствія, въ особенности революціоннаго дъй твія, Лассаль называеть формальной трагической своей исторической трагедіи.

По мивнію Лассаля, Зикингень потерпвль пораженіе потому, что онъ хотвль добиться своей революціонной цвли при помощи реакціонных средствь, что онъ не привлекь всей націи кь защитв національных винтересовь, но употребиль окольный путь, хотвль зажечь національную революцію на почвв рыцарскаго поединка съ духовнымъ княземъ. Этоть путь обмануль лишь народныя массы; князь-же и попы ни минуты не заблуждались. На вопросъ, можеть ли быть такая интеллектуальная война трагической юйной, Лассаль отвъчаеть слъдующими глубокими доводами: "Интеллектуальная вина революціонера, который такъ мало довъряеть своему принципу, что онъ стариется провести его задворками, который желаль бы разрушить подгнившій міръ, но самъ недостаточно поднялся

надъ нимъ, чтобы сумъть изыскать надлежащія средства для этого переворота, - есть, вмъстъ съ тъмъ, нравственная вина. Смягчаеть же эту нравственную вину то, что она-интеллектуальная вина и представляеть самый истинный трагическій конфликть. Но чего не замътилъ Лассаль, это-тотъ фактъ, что историческая вина Зикивгена подъ его рукою превратилась въ свою противоположность. Зикингенъ потеривлъ крушенје не потому, что онъ хотълъ достигнуть революціонной пъли реакціонными средствами, а наоборотъ-потому. что онъ прибъгнулъ къ революціоннымъ средствамъ для достиженія реакціонной цёли. Какъ показаль уже Энгельсь, ваціональная цёль Зикингена сводилась нъ созданію какой-то дворянской демократіи съ монархомъ во главъ. Имъя впереди такую опредъленную цъль, Зикингенъ могъ уже дъйствовать ръшительно и ясно, и средства его такъ всецвло были проникнуты идеей, какъ только можно желать съ точки эрвнія революціонной тактики. Допустимъ, что онъ дъйствительно желаль бы и могь бы революціонизировать всю націю, - и тогда онъ не подвинулся бы ни на шагъ впередъ. Дъло въ томъ, что тогдашнее мелкое дворянство, какъ самое національное, было наиболъе ненавистно какъ крестьянамъ, такъ и горожанамъ, стале быть, массв націи. И, въ самомъ двлв, ничто не могло такъ ръзко противоръчить иптересамъ горожанъ и крестьянъ, какъ реформа государства, задуманная Эмкингеномъ. Въ Лассалевскомъ смыслъ, историческая вина Зикингена также была трагической виною, но въ превратномъ фактически смыслъ: Зикингенъ вообразилъ себъ, что онъ революціонеръ, тогда какъ въ дъйствительности онъ былъ реакціонеръ.

Та трагическая вина, которую Лассаль признаваль за Зикингеномъ, была, съ другой стороны, исторической виною нъмецкой буржуазіи во время мартовской революціи. Ей предстояло выполнить революціонную задачу. И она могла ее выполнить, если бы избрала

удобный путь для этой достижимой цъли. Конечно, можно спорить о томъ, въ какой мъръ достойна истиннаго трагизма та трусливая китрость, которую пустила въ кодъ нъмецкая буржуваія противъ своего смертельнаго врага. Но Лассаль бралъ этотъ классъ не такамъ, какимъ онъ былъ въ дъйствительности, а какимъ онъ могъ быть въ лучшемъ случав. И за это мы не можемъ упрекать Лассаля. Въ своей ръчи поредъ присяжными Лассаль исполосовалъ до крови ньмецкую буржуазію, чтобы побудить ее, быть можеть, въ послъдній моменть, держаться болье энергично. Но теперь, когда она и безъ того была раздавлена контръ-революціей, онъ доброжелательно щадилъ ее. Политика, которой онъ следоваль въ пятидесятыхъ годахъ, считалась съ возможностью, что участь мартовской революціи кой-чему научила буржуазные классы. Несомивнио, такая политика была цвлесообразна и съ пролетарской точки зрвнія, доколв эта возможность была вообще возможностью и поскольку снисходительное отношеніе къ прошлому не шло вразръзъ съ требованіями настоящаго и будущаго. Лассаль сумблъ въ точности держаться этихъ рамокъ; лекція, которую онъ прочелъ нъмецкой буржувани въ своей трагедін по поводу революціонной тактики, не оставляла желать ничего лучшаго въ смыслъ внушительности.

Съ этой точки зрвнія "Зикингенъ" Лассаля есть тенденціозная драма. Было бы преувеличеніемъ утверждать, что Лассаль по праву поэта, спорному или безспорному, навязалъ своему герою тенденціозныя наміренія, которыхъ Зикингенъ въ дійствительности не иміль. Публичныя заявленія Лассаля и, быть можеть, ещо въ большей мірів переписка его съ Марксомъ и Энгеньсомъ по поводу своей трагедіи не оставляють никакого сомнінія въ томъ, что возстаніе Зикингена онъ исторически понималь такъ—хотя бы это было идеализированіе, —какъ онъ изобразиль его въ драмі. И если онь обработаль этоть историческій матеріаль въ форміть

драмы, то лишь потому, что въ судьбъ Зикингена усматривалъ върное отраженіе судьбы, которую нъмецкая буржуваня подготовила для мартовской революціи.

Въ своей драмъ Лассаль разръшаетъ діалектическое противоръчіе въ природъ революціонныхъ дъйствій фразой — что революціонныя цели могуть быть достигнуты только революціонными средствами. подъ революціонными средствами онъ, конечно, понимаеть не одни насильственныя средства въ какомълибо исключительномъ смыслъ. Онъ оговаривается лишь, что необходимыя революціонныя средства не должны быть отвергаемы только потому, что носять насильственный характеръ. Между гражданской революціей 16 и 19 стольтій существовала полная аналогія постольку, что носители ея до перваго выстръла грозили огнемъ и мечемъ, а какъ только попадали въ самый огонь-превращались въ самыхъ мирныхъ ове-Поэтому, когда лютеранскій священникъ распространяется въ проповъди объ осквернении чистаго насилія темнымъ насиліемъ и объ ученіи любви, которое не должно быть запятнано кровянымъ мечемъ, то Лассаль вкладываеть въ уста Гуттена пламенное восхваленіе меча, поднятаго за свободу, -- какъ воплотившагося въ дъйствительность Бога. Но Гуттенъ и этого не слъдуетъ упускать изъ виду-въ противоположность односторонне - реалистическому революціонеру, изображаеть въ драмъ восторженваго, игнорирующаго реальныя условія действительности, и следовательно — тоже односторонняго и даже еще болье односторонняго революціонера. Когда Гуттенъ отвъчаеть священнику:

Ehrwürdiger Herr! Schlecht kennt ihr die Geschichte. Ihr habt ganz Recht, es ist Veraunft ihr Inhalt, Hoch ihre Form bieibt ewig die Gewalt 1, —

¹ Достоночтенный господицъ! Плохо вы внаете исторію. Вы правы: ея содержаніе — разумъ, но формой ея всегда осгается насиліе.

то эта фраза заимствована изъ историко - философскихъ возэрвній Лассаля, но отнюдь не принадлежить его практически-революціонному символу ввры. Глупое мивніс, будто бы при словв "революція" тотчасъ же должны появиться на сцену вилы, онъ осмвиваль безчисленное множество разъ. Но не болье лестные отзывы даваль онъ и о противоположной глупости, которая отпускаеть на волю эксплоатирующіе и угнетающіе классы, но съ твить, чтобы ихъ не свергали силою, — даже тогда, когда они могуть быть свергнуты только силою.

Истинный критерій революціонных средствъ, при помощи которых только и возможно пробиться къ революціоннымъ цълямъ, Лассаль находить въ словахъ Гегеля, что цъль только тогда можетъ быть достигнута при помощи даннаго средства, когда уже самое средство всецьло проникнуто своеобразной природой этой цъли. Въ практическомъ примъненіи этого положенія къ исторической классовой борьбъ, Лассаль еще до нъкоторой степени пользуется философскими понятіями. Но интересно наблюдать, какъ изъ нихъ вылупляется его революціонная практика, такъ что они пристаютъ къ ней лишь на подобіе разбивающихся яичныхъ скорлупокъ. Въ основаніи же Лассаль черпаетъ доказательства изъ реальной сущности классовой борьбы.

Въчная сила всъхъ господствующихъ классовъ коренится въ совершенно ясномъ, выработанномъ, непоколебимомъ классовомъ самосознаніи, при помощи котораго они защищають свои классовые интересы Въчная же слабость всъхъ возстающихъ классовъ лежитъ въ томъ, что ихъ классовое сознаніе еще не выработано, и поэтому политическій горизонтъ еще не выясненъ, разумъ еще не окръпъ, и сила не организована. При такихъ условіяхъ вожаки революціи, повидимому, поступаютъ очень благоразумно и даже дальновидно, когда они считаются съ наличными средствами и скрываютъ истинныя и конечныя цъли дви-

женія оть другихь (а часто, вь силу этого и оть самихъ себя). Благодаря такому умышленному обману господствующихъ классовъ, они получають возможность организовать новыя силы и при помощи разумно отвоеванной частички действительности победить самую дъйствительность. Однако, такая, какъ-будто, умная тактика, подтачиваеть необходимо всякую революцію. Господствующіе классы она не проведеть; классовое сознаніе ихъ настолько ясно, что они не могуть быть обмануты. Но она обманываетъ возстающій классъ, который не пріобръль еще классоваго сознанія и понимаеть лишь принципъ революціи во всей его непосредственной пълости. Обходы же и ослабление этого принципа сбивають его съ толку. "Въ концъ-концовъ. разсчетливость этихъ революціонеровъ приводить къ тому, что они, вмъсто того, чтобы имъть обманутыхъ враговъ не передъ собою, а друзей позади, оказываются лицомъ къ лицу съ врагами и безъ защитниковъ своего принципа за собою. Высшій, какъ будто, разумъ оказывается на дълъ высшимъ неразуміемъ". Побъда революціи обезпечена только тогда, когда совокупные практическіе шаги ея всецёло проникнуты революціоннымъ принципомъ, когда она съ презръніемъ отбрасываеть всякія дипломатическія увертки и игру въ прятки и видитъ свою главную силу въ смъломъ и открытомъ образв двиствій.

Въ этихъ положеніяхъ содержится программа революціонныхъ дъйствій Лассаля, и глубина внутренняго убъжденія возвышаеть его нъкоторымъ образомъ до степени поэтическаго творчества, когда, въ развязкъ его драмы, старый Бальтазаръ говорить Зикингену:

O nicht der Erste seid ihr, werdet nicht der Letzte sein, dem es den Hals wird kosten, In grossen Dingen schlau zu sein. Verkleidung Gilt auf dem Markte der Geschichte nicht, We im Gewühl die Völker dich nur an Der Rüstung und dem Abzeichen erkennen. Drum hülle stets vom Scheitel bis zur Sohle Dich kühn in deines eignen Banners Farbe, Dann probst du aus im ungeheuren Streit Die ganze Triebkraft deines wahren Bodens Und stehst und fällst mit deinem ganzen Können ¹.

Буржуазный классъ, къ которому Лассаль обращаются со своей трагедіей, никогда собственно не обращалъ на нее вниманія, да если бы и обратилъ, то не понялъ бы ея. Политика этого класса до сихъ поръ основана была на томъ, чтобы "хитрить въ дѣлахъ великихъ". Программа революціонныхъ дѣйствій, намѣченная Лассалемъ, нашла свое практическое осуществленіе въ политическомъ развитіи нѣмецкаго рабочаго класса. А чтобы узнать, насколько эта программа правильна, легче и быстрѣе всего бросить сравнительный взглядъ на то, что сдѣлано въ послѣднее поколѣніе въ политической области нѣмецкой буржуазіей вверху и нѣмецкимъ пролетаріатомъ внизу.

5. Главный трудъ Лассаля по философіи права.

"Система пріобрѣтенныхъ правъ" возникла изъ того же побужденія Лассаля къ практической дѣятельности, изъ котораго онъ написалъ свою трагедію.

Можетъ даже показаться парадоксальнымъ, что тяжелый теоретическій трудъ, въ которомъ видна громадная ученость, проникающая въ самыя интимныя складки исторіи права, на протяженіи тысячельтій, чтобы такой трудъ возникъ изъ чисто практическихъ интересовъ политики. И, однако, это такъ и даже къчести Лассаля. Въ этомъ пониманіи, умѣніи уловить великую связь вещей сказался великій умъ Лассаля Для него практика и теорія не были двумя противо-

¹ О, вы не первый и не послёдній платитесь головой за то, что хитрите въ великихъ дёлахъ. На аренё исторіи переодёваніе безщёльно. Въ водоворотё народовъ тебя узнаютъ лишь по оружію и вначкамъ. Поэтому смёло завернись отъ головы до пятокъ въ свое настоящее знамя. Тогда въ великой борьбё докажешь ты всю силу твоего истинцаго убъжденія и устоишь или погибнешь во всей своей мощи.

положными понятіями и даже не двумя сторонами одного и того же понятія; это было единое понятіе, равно властвующее надъ мыслью и дъйствіями. Такъ какъ было очевидно, что для намцевъ не миновало еще время теоретизированія, то Лассаль точиль въ теоріи оружіе, которое можно было бы тотчась же пустить въ ходъ на практикъ, какъ скоро вновь разгорится борьба. Въ своей трагедіи онъ спрашиваеть: какъ должны революціонныя мысли воплотиться въ революціонныя дъла для того, чтобы побъдить? А въ сочиненіи по философіи права онъ ставить вопросъ такъ: какимъ образомъ революціонный принципъ послъ побъды превращается въ положительное право, - другими словами: какъ перевести старый правовой порядокъ въ новый? "Изъ археологическаго хлама древняго Рима и совокупнаго всемірно-историческаго движенія" Лассаль коваль оружів для самыхъ современныхъ цвлей, чтобы этимъ путемъ "основать твердый фундаментъ научной правовой системы для революців и соціализма".

Берлинскому національному собранію 1848 не удалось превратить феодальное право въ буржуазное. Оно не имъло въ рукахъ принципа для того, чтобы начистоту раздълаться съ мнимыми пріобрътенными правами, за которыми окопалась вся феодальная грязь. Послъ побъды контръ-революціи всякое однажды пріобрътенное право было объявлено священнымъ. И если нодъ давленіемъ неумолимой необходимости нельзя было сохранить его въ прежней средневъковой формъ, то оно возрождалось въ болъе современной формъ, чему представляетъ множество доказательствъ реакціонное законодательство пятидесятыхъ годовъ. Именно, въ то время, когда Лассаль приступиль къ обработкъ своего труда по философіи права, возникъ планъ выкупить феодальныя изъятія отъ поземельнаго налога за множество милліоновъ и вновь провозгласить "зависимость народа отъ вемлевладъльцевъ-дворянъ". Въ противовъсъ этому Лассаль научно развилъ теорію пріобрътенныхъ правъ. Онъ твердо установилъ, могуть ли новые законы и какимъ образомъ оказывать обратное дъйствіе на пріобрътенныя права.

Въ гегелевской философіи права Лассаль не нашель отвъта на этоть вопросъ. Онъ видълъ, что Гегель даль развъ общее указаніе для дъйствительной философіи права, но не самую философію. Ученики Гегеля довольствовались тъмъ, что повторяли его слова и пережевывали его общія опредъленія собственности, договора и проч. И, витая въ этихъ заоблачныхъ фравахъ, они держались возможно дальше отъ грубой земли, реальнаго матеріала права. Они нисколько не стремились овладеть богатымъ положительнымъ правовымъ матеріаломъ, понять его и разработать. стигнуть этого пожелаль Лассаль. Онъ сравниваетъ науку о правъ съ полемъ, онъ желаетъ проникнуть въ его борозды и канавки для того, чтобы извлечь изъ нихъ искры свъта. Наоборотъ, поклонники Гегеля умъли только бъгло освъщать это поле брошеннымъ сверху фейерверкомъ.

Ръзче, чъмъ когда-либо, Лассаль порываетъ съ абсолютной идеей для того, чтобы возстановить права историческаго развитія. По его митнію мы вообще ничего не достигнемъ отвлеченными общими категоріями собственности, наслъдственнаго права, договора, семьи: понятіе о собственности у римлянъ — другое, чъмъ у германцевъ и т. д. Другими словами, философія права, какъ элементь историческаго духа, не имъетъ дъла, съ въчными логическими категоріями. Правовые институты являются лишь воплощеніемъ понятій историческаго духа. Это не болъе, какъ выраженіе духовнаго содержанія, историческаго духа даннаго народа или данной эпохи; понимать ихъ слъдуетъ только въ этомъ смыслъ.

Но разногласіе между Лассалемъ и Гегелемъ простирается лишь до этого пункта. Онъ не покидаетъ

знамени Гегеля, но желаеть лишь инымъ путемъ вести его къ побъдъ. Онъ твердо держится гегелевскаго метода идеалистической діалектики. Единственнымъ источникомъ права онъ признаетъ совокупное сознаніе цълаго народа -- всеобщій духъ. "Со времени Гегеля это положение теоретически настолько твердо установлено, что не нуждается ни въ какомъ новомъ доказательствъ". Лассаль ставить себъ, именно, такую задачу: изъ историческаго права различныхъ народныхъ духовъ извлечь правовую идею и возвысить ее до полной Это будеть формальная логика права; будеть разъяснение того, какъ новые законы, независимо отъ содержанія сознанія данной эпохи, отражаются согласно идев права на существующихъ уже правовыхъ отношеніяхъ. Въ виду колебаній отливающихъ и приливающихъ волнъ и возобновляющагося постоянно водоворота ихъ, Лассаль желаетъ твердой рукою провести незыблемыя основныя линіи, которыми очерчивалось бы понятіе объ обратномъ дъйствіи.

Въ самыхъ общихъ чертахъ онъ приходитъ къ слъдующимъ выводамъ: никакой законъ, который касается индивидуума лишь черезъ посредство актовъ его воли, не можетъ имъть обратнаго дъйствія. Обратное дъйствіе въ этомъ смыслів было бы абсолютно недопустимымъ вмъщательствомъ въ свободу и вмъняемость человъка, въ свободу мышленія и хотънія, которыя являются неприкосновенными основами всякаго права. Какъ бы далеко ни простиралась власть законодателя, но она никогда не можетъ заходить такъ далеко, чтобы ваставить индивидуума желать чего-нибудь другого, чъмъ онъ пожелалъ. Но отсюда, вмъстъ съ тъмъ, слъдуетъ, что индивидуумъ всегда можеть сдълать это возражение лишь въ томъ случаъ, когда предполагается позднъйшимъ вакономъ уничтожить или извратить добровольное дъяніе, акть индувидуальной воли. Права. которыми законъ охватываетъ индивидуума, какъ таковой, безъ посредства индивидуальной воли, суть не болъе какъ общія свойства и правомочія, которыя и существують только на основании дающаго ихъзакона и, стало быть, вмъстъ съ нимъ колеблются и исчезаютъ. Въ законъ воплощается правосознаніе цълаго народа. Всякое узаконенное право есть лишь опредъленное состояніе, созданное всеобщимъ духомъ, который самъ по себъ безпрерывно мъняется. Слъдовательно, всякое новое опредъленное состояніе овладъваеть индивидуумомъ тотчасъ же и сътакимъ же правомъ, съ какимъ владъло имъ старое состояніе. Прочнымъ можетъ быть для индивидуума лишь то, что онъ добылъ себъ изъ этого потока своимъ собственнымъ дъйствіемъ и волей, то, что онъ превратилъ въ свою плоть и кровь. Такимъ образомъ, всякій законъ, который не касается прежнихъ волевыхъ дъйствій индивидуума и лишь постольку, поскольку онъ не касается ихъ, долженъ по своей природъ тотчасъ же вступить въ силу.

Соотвътственно этому съ положеніемъ, что и и какой законъ, касающійся индивидуума лишь черезъ посредство его волевыхъ дъйствій, не долженъ имъть обратной силы, совпадаеть другое положеніе: обратное дъйствіе долженъ имъть вся кій законъ, который затрагиваетъ индивидуума безъ участія такого добровольнаго акта, т. е. затрагиваетъ его непосредственно въ его непроизвольныхъ общечеловъческихъ или естественныхъ, или перенесенныхъ на него обществомъ свойствахъ, или же затрагиваетъ его только тъмъ, что намъняетъ самое общество въ его органическихъ учрежденіяхъ.

Но изъ этого понятія объ обратномъ дъйствіи закона вытекаеть еще нъчто большее. Индивидуумъ можеть своими дъйствіями, одностороннимъ или обоюднымъ договоромъ, обезпечить права себъ или другимъ лицамъ только тогда и постольку, поскольку это допускается существующими законами. При всякомъ договоръ слъдуеть съ самаго начала подразумъвать молчаливую оговорку, что право, выговариваемое въ немъ для себя или для другихъ, имъетъ силу лишь такъ долго, покуда законодательство считаетъ вообще допустимымъ такое право. Противоположное желаніе индивидуума въ корнъ не дъйствительно и не правомърно, такъ какъ общимъ источникомъ права является общій народный духъ, отъ котораго никто не въ правъ отръшиться, не уничтожая самого понятія права. Индивитуумъ не можетъ вколотить въ почву права ни одного колышка, при помощи котораго онъ сдълался бы самодержавнымъ на всв времена. А между твмъ-рвчь идетъ, именно, о такомъ требованіи самодержавности со стороны индивилуума, когда онъ желаетъ сохранить пріобрътенное право и натакія времена, когда оно уже исключается абсолютными или принудительными законами, т. е. законами, недопускающими никакого уклоненія для индивидуальнаго произвола. "Нельзя вбить такого колышка въ почву права, какъ нельзя вбить колышка въ земномъ шаръ и требовать, чтобы онъ оставался на своемъ мъстъ въ то время, какъ весь земной шаръ, на которомъ онъ держится, приходитъ въ движеніе. Въ этомъ настоящій смыслъ часто повторяемой фразы: нътъ права противъ права; другими словами: каждое отдъльное право подчиняется измъненію самой правовой субстанціи, изъ которой оно произошло и въ которую оно вросло... Уже изъ сказаннаго сразу видна вся безпочвенность и глубокая несправедливость шумнаго, но пристрастнаго вопля, который поднимають лица, имъющія въ данное время права, какъ скоро общественный духъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи приходить къ необходимости съ этого момента прекратить дальнъйшее дъйствіе какогонибудь прежняго права, напримъръ, кръпостного права, барщины, обязательныхъ оброковъ, службъ, охоты, свободы отъ поземельнаго налога, фидеикомиссарнаго порядка наследованія и т. л.". Абсолютные или принудительные законы, которые исключають опредъленное содержание права, разрушають это содержание

вийстй съ твиъ, и въ индивидуально пріобритенныхъ правахъ, хотя на этомъ основаніи нельзя еще говорить о недопустимомъ обратномъ дийствіи.

Лассаль обосновываеть этоть взглядъ въ блестящей полемикъ противъ Шталя, теоретика прусской феодальной партіи Онъ доказываеть съ безпощадной насмъшкой, въ какое безсмысленное и безсодержательное противоръчіе впаль этоть мужь, одаренный встми талантами фокусника, въ своей болтовив о пріобрътенныхъ правахъ и какъ побиваетъ онъ себя своимъ собственнымъ оружіемъ, именно, потому, что идетъ на извъстныя уступки современному правосознанію. Вслъдъ ватымъ Лассаль обращается противъ главы исторической школы права, противъ Савиньи, который нервшительно допускаеть обратное действіе абсолютныхь законовъ на пріобрътенныя права, но для каждаго отдъльнаго случая требуетъ "полнаго вознагражденія лицъ, обладающихъ пріобретеннымъ правомъ". Лассаль возражаетъ ему, что нътъ большей ошибки, чъмъ это мнимое право на вознагражденіс. Само право съ самаго начала могло быть выговорено индивидуумомъ по договору лишь на извъстное время, именно, до того момента, пока самое существование такого права не столкнется съ сознаніемъ общественнаго духа, которое отвергнетъ его и признаетъ невозможнымъ. Право имъло силу лишь до тъхъ поръ, пока оно могло и должно было ее имъть. Но вотъ наступаетъ роковой день, день необходимости, заранъе вытикающей изъ самаго акта, н этимъ все сказано. Наступилъ предълъ, до котораго право должно было сохранять силу и могло, и поэтому ни съ логической, ни съ юридической точки зрвнія адъсь нъть ни мъста, ни основанія говорить о вознагражденіи. Тутъ нечего вознаграждать. Признавать, тъмъ не менъе, право на вознаграждение тамъ, гдъ содержаніе уничтоженнаго права вычеркнуто уже народнымъ сознаніемъ, т. е. признано противозаконнымъ, это вначить, разсуждая логически, ни болье, ни менье, какъ

дать право извъстнымъ классамъ или индивидуумамъ облагать общественный духъ данью на прогрессивное развитіе его. Это значило бы устанавливать кръпостную зависимость общественнаго духа отъ названныхъ пользующихся правомъ классовъ или индивидуумовъ.

Если это вытекаеть изъ понятія обратнаго действія, то изъ него же вытекаеть и другое. Если новое правосознаніе исключаеть не самое правовое отношеніе. а только лишь опредъленный способъ его примъненія. то противнымъ праву следуеть считать только этоть способъ, но не самое правовое отношеніе. Здівсь, дійствительно, должно наступить такое превращение, которое можеть имъть форму вознагражденія и часто будетъ имъть ее. Но это лишь обманчивая вившняя сторона дъла. Въ дъйствительности такое превращение представляеть только переведеніе правового содержанія, признаваемаго еще дъйствительнымъ, изъ воспрещенной формы его удовлетворенія въ не воспрещенную. Такое превращение должно наступить по той весьма простой причинъ, что не слъдуетъ разрушать больше, чъмъ это дъйствительно требуется прогрессомъ правосознанія.

Лассаль иллюстрируеть эту сторону принципа на примъръ прусскаго закона объ охотъ 1848 года. Такъ, онъ доказываеть, что берлинское національное собраніе должно было безъ сомнънія высказаться за уничтоженіе права охоты на чужой земль, потому что оно вытекало изъ помъщичьихъ правъ, которыя были отвергнуты новымъ правосознаніемъ. Но, вмъстъ съ тъмъ, оно должно было допустить также вознагражденіе собственниковъ и предписать выкупъ, такъ какъ новое правосознаніе допускало отдъленіе права охоты отъ земли по свободному договору землевладъльца. По мнънію Лассаля, стало быть, берлинское національное собраніе допустило неправильное обратное дъйствіе закона, отклонивъ соотвътственное предложеніе Шульце-Мелича. Замъчательно, какъ и въ этомъ случав Лас-

саль щадить буржуваный классь. Нанося самые безпощадные удары фефдальнымь теоретикамь и продажной практикі верховнаго суда, онь указываеть лишь
на самую легкую провинность буржуванаго народнаго
представительства и при этомъ прибавляеть, что нельзя
дівлать собранію упрекь за то, что оно въ бурномъ водовороті практических событій не вникло въ различіе, иміженее разві теоретическій интересь. Примізненіе на дівлі выкупа права охоты могло бы имізть
мізсто въ очень немногихъ случаяхъ, юристь же долженъ обращать внимавіе главнымъ образомъ на правило, а не на исключеніе.

Вся эта теорія пріобрътенныхъ правъ отнюдь не выдумана Лассалемъ изъ своей головы; согласно своему объщанію онъ развиваеть ее на сснованіи фактическаго матеріала, даваемаго правомъ; онъ чутьемъ отыскиваеть идею обратнаго дъйствія закона, начиная съ римскаго законодательства двінадцати таблицъ вплоть до прусскихъ законовъ пятидесятыхъ годовъ. Онъ слъдить за нею въ различнъйшихъ правовыхъ имститутахъ, обнаруживая при этомъ колоссальное знакомство съ фактическимъ матеріаломъ въ области права и такую глубину философской мысли, которая съ каждой новой страницей все болъе поражаетъ. Изъ невъроятно обильнаго и до нельзя запутаннаго матеріала Лассаль играя и съ поразительнъйшею ясностью развиваетъ понятіе объ обратномъ дійствій законовъ. И этотъ трудъ его навсегда останется выдающимся памятникомъ человъческаго творчества.

Но спрашивается, какихъ практическихъ результатовъ достигъ Лассаль своей работою. Въ этомъ скоръе всего могутъ оріентировать нъкоторыя возраженія противъ выводовъ Лассаля, которыя были сдъланы Родбертусомъ. По Лассалю вопросъ о вознагражденіи стоитъ въ тъсной связи съ тъмъ обстоятельствомъ, отвергаетъ ли народное сознаніе опредъленное право принципіально или только опредъленную

форму этого права. Родбертусъ касается лишь того, какъ узнать это различіе. Нельзя въдь установить его на основаніи большинства голосовъ и даже единогласіемъ. На это Лассаль отвічаеть, что вопросъ вообще не касается формальной логики права и теорій обратнаго дъйствія. Въ чемъ заключается самосознаніе народа въ данный моменть или въ какой-нибудь поздивищій періодъ, какъ думають теперь или будуть думать въ другое время о бракъ, государствъ, монархін, охоть, о горномъ дъль, о газетахъ, собственности,--этого нельзя установить никакими формальными правнлами, которыя могли бы служить намъ какъ бы путеводителемъ на всемъ протяженіи всемірной исторів. Но какъ ни убъдительно это возраженіе, Лассаль все же чувствуеть, что доводъ Родбертуса этимъ не вполив исчернанъ. Самая ясная логика права должна стать неясною, какъ скоро неясно содержаніе, къ которому она относится. Поэтому Лассаль вынуждень отвътить какъ бы мимоходомъ, что, конечно, ии большинствомъ голосовъ, ни единодушнымъ вотумомъ нельзя установить, чего желаеть сознаніе въ данную эпоху. Тъмъ не менъе, думаеть ощь, установить эту волю можно "совершенно просто". "То, что мы можемъ доказать себъ и нашей эпохъ при помощи разума, логики и науки,--того желаетъ эпоха!" Въ этихъ словахъ снова предстаеть передъ нами весь Лассаль со всей его энергической мощью, съ его сосредоточенной страстностью и непоколебимой върой въ неогразимость иден, но, вмъстъ съ тъмъ, и съ его слабостью, которая была нераздільна со всей этой силой.

Каждая эпоха ставить себь, безь сомнанія, только ть задачи, которыя она въ состояніи разрашить. Но раньше, чамь эти задачи настолько созрають, чтобы проникнуть въ сознаніе и получить разрашеніе въ положительномъ права, могуть пройти десятки лать и столатія, а до этого времени ни разумомъ, ни наукой нельзя доказать, чего желаеть эпоха. Есян бы на

дълъ было иначе, то не было бы разумовъ, прокладовавшихъ пути, которые кое-что знали и объясняли своей эпохъ, чего она желаетъ. Лассаль очень скоро на самомъ себъ могъ убъдиться, какъ его же ученье не согласуется съ его примъромъ. Онъ видълъ ясно, что живыя активныя силы времени работали надъ освобожденіемъ пролетаріата. И, тъмъ не менъе, вся сила разума, логики и науки, съ которою онъ защищалъ эти несомнънные факты, не выяснъли эпохъ ея волю настолько, чтобы изъ этого возникло новое правосовианіе, на которомъ можно было бы провърить его формальную логику права.

Идеалистическое міровозарвніе Лассаля было не только его силой, но, вмёстё съ темъ, и слабой стороной его. Въ своихъ кропотливыхъ изследованіяхъ реальнаго правового матерьяла ему то и дёло приходилось считаться съ фактомъ, что законодательство въ своемъ практическомъ чувствъ права всегда подходило ближе къ правовой идев, нежели теоретики съ ихъ разумомъ, логикой и наукой. Если бы Лассаль сдълаль еще одинь шагь впередь, то онь нашельбы, что темный инстинктъ массъ обыкновенно еще върнъе схватываетъ правовую идею, чвмъ практическое чувство законодательства. Крестьяне восточной Эльбы, которые поелъ 18 марта возстали противъ своихъ юшкеровъ-притеснителей и признали феодальныя повинности прекратившимися, несравненно умнъе воспольвовались на практикъ теоріей пріобрътенныхъ правъ, чъмъ прусскій парламентъ.

Впрочемъ, Лассаль до нёкоторой степени дёлаетъ этоть дальнёйшій шагъ въ одной изъ интереснёйшихъ главъ своего сочиненія. Въ этой главъ онъ развиваеть ту мысль, что у народовъ древности народный духъ представляль такую объективную субстанціальную солидарность, и что въ отдёльныхъ индивидуумахъ жило и дёйствовало также правственное единство и согласіе народнаго духа, что то, что фактически

отвергалось этой внутренней субстанціей, признавалось ео ірго опровергнутымъ самимъ закономъ. Но это было допустимо только у народовъ древности и то лишь въ классическую эпоху. Оно болъе не мыслимо въ новъйшія времена, когда такое строгое единеніе индивидуумовъ и сходство въ нравственномъ міросозерцаніи расшатаны, благодаря субъективизму и индивидуализму, образованію и скептикъ и т. д.; когда нравственное сознание въ индивидуумахъ, принадлежащихъ къ одному и тому же государству, очень часто разнится на цълые міровые періоды. Въ такія эпохи претендовать на правовую дъйствительность можетъ лишь такое содержание общаго правосознания, которое прямо или косвенно уже узаконено. Прямо или косвенно, такъ какъ нътъ необходимости, конечно, чтобы оно было узаконено словами; для его правовой дъйствительности достаточно, чтобы оно проявилось въ дъйствіяхъ цълаго народа. Воть почему, по мнънію Лассаля, конвенть не совершиль недопустимаго обратнаго дъйствія, когда призналь за своими законами о правъ наслъдованія обратное дъйствіе вплоть до дня штурма Бастиліи. Въ этотъ день французскій народъ уничтожилъ правовой порядокъ феодальнаго общества и замънилъ феодальныя привилегіи противоположнымъ въ его правовомъ сознаніи правовымъ равенствомъ.

То, что Лассаль однажды сказаль о Савины, одинаково примънимо и къ нему самому: онъ очень близко подходить къ истинъ и все же принципіально обходить ее, благодаря своему идеологическому міровозврънію. Взятіе Вастиліи безъ сомнънія не было дъломъ цълаго народа, а только лишь большей или меньшей—это безразлично—части его. Оно нисколько не создало единства въ индивидуумахъ и не сплотило расшатанныя правственныя воззрънія народнаго духа. Наобороть, оно, именно, показало, что этическое сознаніе индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и

тому же государству, можеть отличаться на цёлые міровые періоды. Если же этоть акть, тёмь не менёе, создаль новое право, а исторически онь его, дёйствительно, создаль, то источникомь этого права было нёчто другое, чёмь всеобщій народный духь. Выражаясь языкомь Лассаля, въ штурме Бастиліи выразилось не общее правосознаніе, а только лишь особенное классовое сознаніе, которое перешло во всеобщее правосознаніе только потому и постольку, поскольку оно соотвётствовало общимь потребностямь общества. Подъ идеалистическимь понятіемь эпохи Лассаль всегда подразумёваеть одно какое нибудь опредёленное общество, историческое развитіе котораго своими смёнами обусловливаеть также смёну права.

Всъмъ этимъ, однако, нисколько не колеблется лассалева теорія обратнаго дійствія, а только лишь его способъ доказательствъ. Онъ черпалъ свои доказательства изъ дъйствительнаго правового матеріала и могъ, поэтому, разсуждать совершенно правильно, искалъ ли онъ свои доказательства на надлежащемъ или на не надлежащемъ мъстъ. Однако, Родбертусъ и здъсь возражалъ ему, что лассалева теорія уже потому не могла опираться на римскіе пандекты, что историческій духъ ихъ совершенно иной. Лассаль самъ постоянно подчеркиваетъ различіе историческаго духа и страннымъ образомъ желаетъ установить одну и ту же теорію для столь различныхъ эпохъ, какъ современная и римская. На это Лассаль возразилъ сравненіемъ, которымъ однажды воспользовался самъ Родбертусъ, -- что мы прекрасно можемъ разсуждать о животномъ, о позвоночномъ столбъ, но что входить въ подробности возможно лишь при изученіи отдільных в порядковъ животныхъ. Въ вопросахъ юридическихъ дъло обстоитъ такъ, что, это содержаніе историческаго духа различно, но сквозь это различіе содержанія всюду проходить одинъ и тотъ же, но другой элементь, который онь называеть формальной логикой.

Эту формальную логику Лассаль совнательно развиль для всвхъ последующихъ эпохъ, независимо отъ содержанія правосознанія въ каждую отдельную эпоху; поэтому онъ и думаетъ, что та же формальная логика права была и у римлянъ безсознательно действующимъ моментомъ.

Собственно возражение Лассаля имъло бы больше убъдительности, если бы онъ выразился такъ: подобно тому, какъ позвоночныя животныя, несмотря на всв прочія различія въ ихъ строеніи, сходны между собою въ отличіе отъ безпозвоночныхъ животныхъ въ томъ, что имъють позвоночный столбъ, такъ и опредъленная правовая система, при всемъ различіи своего историческаго развитія, всегда сохраняеть одну и ту же общую черту въ отличіе отъ другихъ правовыхъ системъ. Въ своемъ сочинени онъ подробно развиваетъ ту мысль, что понятіе обратнаго действія законовь было чуждо китайскому, индійскому и даже моисееву законодательству, такъ какъ они, вообще, еще ничего не знали о субъективности духа, о свободъ и вмъняемости индивидуумовъ. Объ этомъ стали отдавать себъ отчетъ только классическіе народы древности. Лассаль идеть даже еще дальше и говорить, что германское понятіе собственности въ средніе въка, болъе или менъе, отрицаетъ теорію обратнаго дъйствія и, наоборотъ, слишкомъ расширяетъ недопустимость обратнаго дъйствія. Хотя онъ и говорить усиленно о правовой идеъ, какъ таковой, но онъ безсознательно понимаеть ее только, какъ историческую, но не какъ логическую идею. Онъ ограничиваеть ее эпохою римскаго права и тъми періодами современныхъ народовъ, которые на исходъ среднихъ въковъ снова восприняли римское право и по своему дальше развили его. Но римское право есть право общества, производящаго товары. Классическіе народы древности дошли до "субъективности духа", до "свободы и вмъняемости ндивидуума" не путемъ образованія или искусства, или

религія, какь думаєть Лассаль, а посредствомъ частной собственности и производства товаровъ, которые развились изъ первобытнаго коммунизма. И только на этой опредъленной общественной почвъ каждый шагъ впередъ въ историческомъ развитии, каждая революція являлась побъдою одного вида частной собственности надъ другимъ видомъ частной собственности. Только на этой почвъ, какъ выражается Лассаль на свой идеологическій манеръ, понятіе пріобратенныхъ правъ могло стать "движущимъ источникомъ всякаго дальнъйшаго развитія формъ образованія". Отсюда вполнъ ясно, что, когда изсякло товарное производство и торговля въ естественномъ хозяйствъ среднихъ въковъ, то затуманилась также формальная правовая логика пандектовъ. А когда они снова расцвъли на исходъ среднихъ въковъ, то опять вошло въ почетъ римское право, какъ право, которое наиболъе приспособлено къ обществу товаро-производителей. Право въ техническомъ смыслъ слова, т. е. настоящая правовая наука, юриспруденція, какъ таковая, развилась изъ товарнаго производства и обезпеливаетъ исходныя посылки, при наличности которых гоно, вообще, можеть развиваться. Только въ этихъ рамкахъ могъ говорить Лассаль о правовой идев, какъ таковой, какъ о логической категоріи. Громадная заслуга его — въ томъ, что онъ проследилъ основную идею правовой науки, проследилъ, какъ она все более сознательно развивалась отъ простого товаропроизводства древности до гигантскаго развитія капиталистическаго производства въ современномъ буржуазномъ обществъ. Она достигла полной ясности положительнаго права для последняго переворота, который вообще еще возможенъ на почвъ частной собственности и товаропроизводства, --- для перехода отъ феодальной собственности къ буржувзиой.

Значеніе этой заслуги не умалилось бы существенно и въ томъ случав, если бы Лассаль при такомъ колоссальномъ трудъ иной разъ и сдълалъ слишкомъ поспъшное заключение отъ позднъйшаго къ предыдущему и, какъ думалъ Родбертусъ, вычиталъ изъ пандектовъ нъсколько больще того, что въ нихъ есть. Несравненно важнъе вопросъ, считалъ ли Лассаль свою формальную логику права также обязательною для всъхъ позднъйшихъ временъ, стало быть, не только для превращения феодальной частной собственности въ буржуваную, но и для перехода отъ частной собственности вообще къ общности имущества.

Объ этомъ онъ очень подробно говорить въ длинномъ примъчаніи къ своей книгъ, на которое онъ впоследствін охотно ссылался. Въ этомъ примечаніи онъ развиваеть мысль, что культурно-историческій прогрессъ исторіи права заключается, вообще, въ томъ, что сфера собственности частнаго индивидуума все болъе ограничивается, и что все большее число предметовъ исключается изъ области частной собственности. Если держаться такой точки арънія, что, благодаря господству свободной конкурренціи, собственность только и могла достигнуть истинной свободы и развитія, на основании чего защитники этого направленія говорять о неограниченной "свободъ собственности", то, дъйствительно, придерживаясь діалектики, присущей всёмъ логическимъ опредъленіямъ, мы должны будемъ всецъло признать этотъ фактъ съ его реальными послъдствіями. Если вникнуть, однако, въ сущность вещей, то введеніе свободной конкурренціи и прекращеніе монополіи и цеховъ скорве вытекаеть изъ мысли, что инкоимъ образомъ нельзя признать частной собственностью индивидуума исключительное право на занятіф промысломъ и сбытомъ, т. е. право на то, чтобы другія лица не допускались къ дъйствіямъ, которыя сами по себъ дозволены.

Мы находимъ совершенно естественнымъ, что на заръ исторіи человъкъ, подобно ребенку, ко всему протягиваетъ свои руки, все считаетъ своимъ и не знаетъ границъ для своего личнаго произвола. Лишь позднъе, и притомъ постепенно, онъ научается находить эти границы. Поклоняющійся фетишамъ разбиваеть еще своихъ идоловъ, коль скоро они не исполняютъ его желаній, и даже боговъ своихъ разсматриваетъ, какъ личную собственность. И хотя религіозная служба была уже въ отдаленныя времена изъята изъ области частнаго произвола, но самъ человъкъ еще долгое время оставался предметомъ собственности другого человъка. Въ дальнъйшемъ течени рабство смягчилось въ кръпостное право, кръпостное состояніе перешло въ различныя градаціи зависимости, пока, наконедъ, кръностной рабочій не быль признань свободнымъ рабочимъ. Въ настоящее время Европа стоитъ лицомъ къ лицу съ двумя весьма интересными вопросами собственности: въ политическомъ отношеніипередъ уничтоженіемъ такого порядка, при которомъ общественная воля цёлой націи можеть считаться собственностью одной семьи, другими словами-передъ уничтоженіемъ монархіи. Въ соціальномъ отношеніи рождается вопросъ, можетъ ли въ настоящее время, когда вычеркнуто право собственности на непосредственное пользование человъкомъ, существовать такое же право на косвенное пользованіе имъ, т. е. можетъ ли свободный трудъ и развитіе личной рабочей силы человъка быть исключительной частной собственностью обладателя субстрата труда и аванса труда (капитала) и въ правъ ли предприниматель, какъ таковой, считать своей собственностью ценность чужого труда (прибыль на капиталъ)?

Это прогрессивное сужение объема частной собственности опирается не на что иное, какъ на положительное развитие человъческой свободы. Въ этомъ прогрессивномъ движевии часть свободы, которая раньше признавалась отчуждаемою, признается не отчуждаемой свободой человъка; она вытекаетъ изъ нравотвенной идеи и общественнаго права и регулируется абсолютными законами. Совершенно параллельно еъ движеніемъ исторін права въ этомъ направленіи—выбрасывать изъ сферы собственности все больше содержанія—замічается аналогичная тенденція въ области экономическаго развитія: выбрасывать все большее число факторовъ производства и самые продукты все въ большемъ количествів изъ сферы экономической собственности, возмездности въ сферу безвозмездности, или, другими словами, уменьшать расходы по производству. Эта основная мысль, совершенно правильная, получила въ "Экономическихъ Гармовіяхъ" Вастіа совершенно ложное и одностороннее толкованіе.

Противъ этого Родбертусъ выставилъ свое третье возраженіе, что отъ напыщенной фразы Вастія рабочіе не получать масла къ хлібу. Мнівніе Лассаля онъ истолковаль въ такомъ смыслів, который самъ Лассаль категорически отвергаеть, и было естественно, что Лассаль съ нівкоторою різкостью возсталь противъ такого грубого непониманія. Но онъ оканчиваеть свой отвіть віжливымъ замічаніемъ, что "проведенная имъ параллель, дійствительно, не отличается особенной глубиной". И это, быть можеть, побудило Родбертуса искать въ ней боліве глубокій смысль, чіть она можеть иміть. Здівсь Лассаль опять очень близокъ къ истинів, но опять-таки принципіально обходить ее, благодаря своему идеологическому возарівнію.

Параллель была достаточно глубока, но Лассаль сквовь свои юридическіе очки не видъль ел основанія. То, что онь говорить о ходъ исторіи права совершенно върно, если понимать исторію права, въ томъ узкомъ смыслъ, что право вообще развилось изъ частной собсть энности и товаропроизводства. Лассаль еще не заль, что первобытное коммунистическое общество обнимало первый и, до сихъ поръ, самый продолжительный періодъ человъческой исторіи, и что дикарь, который на заръ исторіи простираеть свои руки ко всему, чтобы назвать своимъ, собственно никогда не

существоваль. Лассаль самъ затемняеть то, что онъ такъ проницательно и мътко отмъчалъ: онъ ищетъ причину въ облакахъ въ то время, какъ она имъется на твердой землъ. Прогрессивное уменьшение объема частвой собственности отнюдь не основано на положительномъ развитіи человъческой свободы. Успъхи производства на почвъ частной собственности ведутъ къ названной параллели Лассаля: они удешевляють продукты и расширяють человъческую свободу. Рабъ работаеть дороже и хуже, чъмъ кръпостной, кръпостной дороже и хуже, чъмъ барщинникъ, барщинникъ дороже и хуже, нежели свободный рабочій. Древнее общество погибло, благодаря рабскому труду, феодальное общество-отъ кръпостного труда. Точно также погибнеть и буржуваное общество отъ свободнаго труда,--но не потому, что онъ юридически свободенъ, а въ силу того, что экономически не свободенъ.

Діалектическое развитіе частной собственности коренится, въ концъ-концовъ, не въ ограничении ея права, а въ расширени ея силы. Центръ тяжести лежить въ "фактическихъ, реальныхъ последствіяхъ", что правильно поняла манчестерская школа, несмотря на ея ограниченность, а быть можетъ -- именно, поэтому. Только развитіе силы влечеть за собою ограниченіе права. Собственность разбиваеть оковы права и дъляетъ рабочихъ въ правовомъ отношеніи свободными, но лишь для того, чтобы еще безграничеве развернуть свою экономическую власть и еще безпощаднъе эксплоатировать экономическую зависимость рабочихъ. Лассаль хватается за призракъ вмъсто сущности и требуетъ большаго отъ науки права, чъмъ она можетъ дать, какъ скоро онъ находитъ, что съ уничтоженіемъ всякой правовой зависимости рабочаго падеть также экономическая зависимость. Право не можеть того сделать такъ же, какъ не могла феодальная теологія своимъ ученіемъ о томъ, что всъ люди - дъти одного Вога, устранить правовую несвободу средневъкового рабочаго. Новое общество разрушаетъ не только экономическій строй, но и идеологическую надстройку стараго общества, изъ нъдръкотораго оно рождается.

Оба вопроса собственности, которые выдвигаетъ Лассаль передъ современной Европою, имъютъ ту общую черту, что лежать вив предвловъ науки права, какъ понимаеть ее Лассаль. Разница только та, что одинъ вопросъ лежить позади нея, а другой впереди, что одинъ былъ разръшенъ при самомъ возникновеніи ея, а другой будетъ разръшенъ, когда она перестанетъ существовать. Монархія, какъ вопросъ собственности, какъ вопросъ о томъ, можно ли считать общественную волю націи собственностью одной опредъленной семьи, принадлежить той эпохъ, которая еще не знала "свободы и вмъняемости индивидуума", принадлежить восточному праву, которое не имъло еще представленія о "субъективности духа". Въ древней Греціи и Рим'в и даже во время феодальныхъ среднихъ въковъ, не говоря уже о современномъ буржуазномъ обществъ, монархія, въ какую бы идеологическую оболочку она не маскировалась, всегда была лишь вопросомъ политической организаціи. И господствующіе классы отвінали на этоть вопрось, смотря по обстоятельствамъ, нисколько не интересуясь допотопной фантазіей монархіи, признающей свою волю за высшій ваконъ. Уничтожение монархии не произведеть ръшительно никакихъ матеріальныхъ изміненій въ имущественныхъ отношеніяхъ современнаго буржуванаго общества. Оно только рельефиве обрисовываеть положеніе вопроса собственности, придавая ему формально законченную ясность. Точно также демократическая республика есть то идеальное поле битвы, на которомъ произойдеть ръшительное сражение между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Съ другой стороны, вопросъ о прибыли на капиталъ является вопросомъ собственности въ самомъ

настоящемъ смыслъ слова. Къ нему, собственно, и сводится весь вопросъ собственности, тогда какъ прибыль на капиталъ проистекаетъ изъ исторически и логически наиболюе развитой формы частной собственности. Уничтоженіе ея было бы равносильно уничтоженію частной собственности во всякой формъ, а стало быть, и права, выросшаго на почвъ частной собственности. Короче это можно выразить такъ: юридически съ капиталомъ на прибыль вообще ничего нельзя подълать. Всъ соціалистическія попытки въ этомъ направленіи терпъли пораженіе и должны были терпъть пораженіе. Великій прогрессъ научнаго коммунизма въ сравнени со всъми прежними ученіями соціализма заключается въ томъ, что онъ не разсматриваетъ больше прибыль на капиталъ, или точнъе -прибавочную цвиность, какъ посягательство на справедливость и нравственность, а только лишь, какъ экономическій фактъ, и что онъ сумівль доказать, что. именно, этотъ экономическій фактъ приведетъ къ распаденію частной собственности и переходу ея въ общественную собственность.

Съ этой задачей не въ состояніи справиться формальная правовая логика Лассаля. Уже самое ядро его теоріи обратнаго дійствія принимаеть совершенно иной обликъ, какъ скоро частная собственность должна превратиться въ собственность общественную, нежели въ томъ случав, когда идеть рвчь о превращеніи одного вида частной собственности въ другей видъ частной собственности. Господство имущихъ классовъ надъ неимущими есть частная собственность, и для зависимыхъ чрезвычайно важенъ вопросъ о томъ, насколько они обязаны собственность, ставшую негодною господству, за свой счеть превратить въ другой видъ собственности, сдълавшійся годнымъ къ господству. Общественная же собственность, уничтоженіе господства, какого бы то ни было класса, -- это уже будеть вопросъ сравинтельно маловажный, слъдуеть ли вознаградить бывшихь собственниковь, въ какой мёрё и въ какомъ видё. Все это ни въ коемъ случай не возвратить имъ господства надъ людьми. Марксъ никогда не считалъ нужнымъ публично затрогивать вопросъ о томъ, какимъ образомъ должна будетъ произойти экспропріація экспропріирующихъ; но въ интимныхъ бесёдахъ онъ, по словамъ Энгельса, высказывался, что дешевле всего обошлось бы дёло, если бы можно было откупиться отъ всей этой шайки.

Насколько лассалева теорія пріобрътенныхъ правъ оказывалась убъдительною, когда онъ примънялъ ее къ переводу одного вида частной собственности въ другой видъ частной собственности, настолько же выступала ея недостаточность при попыткъ расшатать самую частную собственность и въ особенности доказать, что современное право наслъдственности является крупнымъ недоразумъніемъ и представляетъ сплошную теоретическую невозможность. Доказательству этого онъ посвящаеть второй томъ своего сочиненія, который, едва ли не больше перваго тома, поражаеть необычайной ученостью и діалектической игрою мысли. Но то, что Лассаль хотвлъ доказать, онъ не доказалъ. Онъ не доказалъ бы этого и въ томъ случав, если бы не ваблуждался насчеть того. что завъщаніе по римскому праву вытекаеть изъ представленія древнихъ римлянъ о безсмертіи. Если бы современное наслъдственное право, дъйствительно, было неправильно понятымъ осадкомъ древне-германскаго и древне-римскаго наслъдственнаго права, то этимъ было бы только доказано, что оно облеклось въ одежду, къ нему не подходящую. И когда Лассаль разорваль въ клочки эту одежду, то современное наслъдственное право предстало въ своей настоящей голой двиствительности. Тамъ, гдв существуеть частная собственность, необходимо существуеть и право наслъдствечности И этотъ логическій выводъ висколько не колеблется сплсшной теоретической невозможностью иллюзіи, которую наслъдственное право создаеть себъ относительно своего собственнаго происхожденія.

Надежды, которыя Лассаль возлагаль на практическія воздійствія своего сочиненія, не осуществились. Онъ върно предвидълъ, что приближается "дурная эпоха" законодательныхъ работъ. И если бы буржуавія имъла мужество вступить въ серьезный бой съ юнкерствомъ, то, конечно, какъ ожидалъ Лассаль, "ни одинъ членъ парламента и ни одинъ политикъ" не могь бы обойтись безь его книги, какъ это сдълаль въ январъ 1869 г. одинъ либеральный членъ парламента въ своей полемикъ противъ феодальныхъ брачныхъ привилегій прусскаго земскаго права. Едва ли, однако, мы могли бы указать второй примъръ этого рода. Всъмъ извъстно, насколько прусское законодательство въ последнее поколеніе работало въ духе, который Лассаль заклеймиль въ самыхъ ръзкихъ выраженіяхъ, какъ отсутствіе чувства долга и стыда. Особеннымъ виртуозомъ въ искусствъ изъ феодаль ныхъ притязаній въ современномъ буржуваномъ обществъ создавать право возмъщенія у народнаго духа быль Висмаркь, придумавшій хльбныя пошлины, подарки водочнымъ производителямъ и сахарозаводчикамъ и многое другое въ этомъ родъ. Но и послъ Висмарка это искусство далеко не угасло въ прусскомъ закоподательствъ и въ особенности среди буржуваных ваконодателей. Всего несколько леть тому назадъ прусскій министръ финансовъ Микель, который по традиціямъ бывшаго коммуниста могъ бы понимать доводы Лассаля, выкупиль у дюжины среднев вковых в графовъ феодальную податную привилегію за нъсколько милліоновъ изъ народнаго кармана.

Въ ученомъ мірѣ сочиненіе Лассаля вызвало единичные отзывы восторга и признанія. Старикъ Савивъи, который дожилъ лишь до выхода перваго тома. оказалъ честь себъ и своему противнику, выразившись, что такой книги не было написано со времени Донелла. Альбертъ Ланге изучалъ на этой теоріи пріобрътенныхъ правъ практику отнятыхъ правъ. Въ общемъ, однако, ивмецкая ученость не стояла болве на высотв этого научнаго диспута. Циглеръ былъ возмущенъ тъмъ, что во всемъ Берлинъ, если не считать университета, не нашлось десяти юристовъ, которые читали бы эту книгу, и пяти, которые поняли бы ее. Такъ, изъ выдающихся юристовъ Герингъ позволиль себв несколько плоскихъ шутокъ по поводу нъкоторыхъ рискованныхъ картинъ, нарисованныхъ Лассалемъ во второмъ томъ, и на шестистахъ страницахъ последняго не нашелъ будто бы ни малейшихъ признаковъ разсудка. Подобная выходка не выдерживаетъ критики, даже какъ шутка надъ философскимъ умограніемъ. Получивъ отпоръ отъ одного изъ друзей Лассаля, Герингъ оправдывался темъ, что онъ опровергалъ не самое умозрительное направленіе, а только лишь заблужденія его, въ которые впали, именно, наиболье даровитые; на вышинь отвысныхь скаль встрвчаются-де только серны и козероги, но не овцы. Сущности того, что желалъ сказать Лассаль, Герингъ даже не коснулся. Эта сущность была полнъйшей загадкою для человъка, который на многихъ листахъ трактовалъ, какъ оракулъ, о борьбъ за право и могъ въ то же время рабски восхищаться биомарковской политикой насилія, противъ которой Германія вынуждена была почти тридцать лътъ вести борьбу за право. Лассаль доказываль, что феодальное право, какъ, напримъръ, прусскій законъ о батракахъ, само по себъ утрачиваетъ значеніе въ буржуазномъ обществъ. А въ то же время Іерингъ въ своемъ сочинении "Борьба за право" училь, что хозяинь, который не осмыливается больше примънять законъ о батракахъ, "не только оскорбляеть этическія условія своей жизни и утрачиваеть поэвію своего характера, но наносить ущербъ

идеальному авторитету самого закона и подрываеть реальный порядокъ гражданской жизни". И этотъ маленькій катехизись практической философіи жизни жадно читался нѣмецкой буржуазіей въ то время, какъ великій теоретическій трудъ Лассаля оставался не читаннымъ.

Изъ философовъ, Мишле доказалъ своей критикой, что оффиціальное гегельянство счастливо причалило къ болоту самаго вульгарнаго манчестерства. отрицалъ существование прибыли на капиталъ и полагалъ, что капиталъ, какъ сбережение труда, долженъ принимать участіе "въ общемъ вознагражденіи", и что Бастіа лучше усвоилъ себъ экономическія категоріи, чъмъ Лассаль. Однако, и къ этой плоской мудрости можно было отнестись мягче съ того момента, какъ сочиненіе Лассаля попало въ руки государственнаго соціализма милостью Бисмарка. Въ то время, какъ Лассаль разработаль свою теорію пріобрътенныхъ правъ, видя, что законодатели уклонялись отъ ясныхъ требованій ея "большею частью въ силу политическихъ и житейскихъ соображеній". Адель Вагнеръ построилъ на "превосходномъ сочинени" Лассаля свою "экономическую теорію экспропріаціи" и училь, что даже тамъ, гдъ собственно нътъ права на вознагражденіе---, можно давать его часто по соображеніямъ политики и житейскимъ". Этимъ вопросъ буквально возвращался къ старому запутанному состоянію, которое соотвътствовало интересамъ имущихъ и господствовавшихъ классовъ, изъ котораго Лассаль вырвалъ его путемъ необычайного умственного напряженія. Послъ этого прусскій государственный соціализмъ, по свойственной ему странной логикв, призналь за собою неоспоримъйшее право разыгрывать изъ себя духовнаго преемника Лассаля.

Счастье, что Лассаль могъ оставить послѣ себя истинныхъ преемниковъ своего духа!

Глава восьмая.

Европейскій кризисъ 1859 года.

Лассаль рабогалъ еще надъ своимъ сочинениемъ по философін права, когда, подъ вліяніемъ большого торговаго кризиса 1857 года, началось новое политическое броженіе среди европейскихъ массъ. Какъ и десятью годами раньше, движеніе прежде всего проявигось въ Италіи и Франціи. Въ Италіи быстро разроставшееся народное движеніе направилось противъ австрійскаго чужеземнаго владычества, и савойская династія была достаточно хитра, чтобы воспользоваться этимъ движеніемъ и стать во главъ его, рискуя даже собственнымъ существованіемъ. Во Францін въ пролетаріатъ проснулся старый революціонный духъ, и буржуазія начала роптать противъ бонапартизма за то, что онъ не могъ надолго обезпечить ей то, ради чего она охотно уступила ему политическое господство, т. е. хорошія дѣла.

Бонапартизмъ никогда не былъ свободнымъ открытіемъ геніальнаго ума, онъ но быль таковымъ даже въ лицъ Первой имперіи, когда могъ, по крайней мъръ, гордиться своимъ геніальнымъ носителемъ. Что же сказать о Второй имперіи, когда носителемъ бонапартизма былъ весьма и весьма посредственный геній. Первый Наполеонъ исполнилъ завъщаніе революціи, въ которой буржуваія разбила на голову феодализмъ. Третій Наполеонъ наслъдоваль революцію, въ которой буржувзія и пролетаріать истощили себя во взаимной борьбъ. Французскій пролетаріать, достигшій уже высокаго развитія въ городахъ, но въ деревив значительно уступавшій по численности мелкому крестьянству, быль побъждень въ великой борьбъ съ буржувајей, мъщанствомъ и арміей. Но какъ буржуазія, такъ и мізщанство истекли кровью въ этой борьбъ и послъ нъсколькихъ лътъ страданій сложили оружіе передъ истиннымъ побъдителемъ въ іюльской

битвъ, т. е. передъ арміей и классомъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, вербуется армія, передъ мелкими крестьянами, которымъ захотълось наконецъ отдохнуть отъ городскихъ крамольниковъ. И военный деспотизмъ воплотился въ имени Наполеона.

Сущность этого бонапартизма Энгельсь изложилъ въ выраженіяхъ, которыя могутъ быть лишь ослаблены въ передачъ другими словами. Вотъ они дословно: "Въ отношени рабочихъ, такъ же, какъ и капиталистовъ, бонапартизмъ отличается темъ, что мешаетъ имъ наброситься другъ на друга. Другими словами, онъ защищаеть буржуазію оть насильственных нападеній рабочихь, способствуеть мелкимь мирнымь стычкамъ между этими двумя классами, а въ общемъ-отнимаетъ и у того и у другого класса всякую твнь политической власти. Ни права союзовъ, ни права собраній, ни свободы печати. Всеобщее избирательное право подъ такимъ бюрократическимъ гнетомъ, что оппозиціонные выборы становятся почти невозможными. Самовластіе полиціи, неслыханное до сихъ поръ даже въ полицейской Франціи. При этомъ часть буржуваін такъ же, какъ и рабочихъ, прямо покупается: одниколоссальными кредитными аферами, при помощи которыхъ деньги мелкихъ капиталистовъ переводятся въ карманы крупныхъ, а другіе — колоссальными государственными постройками, которыя сосредоточивають въ большихъ городахъ, на ряду съ естественнымъ, самостоятельнымъ пролетаріатомъ, искусственный пролетаріать, имперіалистическій, зависимый оть правительства. Наконецъ, національной гордости льстятъ, будто бы, героическими войнами, которыя, однако, всегда высшаго начальственнаго разръшенія ведутся Европы противъ того, кто въ данный моментъ является козломъ отпущенія, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя заранте обезпечивають побъду". Бонапартизмъ, какимъ его рисуетъ Энгельсъ, выросъ самъ собою изъ опредъленныхъ общественныхъ отношеній. И онъ всегда возрождается тамъ, гдъ эти условія повторяются.

Торговый кризись 1857 года впервые показалъ, что за громкими объщаніями его скрывается безпомощная растерянность. Послъ этого ручныя наты Орсини привели въ трепетъ ложнаго цезаря заставили его въ паническомъ страхъ издать законы объ общественной безопасности. Однако, эти законы никого не испугали, а только показали, бонапартизмъ послъ семилътняго существованія все еще не имъеть подъ собою твердой почвы. Для Бонапарта оставался еще одинъ путь къ спасенію, популярная война, которая носила бы тынь права и цивилизаторской миссіи и могла бы остановить нараставшія волны революціи. Противъ кого вести войну, это показали съ желательною очевидностью бомбы Орсини.

Союзъ Бонапарта съ савойской династіей съ цёлью сломить насильственное владычество Австріи въ Италіи повель къ тому, что въ итальянскую революцію вмъшался реакціонный элементь. Національное объединеніе Италіи противоръчило всъмъ традиціямъ французской политики. Въ устахъ Бонапарта оно было открытою ложью, такъ какъ эта мнимая цъль стояла въ ръзкомъ противоръчіи съ дъйствительными побужденіями, которыя толкнули его въ эту войну. Цель его была, прежде всего, ударить на общаго козла отпущенія, а этого козла онъ правильно видълъ въ Австріи. Хозяйничанье габсбургскаго деспотизма въ Италіи приняло размѣры евронейскаго скандала. Со своими старыми реакціонными друзьями изъ священнаго союза онъ перессорился: съ Пруссіей изъ-за Ольмюца, съ Россіей изъ-за Крымской войны, и нъкоторая дружба сохранилась лишь съ англійскими торіями. Ломбардія и Венеція, вырванныя изъ власти Австріи, должны были отойти къ Пьемонту, и въ вознаграждение за это Бонапарть выговорилъ себъ Савойю и Ниццу. Все дальнъйшее можно было пока

предоставить судьбъ и ходу событій. Если бы удалось замъстить австрійскія креатуры на тронахъ средней и южной Италіи членами почетной семьи Бонапартовъ, тъмъ лучше. Но во всякомъ случат итальянское единство не должно было идти дальше формъ новаго рейнскаго союза, который долженъ былъ соединить отдъльныя итальянскія государства подъ почетнымъ президентствомъ папы и фактическимъ протекторатомъ Франціи.

Но освободителю народовъ на Сенѣ доставляла несравненно большія заботы, чѣмъ будущее устройство Италіи, локализація войны. Онъ столковался съ Россіей и могъ разсчитывать на нейтралитетъ Англіи. Но будетъ ли германскій союзъ безучастно смотрѣть на опасные удары, наносимые его главному вождю? Не сочтетъ ли онъ себя, напротивъ, обязаннымъ защищать внѣ-германскія владѣнія своихъ членовъ? А какъ скоро германскій союзъ соединится съ Австріей, то это, пожалуй, въ конецъ разстроитъ планы Бонапарта.

И Австрія поняла выгодную сторону такого положенія и начала проявлять лихорадочную пропаганду, чтобы втянуть въ войну германскій союзъ. Центромъ этой пропагандыбыла "Всеобщая Аугсбургская Газета", дипломаты и стратеги которой доказывали воочію, что насильственное владычество Австріи въ Италіи въ интересахъ Германіи, что на берегахъ По защищается Рейнъ, и что вся Германія должна встать съ оружіемъ въ рукахъ за Австрію. Иначе, съ пораженіемъ этой передовой державы, она очутится безоружною лицомъ къ лицу съ болъе могущественнымъ побъдителемъ. Императорско-королевскія перья то въ самыхъ мрачныхъ краскахъ вызывали призракъ Іены, то давали волю самому пылкому фантазированью. Какъ говорилось дословно въ оффиціальныхъ манифестахъ, Австрія будто бы защищала отъ "крушенія" самыя "священныя блага". Она снаряжала крестовый походъ народовъ противъ декабрьскаго убійцы, обагреннаго кровью и

покрытаго поворомъ. Подъ австрійской эгидой должна была возникнуть великая средне-европейская держава, которая проявила бы всю первобытную мощь германскаго духа отъ Бельгін, Голландін и Эльзасъ-Лотарингін дэ Венгрін и славяно-румынскихъ придунайскихъ странъ и держать въ увадв, съ одной стороны, романскіе, а съ другой --- славянскіе народы. Однако, французская агитація не уступала этой австрійской пропагандъ и была такъ же мало разборчива въ средствахъ. Главнымъ трубачемъ ея былъ бывшій имперскій регенть Карлъ Фохтъ, который былъ подкупленъ французскимъ золотомъ, какъ доказали росписки, найденныя впослъдствін въ Тюльери. Онъ прославлялъ бонапартизмъ, какъ освободителя угнетенныхъ народностей въ сочиненіяхъ, которыя отличались столько же безсмысленностью, сколько невъжествомъ.

Подъ оплодотворяющей струей подобныхъ разглагольствованій вновь пробудился старый антагонизмъ между мало и велико германцами, увядшій было отъ собственнаго худосочія. Мало-германцы таяли отъ пѣнія бонапартистскихъ сиренъ; имъ былъ по сердцу способъ осуществленія итальянскаго единства, они издавна желали Гогенцоллернамъ сыграть роль савойской династіи. А, съ другой стороны, велико-германцы съ такимъ же, если не съ большимъ, увлеченіемъ гипнотизировали себя фантастическими перспективами, которыми манили ихъ авгуры Гофбурга.

Было бы слишкомъ лестно утверждать, что малогерманцы оказались болве дальнозоркими, чвиъ велико-германцы. Правильные сказать, что велико-германцы были еще болве близоруки, нежели мало-германцы. Послвдніе желали, по крайней мврв, объединить большую часть Германіи, тогда какъ первые просто надвялись отстоять ввмецкую раздробленность. Прусскіе буржуа, крупные и средніе, нвсколько шире смотрвли на такъ называемыя историческія необходимости, чвмъ баварскіе ультрамонтаны, швабскіе партпкуляристы или даже франкфуртскіе биржевики, которыхъ патріотически быющееся сердце трепетало въ австрійскихъ долговыхъ обязательствахъ ихъ кассъ. Нельзя отрицать, что были единичные велико-германцы, которые, по своему, честно понимали германскій патріотизмъ, какъ, напримъръ, Бухеръ и Родбертусъ, а равно лейпцигскій историкъ Вутке. Однако, именно, сочиненія этихъ лицъ, относящіяся къ 1859 году, доказываютъ, сколько противоръчій таилось въ велико-германскомъ направлевіи. Вугке вернулся съ тайнаго совъщанія велико-германскихъ главарей въ Резенгеймъ съ угнетающимъ сознаніемъ, что южно-нъмецкое дворянство пользуется лозунгами велико-германцевъ для того, чтобы утвердить свои привилегіи, противозаковно возстановленныя въ эпоху реакціи, и онъ публично протестовалъ противъ велико-германскихъ попытокъ, подкопаться подъ германскій парламенть. Бухеръ же и Родбер тусь требовали, въ цёломъ рядё летучихъ листковъ, германскаго единства въ формъ союзной директоріи. Пруссія и Австрія должны были входить сюда, какъ бы по праву рожденія, а третій членъ избираться государями, предсъдательство же и резиденція чередоваться между Въной, Берлиномъ и Франкфуртомъ. То была реакціонная утопія, въ сравненіи съ которой даже союзный сеймъ имълъ преимущество, какъ реальность, хотя и весьма жалкая.

Однако, независимо отъ партійныхъ раздоровъ между мало- и велико-германцами въ нѣмецкихъ народныхъ массахъ росло національное движеніе, отличавшееся первобытною мощью. Общія причины его были тѣ же, которыя, вообще, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ призывали европейскіе вароды къ новой жизни. Но первымъ вѣтромъ, который раздулъ вспыхивавшее пламя, было нападеніе французовъ на Австрію. Инстинктивное и, въ своемъ родѣ, справедливое чувство, что искатель приключеній на французскомъ тронѣ только тогда можетъ разсчитывать на сколько-нибудь

прочное существованіе, когда онъ захватить лівый берегъ Рейна, что нъмецкому Михелю всегда приходится расплачиваться, когда другіе люди подерутся изъ-за вопросовъ, не имъющихъ къ нему никакого отношенія; это чувство еще болье обострилось отъ сознанія безпомощности, отъ жестокаго сознанія, что нъмецкій народъ попрежнему остается безправнымъ и не имъетъ органа для проявленія своей воли. Ни органа воли, ни даже мъста, гдъ можно было бы сговориться относительно своихъ дёйствительныхъ интересовъ. Но, именно, благодаря своему инстинктивному возникновенію, такое національное движеніе отличалось твмъ большею смутностью. Поэтому, оно легко могло сдълаться жертвою мало- и велико-германскихъ лозунговъ. Энгельсъ, Марксъ и Лассаль пытались пролить свъть для того, чтобы предупредить, именно, эту опасность.

Первымъ выступилъ Энгельсъ со своимъ сочиненіемъ: "По л Рейнъ", для котораго Лассаль нашелъ ему издателя въ лицъ Франца Дункера. Въ этомъ сочиненін Энгельсъ старался разсъять фантазіи великогерманско-австрійской пропаганды. Онъ не имълъ въ виду долго останавливаться на "защитъ священнъйшихъ благъ" отъ "крушенія"! Да это и не нужно было, такъ какъ въ пятидесятыхъ годахъ нъмецкій филистеръ не падалъ еще такъ низко въумственномъ и нравственномъ отношеніи, чтобы его можно было одурачить подобными лозунгами. Энгельсъ ограничился насмъшкой по поводу средне-европейской великодержавной теоріи, но остановился гораздо подробиве на излюбленномъ положеніи велико-германцевъ, что защищать Рейнъ нужно на IIo. Опровергнулъ онъ его доводами военнаго характера, что Германія совстмъ не нуждается хотя бы въ клочкъ Италіи для своей защитыи что Франція, если руководиться одними лишь военными соображеніями, имфетъ еще, конечпо, болфе сильпыя притязанія на Рейнъ, нежели Германія на Минчіо.

И Энгельсъ аргументировалъ такъ логично и неотразимо, что его анонимная статья была всёми принята за трудъ высокопоставленнаго и превосходно знакомаго съ вопросомъ военнаго. Это заблуждение перешло даже въ новъйшия сочинения по истории.

Столь же логично и неотразимо Энгельсъ доказалъ, что и съ политической точки зрвнія германскіе интересы требують не сохраненія, а упраздненія австрійскаго чужеземнаго господства въ Италіи. Онъ называлъ подобнаго рода господство "неслыханнымъ въ цивилизованныхъ странахъ". Доколъ оно продолжается, Италія вынуждена быть союзницей Франціи противъ Германіи. Если австрійцы писали, что у Германіи иное назначеніе, чімь быть громоотводомь оть ударовь грома, собиравшихся надъ головою бонапартовой династіи, то съ такимъ же правомъ итальянцы могли сказать, что Италія точно также имфеть иное назначеніе, чъмъ служить нъмцамъ буфферомъ противъ ударовъ, которые направляеть на нихъ Франція, и въ благодарность за это получать палочные удары отъ австрійцевъ. Нъмцамъ болъе, чъмъ кому-либо, слъдовало быть осторожными и касаться пристрастной темы о политической неспособности итальянцевъ. "Витсто того, чтобы пробовать нашу силу въ обладаніи чужой страной и въ угнетеніи чуждой національности, у которой одно лишь предубъждение можетъ оспаривать право на будущность, не лучше ли намъ позаботиться о томъ, чтобы у себя дома быть сильными и едиными". Единой Германіи едва ли когда-нибудь придется спорить съ единой Италіей. Наобороть, ея вліяніе въ Италіи будеть сильно, такъ какъ для итальянцевъ часто помощь Германіи окажется необходимою противъ Франціи.

Но этой критикой велико-германскихъ-австрійскихъ лозунговъ Энгельсъ, конечно, нисколько не игралъ въ руку бонапартизму,—онъ подчеркивалъ лишь то обстоятельство, что вопросъ о владеніи Ломбардіей интересуетъ Германію и Италію, но не касается Луи-Наполеона и Австріи. "По отношенію къ третьему, который вмъшивается ради своихъ собственныхъ, а въ другихъ отношеніяхъ-даже анти-германскихъ интересовъ, ръчь идеть о простомъ отстаиванін провинціи, которую уступають лишь по принужденію, о воевной позиціи, которую очищають, когда не могуть болье удержать ее. этомъ случав политическій вопрось сразу стушевывается передъ военнымъ; когда на насъ нападаютъ, то мы защищаемся". Въ національномъ движеніи, волной пробъжавшемъ въ нъмецкихъ массахъ, Энгельсъ усмотрълъ правильное чутье, что если По является для Лун-Наполеона предлогомъ, то конечною целью его долженъ быть при всвхъ обстоятельствахъ Рейнъ. Энгельсъ пошелъ навстръчу этому движенію; онъ хотълъ дать ему возможность вступить въ ожидаемый бой съ чистыми руками. Онъ заканчиваетъ свое изследованіе выводомъ, что нъмцы совершили бы превосходную сдълку, если бы обмънить По, Минчіо. Эчъ и прочій итальянскій хламъ на единство, которое предохранило бы ихъ отъ повторенія Варшавы и Бронцеля и которое одно, только можетъ сдълать ихъ могущественными и внутри и вовић.

Энгельсъ опубликовалъ свою брошюру въ согласіи съ Марксомъ, который съ своей стороны доказываль въ "New York Tribune", что не въ германскихъ интересахъ продолженіе австрійскаго владычества въ Италіи, и въ то же время разоблачалъ бонапартистскія козни: бонапартистское освобожденіе Италіи это только предлогъ для того, чтобы поработить Францію, подчинить Италію государственному перевороту, расширить "естественныя границы" Франціи за счетъ Германіи, превратить Австрію въ орудіе Россіи и втянуть народы въ войну легитимной контръ-революціи съ незаконной. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ о европейскомъ кризиов 1859 года Марксъ и Энгельсъ наслъдовали совокупное европейское положеніе во всъхъ направленіяхъ. Ови исчерпали всъ вспомогательныя средства науки, чтобы пролить свъть въ самые скрытые уголки этого положенія. Одинь только вопрось они не ставили себъ,—вопрось о томъ, какъ отнесется національное движеніе въ Германіи къ своимъ бли, жайшимъ врагамъ и пъмецкимъ государямъ? Этоть вопросъ становился излишнимъ только въ томъ случаъ, если бы франко - русская каолиція угрожала пъмецкой націи непосредственной опасностью. Понятно, что всякій народъ долженъ прежде всего существовать, а уже потомъ ръшать, какъ ему существовать. Но коль скоро такой непосредственной опасности не предвидълось, то упомянутый вопросъ является самымъ жгучимъ.

Здесь-то выступиль Лассаль съ своимъ сочинепіемъ "Объ нтальянской войнъ и задачъ Пруссіи". Оно появилось у того же издателя, что и брошюра Энгельса, и въ извъстномъ смыслъ дополняло ее. Если Энгельсъ говорить: "когда на насъ нападають-мы защищаемся", то Лассаль добавляеть: "во раньше нужно убъдиться — дъйствительно ли на насъ нападають". Во всвхъ принципіальныхъ вопросахъ Лассаль быль согласень съ Марксомъ и Энгельсомъ: въ мнъніи о необходимости объединенія Германіи и Италін, о корыстной политикъ Бонапарта, въ отрицательномъ отношеніи къ австрійскому козяйничанью въ Италіи и внутренней пустоть бонапартистской и габсбургской пропаганды. Наконецъ, они сходились также во ваглядахъ о неизбъжности войны на случай, если будуть затронуты германскіе интересы. Съ великогерманской и мало-германской буржуазіей Лассаль такъ же мало имъетъ дъла, какъ Марксъ и Энгельсъ; но въ чемъ онъ расходился съ ними, это-въ фактическомъ вопросъ, дъйствительно ли война въ верхней Италіи уже сейчась угрожаеть германскимъ интересамъ? Лассаль, конечно, не былъ настолько близорукъ, чтобы видёть поводъ къ войнё лишь съ того момента, какъ французскія войска перейдуть візмецкую границу. Для этого было бы достаточно, чтобы Бонапартъ обнаружиль попытку къ завоеваніямь въ Италіи для себя или для своей династіи. О, тогда германская нація должна вести войну — противъ бонапартизма, въ союзъ съ итальянскимъ народомъ и съ демократическими нистинктами французской націи. Лассаль мыслиль довольно непатріотично, когда онъ несравненно большее значеніе придаваль этимъ союзникамъ, нежели союзу съ нъмецкими государями. Если этимъ государямъ угодно было на собственный счеть и страхъ объявить войпу Франціи, хотя интересамъ Германіи не угрожала никакая серьезная опасность, а ръчь шла только объ австрійскомъ насильственномъ владычествъ въ Италіи, — другими словами, когда требовалось только ослабить Австрію, но не Германію, то противъ такой войны государей — Лассаль ничего не имфетъ. Онъ даже горячо привътствовалъ ее, но при условіи, что національное движеніе выступить противъ такой династической контръ-революціонной войны и изъ неизбъжныхъ превратностей ея извлечетъ революціонный капиталъ. Лассаль надъялся, что въ подобной войнъ нъмецкимъ государямъ были нанесены чувствительные удары и что это обстоятельство необычайно благопріятствовало существеннымъ интересамъ германской націи. Но противъ чего Лассаль возставалъ самымъ отчаяннымъ образомъ, это-противъ французско-нъмецкой народной войны, въ которой два великихъ культурныхъ народа материка крошили бы другъ друга во-имя національнаго лживаго кумира, а въ сущности только ради династическихъ интересовъ. Лассаль видълъ самую страшную опасность для европейской культуры, а вмёстё съ тёмъ-для всякихъ національныхъ и для всёхъ революціонныхъ интересовъ, именно, въ популярной войнъ противъ Франціи — въ войнъ, которая не имълабы за собою жизненныхъ вопросовъ націи, а только лишь питалась бы болізненно-повышеннымъ національнымъ самолюбіемъ, зазнавшимся патріотизмомъ и ребяческимъ французовдствомъ. Но такъ какъ, именно, такой войны можно было ожидать со дня на день, и такъ какъ даже наиболве лвые органы общественнаго мнвнія, "Національная Газета" и "Народная Газета", толкали національное движеніе на такую войну, то Лассаль считалъ своимъ долгомъ противодвиствовать этой грозившей опасности.

Въ своемъ сочинени онъ подробно доказываетъ, что Германіи, вообще, не угрожаеть дъйствительная опасность. Нъмецкая нація чрезвычайно заинтересована въ томъ, чтобы итальянское стремленіе къ объединенію увънчалось успъхомъ, и хорошее дъло не становится еще дурнымъ оттого, что его береть въ свои руки дурной человъкъ. "Если Луи-Наполеонъ беретъ въ свои руки великое и въ полномъ смыслъ слова народное дёло и если онъ этимъ желаетъ найти отзвукъ въ сердцахъ народовъ и на нъсколько грошей увеличить свою популярность, то можно лишить его этихъ грошей, и тогъ успъхъ, къ которому онъ стремится изъ личныхъ цълей — сдълать безполезнымъ, именно, для этихъ личныхъ цълей. Но возможно ли въ силу самаго обыкновеннаго житейскаго здраваго смысла обнажить теперь мечъ противъ самого дъла? Какъ можно желать теперь борьбы противъ того, чего до сихъ поръ желали, жаждали, къ чему стремились?" Съ одной стороны, мы имъемъ плохого человъка и хорошее діло, а съ другой — плохое діло; ну, а какъ же человъкъ? Любопытно было бы знатъ, найдется ли такое скверное двло Луи-Наполеона, которому Австрія не сочувствовала бы! Если Луи-Наполеонъ имъеть за собой Кайенну, то развъ Австрія не можетъ похвалиться кровавой баней въ Арадъ или висълицей венгерскихъ генераловъ?...

А что касается упрековъ со стороны нъмецкихъ партикуляристовъ и Пруссіи, то не подлежитъ сомнънію, на чью сторону въсы должны опуститься къ землъ. За Роберта Влюма, за Ольмюцъ, Гольштинію, Бронзель отвътственъ не Луи-Наполеонъ". Для развитія демократіи австрійскій деспотизмъ является болье опаснымъ врагомъ, чъмъ бонапартизмъ. Первый—представляетъ застывшій реакціонный принципъ. Бонапартъ же, хотя и деспотъ самъ по себъ, но, благодаря своему постоянному кокетничанью съ демократическими принципами, онъ самъ дълаетъ себя смъшнымъ и положеніе свое невозможнымъ.

Для нъмецкаго народа нътъ никакого интереса препятствовать ослабленію Австріи. Напротивъ, полный разгромъ Австріи является первымъ условіемъ для осуществленія германскаго единства. До сихъ поръ всв попытки къ объединенію Германіи разбивались о самостоятельную міровую позицію, которую заняла Австрія, опираясь на свои виб-германскія владънія. Въ тотъ день, когда Италія и Венгрія стали бы самостоятельными, 12-ть милліоновъ австрійскихъ нъмцевъ были бы возвращены нъмецкому народу — и тогда только опи почувствовали бы себя нъмцами, тогда только стала бы возможною единая Германія. О самомъ понятіи объ Австріи, какь о государствъ, Лассаль выражается такъ, что оно должно быть разорвано въ куски, разбито, уничтожено, измельчено въ порошекъ, и что пепелъ его долженъ быть развъянъ на всв четыре стороны. Но, вместь съ темъ, онъ решительно возстаеть противъ всякаго толкованія этого положенія въ чисто прусскомъ смысль. Онъ желаеть лишь пробужденія нъмецкаго сознанія. Онъ говориль бы точно также, если бы быль австрійцемъ.

Далъе Лассаль подробно развиваеть, почему Луи-Наполеонъ не можетъ думать о завоеваніяхъ въ Италіи, еще менъе о войнъ — за обладаніе Рейномъ. Какъ ни ограниченъ этотъ человъкъ, о которомъ въ Европъ имъютъ, вообще, преувеличенное представленіе, онъ никогда не станетъ задаваться такими нелъпыми, такими невыполнимыми завоевательными планами, не соотвътствующими всему его положенію. Самое большее, къ чему онъ долженъ стремиться, это—присоединеніе Савойи къ Франціи. Это присоединеніе раньше или позже должно въдь наступить, такъ какъ Савойя—французская и по языку, положенію и по образу мысли и по условіямъ сообщенія. И возражать противъ этого нельзя будетъ ничего съ того момента, какъ Германія получитъ компенсацію, уравновъшивающую это расширеніе Франціи.

Но допустимъ болве чемъ неввроятный случай. что Бонапартъ все же увлечется фантастическими завоевательными планами. Какое же основаніе для нъмцевъ такъ трусливо бояться этого, поднимать такой отчаяный крикъ и напоминать о Іенъ? Какъ и Энгельсь до него, Лассаль осмвиваеть забавныхъ патріотовъ, въ глазахъ которыхъ дни Іены являются нормальнымъ мъриломъ нашей національной силы; и что же, -- отъ чрезмърнаго страха мы прямо переходимъ къ безразсудной смёлости! Изъ-за того, что мы опасаемся по меньшей мъръ недоказаннаго и въ высшей степени невъроятнаго нападенія французовъ на Германію, мы науськиваемъ на Францію и желаемъ превратить невърное эло въ несомнънное, превратить въроятность, которой боимся, въ реальную двиствительность. Мало того, этимъ мы еще болъе увеличиваемъ бъдствія, которыя пока только находятся въ перспективъ. Въдь ясно, что отражая французское нападеніе, Германія можеть развить и разовьсть совершенно иныя силы, чъмъ если она сама нападеть на Францію: въ послъднемъ случав французская нація сплотится вокругъ Бонапарта и только лишь укръпить его фронть.

Яркими красками рисуеть Лассаль послѣдствія народной войны между Германіей и Франціей. Онъ категорически подчеркиваеть, что не всякая война между двумя народами должна имѣть столь роковыя послѣдствія, котя она была бы при всѣхъ обстоятельствахъ печальнымъ событіемъ. Война, которая съ обѣихъ

сторонъ или хотя бы, съ одной стороны, была бы войною, собственно, кабинетовъ, какъ это было, напр., до Седана, не имъла бы такихъ послъдствій. Но такова была бы война, которая не имъла бы за собою никакихъ національныхъ интересовъ нъмецкаго народа, но въ то же время воспламенила національное чувство и расположила бы на свою сторону общественное мнъніе Германіи, - стало быть, война, какъ она гелась послъ Седана и какой желали въ 1759 году мнимые главари ідемократіи. "Какъ можно не замъчать съ демократической точки арвнія, что подобная война была бы самымъ враждебнымъ для культуры событіемъ, какое только мыслимо представить себъ? Доброе согласіе между объими великими культурными націями, нъмцами и французами, -- вотъ пунктъ, отъ котораго безповоротно зависить всякая политическая свобода, всякій прогрессъ цивилизацін въ Европъ, увеличеніе и осуществление суммы духовнаго запаса, словомъ, все демократическое развитіе и все культурное развитіе вообще. Теперь болье, чымь когда либо, теперь, когда снова вспыхиваеть французовдство, долженъ громко говорить объ этомъ всякій, кто хоть сколько-нибудь понимаеть ходъ исторіи европейской культуры. Отъ этого пункта зависить не только судьба опредвленной націи, это — жизненный вопросъ совокупной европейской демократіи! Если снова разбудить укрощеннаго, наконецъ, кровожаднаго тигра національной ненави сти между этими двумя народами, то, быть можетъ, на цълыхъ 3 десятильтія будеть сломлено всякое культурное движеніе, заторможено всякое политическое развитіе. И тогда наступить помраченіе умовъ, и широко раскроются двери для всевозможной мрачной маккіавелистской полятики кабинетовъ. И вм'єсто внутренняго развитія на знамени народовъ будетъ написано стремленіе къ варварскимъ завоеваніямъ и взаимному уничтоженію; это была бы самая грандіозная побъда, какую одерживалъ реакціонный принцицъ съ

марта 1848 года съ неисчислимыми послъдствіями!" Какъ глубоко и истинно это пророчество — не приходится говорить поколъніе спустя послъ Седана.

Въ этомъ, именно, заключается центръ тяжести сочиненія Лассаля, а не въ последнемъ отделе, где его часто искали. Освътивъ роковый ложный путь, на который желало вступить національное движеніе, Лассаль, для того, чтобы вставить последній камень въ цвпь своихъ аргументацій, долженъ быль ответить на вопросъ: какой же путь должно избрать это движеніе, разъ оно существуєть, - что Лассаль признаваль, такъ же, какъ и Марксъ и Энгельсъ. Онъ охарактеризоваль этоть правильный путь следующими словами: "Единственнымъ достойнымъ и великимъ, равно соотвътствующимъ интересамъ нъмецкой націи и Пруссіи, было бы следующее заявление Пруссии: Наполеопъ желаеть передълать карту на югъ Европы согласно принципу націонализма? Прекрасно. Но мы сдълаемъ то же самое на съверъ. Наполеонъ освободитъ Италію? Согласны. А мы возьмемъ Шлезвигъ и Голштинію. И одновременно съ этимъ заявленіемъ мы посылаемъ наши войска въ Данію". Въ такой войнъ демократія Пруссіи можеть и будеть нести знамя. Если же прусское правительство будеть колебаться и ничего не сдълаеть, то этимъ будеть еще и еще разъ доказано, что монархія въ Германіи неспособна болье на національное діло. Если, наконецъ, прусское правительство при отсутствіи опасности, которая грозила-бы національнымъ интересамъ, втянотъ Германію въ истребительную народную войну съ Франціей, то она встрътитъ противъ себя демократію.

Благодаря двумъ ошибкамъ, очень распространеннымъ, хотя и не состоятельнымъ, сочинение Лассаля было неправильно понято. Когда, послъ битвы при Кениггрецъ, одинъ національно-либеральный государственный человъкъ сталъ искать средствъ для утъщенія своей встревоженной совъсти и натолкнулся на Лас

салеву брошюру, то онъ тотчасъ протрубилъ на весь міръ, что германская политика Бисмарка имъетъ прочную защиту въ лицъ національнаго революціонера Лассаля. Изъ этого партійно-политическаго шахматнаго хода выросла мало-по-малу легенда, будто бы Лассаль и брошюру свою написалъ для того, чтобы преложить путь для прусской сепаратистской политики, которой впослъдствіи держался Бисмаркъ. Но этоть бредъ не трудно разсъять.

Когда въ 1863 году смерть датскаго короля снова выдвинула на очередь Шлезвигъ - Голштинскій вопросъ, то вновь возникло національное движеніе, отличавшееся отъ предшествовшаго движенія въ 1859 году тъмъ, что оно поставило себъ совершенно опре дъленную цъль: отдъление Эльбскихъ герцогствъ отъ Даніи или, другими словами, уничтоженіе Лондонскаго протокола отъ 8 мая 1852 года, въ которомъ великія державы самовластно изм'внили порядок в престолонаследія въ Шлезвигъ-Голштиніи въ пользу датскаго королевскаго дома. При этомъ выступилъ, наконецъ, въ видъ противоположныхъ полюсовъ одной и той же бюргерской тупости, антагонизмъ между велико- и малогерманскою политикою. Общими усиліями имъ удалось навязать популярному движенію противъ датскаго владычества положительную программу сомнительной цвиности, именно, признаніе августенбургскаго наследнаго принца герцогомъ Шлезвигъ - Голштиніи, т. е. признаніе княжескаго права, законность котораго не могла болве считаться безупречною съ твхъ поръ, какъ оно было продано отцомъ наслъднаго принца за кругленькую сумму. Но не въ этомъ видълъ затрудненіе Бисмаркъ, или, по крайней мірь, это ствсняло его лишь постольку, поскольку онъ надъялся обойти Августенбурга въ пользу прусской короны. особенно приводило его въ ярость, это - самая суть народнаго движенія — требованіе разорвать Лондонскій протоколь. И Висмаркъ началъ свою національную

политику съ того, что объявилъ законнымъ документомъ это торжественное запротоколированіе ивмецкаго позора.

Опираясь въ своей шлезвигь-голштинской политикъ на тотъ фактъ, что Данія не выполнила обязательствъ, возложенныхъ на нее лондонскимъ протоколомъ, онъ этимъ самымъ призналъ законность его; Бисмаркъ нисколько не желалъ вооружать противъ себя ту или другую изъ великихъ державъ; ему хотвлось лишь при помощи дипломатическихь ухищреній проскользнуть между всёми ими, чтобы заполучить Шлезвигь-Голштинію для прусской короны. Чтобы склонить на свою сторону Австрію, онъ добивался союза съ нею, и привлекъ Говбургъ къ участію въ надлежащемъ контролъ надъ національнымъ движеніемъ. Россію онъ смягчилъ тімъ, что отдаль себя въ распоряжение царского деспотизма въ качествъ налача польскаго возставія. Замедляя переговоры съ Франціей по поводу пограничныхъ полосъ, онъ разжигаль въ этомъ ваправлевін бонапартистскій аппетитъ. Единственнымъ сколько - нибудь серьезнымъ противникомъ оставалась Англія, относительно которой не было сомивній, что одна она не вступится съ оружіемъ въ рукахъ за Данію. И все же если бы датскій кабинеть последоваль совету англійской дипломатін я согласился отказаться отъ включенія Шлезвига въ датскую монархію, чемъ и быль, главнымь образомь, задъть лондонскій протоколь, то геніальная политика Висмарка имъла бы тотъ славный результатъ, что эльбскія герцогства навсегда бы отошли въ датскія руки. Самый преданный поклонникъ Бисмарка среди прусскихъ историковъ удивляется, какъ могъ онъ ръшиться на такое рискованное предпріятіе и основывать всю свою шлезвигь - голштинскую политику на одномъ только ослъпленіи Даніи. Самъ Бисмаркъ, правда, впоследствім хвасталь, что онь больше всего гордится, именно, этой изъ своихъ дипломатическихъ

кампаній. Но, въ самомъ разгарѣ дѣла, въ его рѣчахъ слышались другія нотки. На другой день послѣ того, какъ датское упорство дало ему возможность отказаться отъ Лондонскаго протокола, онъ писалъ одному своему другу: "Чѣмъ больше отдаюсь я политикѣ, тѣмъ меньше становится моя вѣра въ человѣческіе разсчеты... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастаетъ мое чувство благодарности къ Всевышнему за то, что Онъ умѣетъ даже ошибки наши повернуть къ нашему благу. Въ этомъ я убѣждаюсь каждый день и это наполняетъ меня спасительнымъ смиреніемъ". Такія благочестивыя рѣчи были, вообще, не въ духѣ Бисмарка, и если онъ на этотъ разъ прославлялъ Господа, то это быль невольный стонъ, вырвавшійся изъ самой глубины его сердца.

Здёсь не мёсто изслёдовать, вынуждень ли быль Висмаркъ въ данной ситуаціи вести, именно, такую политику, или же въ его власти было направлять политику на иной путь. Во всякомъ случав, ясно одно, что между политикой Бисмарка въ 1863 году и политикой Лассаля въ 1859 году существуетъ такая же разница, какъ между реакціонной и кабинетной войною и революціонной народной войной. Лассаль требовалъ прямо, чтобы Пруссія съ революціонною рішимостью разорвала Лондонскій протоколь и клочки его бросила въ лицо европейскимъ великимъ державамъ. Она должна, наконецъ, доказать на дълъ, что Германія способна самостоятельно управляться въ собственныхъ дълахъ. Въ самомъ дълъ, не поразительное ли это сходство, если Бисмаркъ покупаетъ благоволеніе царскаго деспотизма добровольческими полицейскими услугами въ Польшъ, въ то время какъ Лассаль желаеть "изгнать этоть злой духъ" возбужденіемъ возстанія въ Польшъ. Словомъ, Лассаль ве инйсе йондодан йонноіроловед эж йот славобедт Шлезвигь-Голштинію, которую отстаивала 11-ю годами раньше "Новая Рейнская Газета". Несправедливо,

поэтому, ставить ему въ укоръ, что онъ изъ-за демагогическихъ побужденій совътоваль войну, которой онъ вовсе не желаль, увъренный, что такой войны и не будеть. Напротивъ, Лассаль очень желаль этой войны, желаль ее страстно, желаль въ силу тъхъ же соображеній, по которымъ, какъ онъ зналъ и не скрывалъ, она была невозможна для прусской короны, Не могла же эта корона вести войну, жертвою которой пала бы она сама. Она не была способна ни къ какому "національному дълу", потому что всякій "національный актъ" долженъ былъ начаться съ того, чтобы поръшить съ нею самою.

Слъдовательно, Лассаль отнюдь не рекомендоваль ту нъмецкую политику, которую вель впослъдствіи Бисмаркъ, но какъ разъ обратную. Притомъ же цъль его была совсъмъ не въ этомъ. Лассаль желалъ оградить національное движеніе отъ страшнаго промаха, и ложной цъли, которую оно преслъдовало, противоставлялъ правильный путь. Но, вмъстъ съ тъмъ, онъ не скрывалъ, что при данныхъ условіяхъ эта цъль на практикъ не осуществима. Онъ говорилъ всколыхавшимся массамъ: если вы желаете вести національную политику, то заставьте государей дъйствовать согласно вашимъ національнымъ интересамъ. Если же они для этото непригодны, то остерегайтесь, чтобы они въ свое очередь не сдълали васъ орудіемъ своихъ династическихъ интересовъ.

Лассаль дълалъ столь же мало уступокъ малогерманской, какъ и велико-германской, точкъ эрънія, даже въ требованіи разгромить Австрію, что по недоразумънію объясняли его мало-германскими симпатіями. Впрочемъ, и Энгельса обвиняли въ мало-германствъ за то, что онъ не приходилъ въ восторгъ отъ австрійскаго насильничанія въ Италіи. Австрія была необходима для Европы и, именно, изъ этого догмата выросли, какъ мало-германскія, такъ и велико-германскія ошибки. Всъ мало-германцы, отъ Гагерна до

Трейчке, оплакивали уничтожение Австріи, какъ "страшное несчастье". И такъ какъ безъ этого уничтоженія нельзя было и мыслить о единой Германіи, то они готовы были довольствоваться раздробленной Гермавіей. Въ этомъ смыслъ Лассаль какъ-то выразился повдиве, что все мало-германство -- чиствишая трусость, страхъ передъ серьезнымъ шагомъ, войной, передъ революціей, республикой и до нъкоторой степени даже національная изміна. Во всю свою жизнь, онъ не написалъ ни единаго слова, которое можно было истолковать въ пользу мало-германской партіи. Лассаль, подобно Марксу и Энгельсу, чуть ли не въ однихъ и тъхъ же выраженіяхъ, проводилъ мысль, что единственное обстоятельство, которое со средины 18-го стольтія оправдываеть существованіе Австріи, какъ государства, это-безпомощное, непоследовательное, трусливое, но, тъмъ не менъе, упорное сопротивленіе, которое она оказывала поступательному движенію Россіи на востокъ Европы. Но такое право на существованіе Австріи окончательно отпало бы, еслибы возникла самостоятельная Германія, самостоятельная Польша, самостоятельная Венгрія, которыя въ состояніи были бы оказать еще болье упорное, посльдовательное и смълое сопротивление захватамъ царскаго деспотизма, нежели искусственное австрійское государство.

Тактика Лассаля была во всёхъ отношеніяхъ честная, ясная, революціонная и, вмёстё съ тёмъ, правильная. Историческій ходъ вещей извёстенъ. Прусскій принцъ, правившій уже нёсколько мёсяцевъ въ качествё регента, колебался и медлилъ. Его реакціонная точка зрёнія не могла бы примириться съ присоединеніемъ къ національному движенію, какъ это сдёлала савойская династія. Пуститься же въ прусскую завоевательную политику за счетъ Австріи у него не то что не было желанія, но пока еще не хватало храбрости. Не будучи увёренъ, на какой

ему състь изъ стульевъ, предлагаемыхъ Франціей и Австріей, онъ, наконецъ, весьма энергично усълся между 2-хъ стульевъ. Онъ мобилизировалъ прусское войско, что было наполовину угрозою въ сторону Франціи; а вмість съ тімь - онь заявиль притязанія на самостоятельное верховное командованіе нъмецкимъ союзнымъ войскомъ, что было наполовину угрозою противъ Австріи. Въ отвътъ на это послъдовало шумное заявленіе французскаго правительства, что Пруссія стала на пути ея освободительной народной миссін, и съ такимъ же трескомъ провозгласило австрійское правительство, что Пруссія тормозить его въ дълв защиты священнъйшихъ благъ. Они самымъ поспъшнымъ образомъ заключили миръ въ Вилафранкъ и прусская политика еще разъ сдълалась всеобщимъ посмъшищемъ на улицахъ Европы.

Однако, этотъ вопросъ имълъ не только комичную, но и серьезную сторону. Австрійское правительство оффиціозно объявило, что нежеланіе Пруссіи вести войну въ качествъ австрійскаго вассала сдълало безусловно необходимымъ заключеніе мира ціною отказа отъ Ломбардіи: невърная Ломбардія имъетъ безконечно меньше цвны, нежели сохранение австрійски гегемоній надъ Германіей, другими словами — чъмъ продолженіе нъмецкой раздробленности. Этимъ было доказано, что нъмецкая народная война противъ Франціи подъ управленіемъ Австріи была бы одинаково гибельна для нъмецкаго народа, кто бы ни побъдилъ -бонапартистскій или габсбургскій деспотизмъ. своей стороны, корректный Бонапарть объявиль своему раболъпному сенату, что продолжение войны сопряжено было съ такимъ рискомъ, на какой государь можеть ръшиться лишь, когда на карту поставлена независимость собственной страны. Другими словами, это означало, что дальнъйшая война превышала силы бонапартизма. Этимъ было доказано, что для французской лисицы рейнскій виноградъ висэль очень высоко. Наконецъ, послъ прусской мобилизаціи царь послаль адъютанта во французскую главную квартиру, чтобы настоять на заключеніи мира. Этимъ было доказано, что Россія была столь же мало подготовленна, какъ и Франція, къ мировой войнъ, безъ которой нельзя было завладъть ни Рейномъ, ни Константинополомъ, и что Германіи, вообще, не угрожала серьезная опасность,—точь-въ-точь, какъ предсказывалъ Лассаль въ своемъ сочиненіи. И факты, дъйствительно, подтвердили, что онъ былъ правъ.

Въ следующемъ году Марксъ, Энгельсъ и Лассаль вь особыхъ брошюрахъ еще разъ возвращаются къ европейскому кризису 1849 года. Лассаль въ своей стать в о политическомъ завъщании Фохта, доказываетъ, что національное единство Германіи возможно лишь въ видъ единой и недълимой республики, иначе Германія будеть либо австрійская, либо прусская. А чего нація можеть ожидать оть своихь государей, объ этомъ онъ говоритъ въ чрезвычайно въжливой, но, тъмъ не менъе, весьма ясной формъ. "Было бы глупо требовать идеальнаго ръшенія, т. е. пожертвованія династическими интересами въ пользу паціональнаго единства отъ людей, духовная личность которыхъ, какъ и всвхъ прочихъ людей, составляетъ опредъленный продуктъ извъстныхъ факторовъ, какъ-то: воспитанія, традицій, наклопностей и исторіи. Этого точно также не могъ бы сдълать и кто-нибудь изъ насъ, если бы его воспитаніе и образованіе исключительно опредълялось тъми же факторами".

Затымь Марксы вы своей брошюрь противы Карла Фохта снова возвращается кы исторія 1859 года. Вывшій имперскій регенты, а теперы наемный писатель Вонапарта осыпаль его самой жалкой клеветою, которая была подхвачена "Національной Газетой" и распространена дальше. Марксы пытался опровергнуть взведенныя на него обвиненія переды прусскими судами, но потерпыль неудачу, благодаря знаменитому

безпристрастію судей въ Верлинъ. Эти судьи отказали изгнанному революціонеру въ его правъ подъ самыми жалкими предлогами. Тогда Марксъ самъ взяль на себя это право и учиниль жестокій судь надъ своими клеветниками въ ръзко написанной брошюръ "Карлъ Фохтъ", которую Лассаль привътствовалъ, какъ "мастерское произведеніе". Въ брошюръ Марксъ не касается прямо спорнаго вопроса, возникшаго годомъ раньше между нимъ и Лассалемъ; почему не касается, объ этомъ онъ говоритъ въ предисловіи слідующее: "Во избіжаніе возможных і недоразумъній я замъчу лишь одно: люди, которые еще въ 1848 году согласны были въ томъ, что независимость въ Польшъ, Венгріи и Италіи не только составляетъ право этихъ странъ, но совпадаетъ также съ интересами Германіи и Европы, -- эти люди выставили совершенно противоположныя воззрвнія по поводу тактики, которой должна держаться Германія въ отношеніи Луи-Бонапарта на случай итальянской войны 1859 года. Эта противоположность взглядовъ проистекала изъ неодинаковаго сужденія о фактическихъ данныхъ, оцвика которыхъ должна быть отложена до позднъйшаго времени. Я, съ своей стороны, въ настоящей брошюръ считаюсь лишь со взглядами Фохта и его клики. Въ сферу моей критики не входитъ даже возаръніе, представителемъ котораго онъ будто бы является и которое онъ олицетворяль въ воображеніи легковърной толпы. Я разбираю лишь тв взгляды, которые онъ, двиствительно, отстаивалъ". Но, разоблачая бонанартистское происхождение агитаціи Фохта, Марксъ вынужденъ былъ анализировать исторію предшествующаго года, и въ этомъ изслъдованіи, которое и понынъ остается чрезвычайно поучительнымъ, онъ приходить къ выводамъ, въ которыхъ фактически дълаеть чрезвычайно крупные уступки тактикъ Лассаля. Едва ли не убъдительнве, чвиъ самъ Лассаль, Марксъ доказываетъ, что

Вонапартъ въ состояніи быль вести только локализированную войну.

Аналогичные взгляды были высказаны Энгельсомъ въ брошюръ о Савойъ, Нидиъ и Рейнъ. Такъ, Энгельсъ доказываетъ, что Луи-Наполеонъ былъ лишь орудіемъ въ рукать царизма: послёдній настояль на заключени мира въ Вилафранкъ, потому что не въ состоянін быль вести внішнюю войну, какъ вслідствіе истощенія страны, которая все еще не успъла оправиться, такъ и броженія въ Русской Польшт и сопротивленія дворянства противъ отміны крівностного права. Чёмъ вёрнёе все это было, тёмъ меньше, стало быть, грозила опасностью для Германіи въ предшествующемъ году отъ коалиціи бонапартизма съ царизмомъ. Въ сущности, брошюра Энгельса являлась новымъ, и притомъ весьма ценнымъ, военно-научнымъ трактатомъ относительно силы военной позиціи, которую завоеваль бонапартизмъ, благодаря присоединенію Савойи и Ниццы, тогда какъ Лассаль едва касался этого важнаго вопроса въ своемъ сочинении.

Вообще, бросая ретроспективный ваглядъ на весь этотъ споръ, мы должны прійти къ заключенію, что Марксъ и Энгельсъ понимали европейскую политику въ болѣе голубокой и широкой связи, нежели Лассаль. Но въ одномъ пунктъ, именно — въ томъ, въ которомъ Лассаль расходился съ ними, онъ видълъ яснѣе и отчетливъе, — а это былъ самый ръшающій пунктъ для Германіи.

Глава девятая.

Прусскій конституціонный конфликтъ.

т. "Новая эра" и министерство Бисмарка.

Событія 1859 года оказали сильное обратное дъйствіе на положеніе дълъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Они разрушили идиллическія надежды, которыя возлагались на регентство прусскаго принца.

Въ настоящее время трудно представить себъ тотъ восторгъ, съ какимъ буржуваный классъ привътствовалъ 60-тилътняго мужа, который до 1848 года быль самымь закоренвлымь защитникомь абсолютизма и вполив оправдаль эту репутацію во время революціи. Его лично нельзя даже упрекнуть въ томъ, что онъ лицемърно льстилъ либеральнымъ взглядамъ, которыхъ у него и не было. Въ программъ, съ которой онъ принялъ на себя регентство, онъ категорически заявляль, что о разрывъ съ прошлымъ ни теперь и никогда не можетъ быть ръчи; и только тамъ, гдъ обнаружится произволъ или что-либо идущее въ разръзъ съ потребностями времени, онъ вмъшается заботливой рукою и произведетъ необходимыя улучшенія. Однако, даже на подобныя заплаты не могло ръшиться либеральное министерство. Все осталось по старому, совершенно такъ, какъ шло при Мантейфелъ.

Единственное различие заключалось въ томъ, что новые совътники короля лично были неподкупны отказались отъ черезчуръ жестокихъ неній върноподданныхъ. Впрочемъ, ихъ личная честность не имъла ничего общаго съ политическою честностью. Когда юный писатель Вильгельмъ Эйхгофъ въ смълыхъ летучихъ листкахъ нъсколько приподняль завъсу, прикрывавшую полнъйшую гниль полицейскаго государства, и когда даже въ берлинской судебной палать нашелся прокуроръ, который, все равно изъ какихъ соображеній, обвинялъ спасителя государства Штибера въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ по службъ, то уступчивые судьи оправдали ІШтибера, и онъ исчезъ со сцены, получивъ приличное вознагражденіе; прокуроръ же, выступившій противъ него съ обвинениемъ, долженъ былъ оставить свой пость. Вивств съ твиъ, тв же послушные судьи приговорили Эйхгофа къ продолжительному тюремному заключенію за "оскорбленіе", которое онъ причиниль хрупкой чести Штибера. Въ изгнаніи онъ искупаль свою въру въ прусскую справедливость при либеральномъ правительствъ.

Либеральные министры не могли тронуть и волоса у юнкерства, которое упорно оконалось въ палать господь, такъ же, какъ у бюрократіи. Принцъ прусскій удалиль лишь двухь или трехь реакціонныхь чиновниковъ, которые слишкомъ уже досадили ему лично. При новыхъ выборахъ въ ландтагъ, которые происходили въ самомъ началъ регентства, ландраты вели себя хуже, чъмъ когда-либо. Если они при министерствъ Мантейфеля съ неподражаемой виртуозностью проводили систему министерскихъ кандидатуръ, то теперь они боролись, именно, съ этой системой, какъ съ достойнымъ проклятія ограниченіемъ конституціонной свободы выборовъ, а министерство притворялось, будто оно въ своей конституціонной невинности не понимаетъ этой кровной политики.

Зато либералы всвхъ оттвиковъ возмущались подобнымъ недостаткомъ върноподданническаго образа мыслей, и они имъли на это полное право. Сами они доказали, что этоть Божій даръ отпущенъ имъ въ болъе, чъмъ достаточномъ количествъ. Либерализмъ восторженно на всв лады привътствовалъ "новую эру", хотя или, именно, потому, что онъ зналъ, какъ насмъшливо выразился Валесроде, что нъсколько конституціонный образъ правленія въ Пруссіи предполагался не ради самой конституціи, а лишь въ угоду принцу-регенту, и что Ауэрсвальды, Патовы, Шверины были призваны въ министры не вследствіе ихъ либерализма, а въ виду безобидности ихъ либерализма, и что правленіе ихъ было въ лучшемъ случав только поправкою къ режиму Мантейфеля. Тъ, кто отказывалъ въ налогахъ въ 1848 году, теперь быстро прекратили свою политическую обструкцію и, за немногими исключеніями, зашли такъ далеко въ своемъ патріотическомъ самопожертвованіи, что признали самымъ драгоцъннымъ сокровищемъ конституціонализма трехклассную систему выборовъ; а между тъмъ, именно, изъ-за этой системы они цълыя девять лътъ сидъли, надувшись, по угламъ.

Ръшивъ принять участіе въ выборахъ, они сами объявили себя неизбираемыми. Вальдекъ, Родбертусъ, Шульце-Деличъ отклонили кандидатуры для того, чтобы депутаты съ ихъ прошлымъ не поставили либеральныхъ министровъ въ затруднительное положеніе въ отношеніи реакціонной партіи. Эти корректные люди поступали такъ, какъ будто въ 1848 году они, дъйствительно, были политическими поджигателями и цареубійцами, какими со злой ироніей рисовалъ ихъ Мантейфель; даже Іоганнъ Якоби отклонилъ кандидатуру, восхваляль "истинно - мужественное конституціонное" поведеніе регента и высказаль свое "полное внутреннее убъжденіе", что во всей демократической партіи не найдется ни одного человъка, который даже во снъ пожелаль бы, а тъмъ болъе добивался бы активно для Пруссіи, другой формы правленія, чёмъ монархической. Правда, онъ, какъ бълый воронъ, продолжалъ стоять за "равномърное избирательное право", но, вмъстъ съ тъмъ, онъ протестовалъ противъ того, что это есть "уплата долга", что это "требованіе должно быть немедленно удовлетворено", протестовалъ противъ "неприличной настойчивости", противъ "опредъленнаго срока" или "предъявленія какихълибо условій". Въ томъ же смыслъ "Народная Газета", самая радикальная для того времени, заявила, что кардинальный вопросъ демократіи — всеобщее и равное избирательное право — откладывается въ долгій ящикъ. Среди этого опьяненія довъріемъ, которое не имъетъ себъ равнаго, только весьма немногіе буржуазные демократы, какъ Валесроде и Циглеръ, сохранили ясность мысли.

И вотъ почему, несмотря на всю агитацію ландратовъ, выборы прошли въ благопріятномъ для министерства смыслъ: изъ 352 депутатовъ оно имъло 263 приверженцевъ, большинство которыхъ плотно сомкнулось вокругъ борона фонъ Финке, который уже въ соединенномъ ландтагъ проявилъ себя фокусническими ръчами, касательно такъ называемой почвы права. Путь для либерализма быль, такимъ образомъ свободенъ; но не успълъ онъ ступить на него, какъ вспыхнула война 1859 года и стряхнула съ принцарегента единственный ореоль, на который какъ будто опиралось его право — па либеральную репутацію. Хуже, чъмъ онъ опозорилъ прусскую политику во время французско-австрійской войны, не въ состояніи быль бы опозорить ее даже его романтическій брать. Общее разочарованіе, завершившее національное движеніе, вылилось во всеобщую схватку между съвероюжно-германдами, католиками и протестантами, демократами и конституціоналистами. Но такъ какъ никто изъ спорившихъ не желалъ коснуться корня зла, именно --- династического многовластія Германіи, то изъ этого кинфвшаго котла вышель лишь призракъ или скоръе тънь призрака — блаженной памяти имперская конституція 1849 года.

Вокругъ нея сгруппировался національный союзъ, который возникъ осенью 1859 года и опирался, главнымъ образомъ, на буржувзію среднихъ и мелкихъ государствъ. Президентомъ его былъ ганноверскій либералъ фонъ-Веннигсенъ. Программа союза, если оставить въ сторонъ всъ широковъщательныя фразы, сводилась къ единству Германіи въ буржувзномъ духъ. Національный союзъ хотълъ слить готцевъ и отказывавшихся платить налоги конституціоналистовъ и демократовъ въ одну высшую единицу, которая олицетворяла бы матеріальные интересы буржувзіи. Требуя, чтобы они отказались отъ всякихъ идеологій, онъ въ то же время не особенно церемонился съ идеологами имперской конституціи. Главное, чтобы существовала сильная центральная власть и вмъсто союзнаго сейма—

германскій парламенть, а для достиженія этой цівли—
иниціатива Пруссіи. Но такъ какъ моменть быль выбранъ весьма неудачный для провозглашенія Пруссіи
спасительницей Германіи, то сділано было еще нівсколько оговорокъ въ томъ смыслів, что прусское правительство сперва должно оказаться достойнымъ оказываемой ему чести. Впрочемъ, такіе опытные дипломаты, какъ господинъ фонъ-Беннигсенъ подавали
надежду, что съ ними можно будетъ сговориться, если
только Пруссіи удастся среди германскаго хаоса установить ту міру порядка, которая соотвітствовала классовымъ интересамъ буржуваіи. Національный союзъ
являлся въ области политики такимъ же зломъ, какъ
экономическій конгрессъ въ экономической области.

А между тъмъ, въ самой Пруссіи надвигались болъе насущные вопросы. Первая сессія новаго періода ландтага въ 1859 году прошла безъ результатовъ, подъ гнетомъ европейскаго кризиса. Во вторую сессію либеральное министерство 1860 года выступило съ первымъ крупнымъ предложениемъ своимъ — съ требованіемъ широкой военной реформы, которая прибавила къ государственному бюджету около 10 милліоновъ талеровъ ежегоднаго расхода. Вокругъ этой главной мъры сгруппировалось нъсколько скромныхъ законопроектовъ: о гражданскомъ бракъ, о новомъ устройокруговъ, о законодательномъ подраздвленіи ствъ законодательныхъ округовъ. Но самый важный изъ этихъ проектовъ касался уничтоженія феодальныхъ изъятій отъ поземельнаго налога, и этимъ предполагалось, главнымъ образомъ, покрыть расходы по военной реорганизаціи.

Необходимость военной реформы, которую, какъ всёмъ было извёстно, отстаивалъ самъ принцъ-регентъ, опиралась на опытъ мобилизаціи 1859 года, и въ этой мёрё она имёла подъ собой твердую почву. Тяжелый вредъ, нанесенный арміи финансовыми затрудненіями домартовскаго абсолютизма, сказался уже послё мо-

билизаціи 1859 года и быль въ значительной степени устраненъ при Монтейфелъ. Но послъдняя мобилизація показала, что прежняя чисто оборонительная мобилизація ландвера отжила и не можеть устоять болье въ борьбъ съ современными арміями. Относительно этого пункта не существовало сколько-нибудь серьезныхъ разногласій. Съ военно-технической точки арвнія нельзя было многаго возразить и противъ способа реорганизаціи, такъ же какъ и съ точки зрвнія буржуазно-либеральной: въ глазахъ послъдней прусская армія была мечемъ, которому надлежало ковать германское единство. Проекть правительства почти осуществиль на дълъ всеобщую воинскую повинность, единственное демократическое учрежденіе, которое существовало въ Пруссіи, правда, только на бумагъ. Высказанное въ немъ требованіе давать ежегодно 63,000 вмъсто прежнихъ 40,000 рекрутовъ почти въ точности соотвътствовало приросту населенія съ 1815 до 1860 года. Такое увеличение нельзя считать чрезмърнымъ, такъ какъ въ этотъ промежутокъ богатство Пруссіи возросло еще сильнье, чымь ея населеніе, и такъ какъ прочія европейскія великія державы за тотъ же періодъ въ гораздо большей мъръ увеличили свои арміи. Не было также сомивнія въ томъ, значительно повысится боевая способность арміи, какъ скоро срокъ службы въ линейныхъ войскахъ будетъ продленъ съ 5-ти до 7-ми лътъ (3 года въ строю и 4 года въ запасъ), а служба въ ополчени будетъ, наоборотъ, соотвътственно сокращена. Только противъ трехлівтней службы въ строю (формально она еще существовала, по фактически съ 30-хъ годовъ была замънена 2-хлътней службой) можно было сдълать справедливое возраженіе, что она вытекаетъ отнюдь не изъ требованій военной техники, но изъ реакціонныхъ политическихъ соображеній.

До этого пункта преобразованіе арміи соотв'ятствевало желаніямъ либеральной буржувзій, такъ какъ

ей, наконецъ, должно было сдълаться яснымъ, что единство, какъ она его понимала, неосуществимо безъ сильнаго прусскаго вейска. Но кто давалъ ей ручательство въ томъ, что оружіе, отточенное при ея содъйствіи, будеть также служить ея цълямъ? Конечно, принцъ-регентъ. Онъ еще во время кризиса 1859 года обнаружилъ колебаніе и нервшительность. Теперь же онъ выдвинулъ самый обветшалый признакъ легитимизма противъ итальянскаго движенія въ пользу единства. Какъ предсказывалъ Лассаль, это движение стряхнуло съ себя бонапартистскую опеку и, благодаря революціонной, геройской діятельности Гарибальди, разрушило прогнившій неаполитанскій тронъ. Не могло быть также гарантіей либеральное министерство, которое ежеминутно могло быть свергнуто тою же рукою, которая призвала его.

У всвхъ было еще живо воспоминаніе, какъ торжественныя объщанія романтическаго короля заставить войско присягнуть конституціи воплотились на дълъ въ статьъ конституціи, которая запрещаетъ войску присягать последней. Лассаль писаль по этому поводу Марксу: "Позорный законъ! полное хотя и замаскированное уничтожение ландвера, этой послъдней уцълъвшей демократической твердыни 1810 года. А вмъсто этого создание громаднаго орудія власти для абсолютизма и юнкерства-вотъ въ двухъ словахъ цёль его". У Лассаля было правильное чутье,таково было и всеобщее впечатлъніе. Крики о "военной негодности ландвера" не впервые служили вступленіемъ къ новымъ реакціоннымъ изворотамъ. Въ 1819 году они сопровождали паденіе либеральнаго военнаго министра фонъ-Бойена, такъ же какъ и теперь паденіе либеральнаго министра фонъ-Бонина, вмъсто котораго въ либеральный кабинетъ, какъ рвущій клинъ, вивдрился генералъ фонъ-Роопъ, глубокій реакціонеръ. Приндъ-регентъ, менъе чъмъ кто-либо, забыль, что въ революціонные годы позиція, принятая

ландверомъ, сильно помѣшала употребленію войска для цѣлей государственнаго переворота и что въ будущемъ она еще больше можетъ помѣшать имъ. Преслѣдуя свои собственныя цѣли, онъ думалъ скорѣе о чемъ угодно, только не объ интересахъ буржуазіи. Помимо его личной симпатіи къ солдатчинъ, его главнымъ стимуломъ было укрѣпленіе его собственной власти внутри и внѣ. Но только для этого выбрасывать ежегодно 10 милліоновъ нисколько не соотвѣтствовало желаніямъ буржуазіи, не говоря уже о сотнѣ другихъ соображеній, которыя должны были до глубины души возмущать ее противъ столь "непроизводительныхъ" расходовъ.

Она очутилась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеній, но отнюдь не въ тупикв, изъ котораго не было выхода. Принцъ-регентъ не могъ бы ръшиться провести безъ согласія ландтага мъропріятіе, такъ глубоко затрагивающее интересы массъ. Ему тъмъ болъе пришлось дорожить расположениемъ палаты депутатовъ, что палата господъ хотя и не возставала противъ военной реформы, объщавшей юнкерству новыя опоры власти, но сильно возмущалась противъ регулированія поземельнаго налога, предполагавшагося въ качествъ финансоваго фундамента этой реформы. Она цъликомъ отвергла этотъ законопроектъ вмъстъ со всъми прочими второстепенными законопроектами министерства. Большинство же палаты депутатовъ могло одобрить реорганизацію арміи. предложенную принцемъ-регентомъ, только при условіи, если эта реорганизація будеть больше соотв'ятствовать ихъ цёлямъ, нежели его видамъ, и если прусскому парламентаризму будетъ, наконецъ, обезпечена хотя бы частица реальной власти. Въроятно, это быль бы длительный и упорный торгь. Но если либеральная буржуазія не умъеть побъждать своихъ противниковъ даже въ просъбахъ и требовапіяхъ, то на что же она, вообще, способна? Положеніе было такъ ясно, что даже Мантейфель, котораго нельзя, конечно, обвинить въ избыткъ проницательности, выразился тогда: Если либералы сумъють воспользоваться военнымъ вопросомъ, то они навсегда оттъснять насъ отъ кормила правленія".

Однако, его опасенія были совершенно неосновательны. Палата депутатовъ держалась въ отношеніи министерства того же храбраго девиза, какъ и министерство въ отношеніи принца-регента: только не настаивать! Трусливыя буржуазныя сердца нашли для себя удобнымъ прикрыться упорствомъ юнкеровъ. Подъ тъмъ предлогомъ, что послъ отклоненія вопроса о поземельномъ налогъ палатою господъ военная реорганизація все равно откладывается въ долгій ящикъ, палата депутатовъ не отвъчала прямо: ни "да" ни "нътъ" и приняла лишь "вотумъ довърія" къ "почтеннымъ" министрамъ въ формъ чрезвычайнаго кредита въ 9 милліоновъ талеровъ, дабы въ виду опаснаго положенія поддержать "дальнъйшую боевую готовность". Само собой разумвется, что и принцъ-регентъ и его реакціонный военный министръ понимали подъ "дальнъйшей боевой готовностью" не что иное, какъ введеніе реорганизаціи арміи. Совершивъ такую, поистинъ, колоссальную глупость, палата депутатовъ, конечно, проиграла игру. Какъ ни трудно было или даже невозможно для принца-регента провести военную реформу въ жизнь противъ воли народнаго представительства, но столь же трудно или невозможно было для палаты депутатовъ вычеркнуть ее, разъ она была налицо. У прусскаго парламентаризма не хватило силъ, чтобы перевести нъсколько сотъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей изъ реальной дъйствительности обратно на роль бумажнаго существованія.

Въ январъ 1861 года безумный король скончался, и принцъ-регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ короля Вильгельма I. Жалкая амнистія, полная политическихъ заднихъ мыслей и оговорокъ, достаточно доказывала, сколь малому научился новый властитель и какъ мало онъ забылъ. Чего могло ожидать германское единство отъ государя, который продолжалъ считать славнымъ дёломъ позорное подавленіе Баденскаго возстанія? Храбрые борцы, которые, какъ показалъ мстительный приговоръ военнаго суда, рисковали кровью и жизнью за идеи единства, могли вернуться на родину только тогда, если подадутъ унизительную просьбу о помилованіи! Юнкеры поняли, что пришла ихъ пора. За корошія слова короля и крупныя деньги плательщиковъ налоговъ они позволили теперь выкупить феодальную свободу оть поземельнаго налога и этимъ доказали, что только на нихъ корона можетъ разсчитывать, какъ на твердую опору. Нъсколько мелкихъ законопроектовъ министерства они снова бросили въ бумажную корзину, отчего нисколько не умалилась милость короля къ нимъ. А между тъмъ, палата депутатовъ и въ третьей и въ последней своей сессіи не могла придумать ничего лучшаго, какъ снова принять въ чрезвычайномъ бюджетъ расходы по военной реорганизаціи подъ рубрикой "дальнъйшей боевой готовности". Парламенть разошелся подъ аккомпанименть громкой болтовни Финке, восхвалявшаго его геройскіе подвиги. А подвиги эти сводились къ тому, что изъ либеральныхъ реформъ не прошла, собственно, ни одна, но зато была основательно проведена военная реформа и установилось доброе согласіе между королемъ и юнкерствомъ.

Мало-по-малу, однако, у избирателей все же стали открываться глаза на эти дъянія либерализма. Недовольство ихъ росло по меньшей мъръ съ такой быстротой, какъ и раздражительность короля. Небольшая группа депутатовъ восточной Пруссіи, которымъ Финке далъ презрительную кличку младолитовцевъ, еще въландтагъ возстала противъ самоубійственной политики большинства. По окончаніи же сессіи она сплотилась вмъсть съ старыми представителями 1848 года,

до сихъ поръ уклонявшимися отъ выборовъ, въ одну замкнутую организацію для новыхъ выборовъ. 9-го іюня 1861 года новая партія обнародовала свою программу. Она прикрыла себя именемъ нъмецкой прогрессистской партіи и имъла полное основаніе отречься отъ честнаго имена демократіи. Основныя положенія ея не выходили изъ предъловъ буржуазнаго либерализма. Демократическія требованія, въ которыхъ на ряду съ буржуазіей принимались бы во вниманіе также интересы пролетаріата, она обходила многозначительнымъ молчаніемъ. Такъ, прежде всего, послъ нъкотораго сопротивленія со стороны Берлина, Кенигсберга и Кельна, было отвергнуто на предварительныхъ совъщаніяхъ всеобщее избирательное право, а за нимъ и свобода печати и союзовъ. Программа новой партіи не сдълала ни одного возраженія противъ реакціонных в искаженій этой последней. Выполненіе этой мантейфельщины программа отдавала лишь въ руки буржуазнаго класса, требуя "возстановленія компетенціи суда присяжныхъ для политическихъ преступленій и проступковъ по дёламъ печати".

Всв главныя положенія программы: вврность королю и конституціи, прочное единство Германіи, которое было немыслимо безъ сильной центральной власти и безъ общаго нъмецкаго народнаго представительства, реформа палаты господъ, отвътственность министровъ, ограничение всевластия бюрократии, упраздненіе вотчинной полиціи, большая бережливость въ военномъ дълъ, двухлътняя военная служба, развитіе экономическихъ силъ и прочее, --- все это были одностороннія требованія буржуваій, направленныя своимъ остріемъ противъ бюрократіи и феодализма. Даже самыя скромныя требованія рабочаго класса были отвергнуты съ черствымъ безстыдствомъ, точно ихъ совсъмъ не существовало. По существу дъла новая партія ничемъ не отличалась отъ фракціи Финке, которой она ставила лишь въ вину, что она недо-

статочно сдълала. Сама она желала лишь больше "настаивать", но въ остальномъ не имъла въ виду дълать "принципіальной оппозиціи" министерству новой эры. И дъйствительно-тъ старые дъятели 40-хъ годовъ, которые имъли еще нъкоторое право называть себя демократами, воспротивились быть воспріемниками новорожденнаго младенца. Бухеръ, Родбертусъ, Циглеръ и даже Вальдекъ не подписались подъ программой. Изъ вожаковъ берлинскаго національнаго собранія 1848 года подписали ее только Упру и Шульце-Деличъ. Изъ новыхъ политическихъ величинъ, которыя вмъстъ съ ними подписались, выдъляется въ особенности профессоръ Вирховъ. Слава, которую онъ завоевалъ себъ въ области науки, нисколько не препятствовала ему проникнуться всёми буржуазными предразсудками.

При всей своей безобидности эта новая партія вызывала въ воображении короля, напуганнаго событіями 18-го марта, представленіе о баррикадахъ. Онъ точно бредилъ, когда говорилъ о "стремленіяхъ", могущихъ снова вызвать "прежнюю злополучную смуту". И въ отвътъ на это онъ издаль 3-го іюля манифесть, въ которомъ возвъщалъ, что желаетъ торжественнымъ коронованіемъ въ Кенигсбергв подтвердить священныя и навъки непоколебимыя права короны Божіей милостью. Это былъ языкъ Фридриха-Вильдельма IV съ той лишь разницей, что предшественникъ былъ гораздо опытиве въ этихъ двлахъ, нежели пріемникъ. Талантливый романтикъ въ подобнаго рода случаяхъ всегда умълъ подыскать то или иное блестящее слово тогда какъ трезвый солдать быль способень только на самые грубые вызовы. Во время коронаціи онъ призываль войско противь всёхь враговь, "съ какой бы стороны они ни появились". Представителямъ ландтага онъ крикнулъ, что "корона исходитъ только отъ Бога", и что онъ приметь ее съ престола Божьяго и возложить на свою главу". Къ этому онъ прибавилъ,

что ландтагъ долженъ "давать совъты коронъ" и не только не смягчилъ, а еще ръзче нодчеркнулъ эту фразу, направленную противъ конституціонныхъ полномочій ландтага, милостиво снисходительнымъ объщаніемъ, что онъ готовъ слушать эти совъты. Терпъніе избирателей истощилось, и во время новыхъ выборовъ прогрессистская партія сразу получила 161 мандатъ. Прежнее и министерское большинство вынуждено было удовлетвориться 95-ю мъстами, которыя большей частью принадлежали наиболье рышительнымъ членамъ его. Вмъсто Финке, который на этотъ разъ не былъ избранъ, руководителемъ его сталъ Грабовъ, бывшій президенть національнаго собранія 1848 года, который довольно сильно симпатизировалъ прогрессистской партіи и на этоть разъ быль даже избранъ въ президенты палаты депутатовъ.

Въ виду такихъ успъховъ прогрессистская партія попыталась сдёлать смёлый натискъ, когда ландтагъ былъ созванъ въ 1862 году. Прежде всего она ръшила нъсколько серьезнъе отнестись къ бюджетному праву палаты депутатовъ, до сихъ поръ совершенно призрачному. Со времени Мантейфеля укоренился безобразный порядокъ: ландтагу, который собирался въ началъ года, представлялся бюджетъ текущаго года, т. е. расходы производились уже въ то время, когда палата депутатовъ еще только обсуждала ихъ. этомъ въ бюджетъ всегда фигурировали крупныя суммы, подъ широкимъ покровомъ которыхъ министры могли проводить всякія міры, несогласныя съ видами народнаго представительства. Въ данный моментъ невозможно было устранить первое зло; но для того, чтобы бороться со вторымъ, депутатъ прогрессистъ Галенъ внесъ предложение, въ которомъ требовалъ большей спеціализаціи бюджета, —и это предложеніе было принято 171 голосами противъ 143. Въ глубокомъ негодованіи противъ такого "вотума недовърія" либеральное министерство распустило палату; но затъмъ черезъ

нъсколько дней, сознавая свое полное ничтожество само ушло. И новая эра умерла такъ же безславью, какъ она жила.

Тогда король призвалъ реакціонное министерство. Оно состояло большей частью изъ бюрократическихъ и феодальных нулей. Душою его быль, на ряду съ военнымъ министромъ фонъ-Роономъ, бывшій министръ торговли, а теперь министръ финансовъ фонъ деръ Гейдтъ. который, благодаря своему деракому лицемфрію вуппертальскаго ханжи, сумълъ проползти змъей отъ старой мантейфельщины черезъ новую эру къ новой ман-При такихъ условіяхъ разгорълась тейфельщинъ. жаркая избирательная борьба. Реакція сплотилась вокругъ знамени: король или парламентъ? Но отъ этого громкаго девиза она совершенно основательно ожидала такъ мало, что одновременно горячо работала хлыстомъ и пряникомъ. Такого воздействія на выборы, какое пустила теперь въ ходъ корона Божьей милости, не знавала даже эра Мантейфеля. Рядомъ съ этимъ, однако, было объщано уменьшение налоговъ и сокращение военнаго бюджета, а въ особенности выполненіе требованій, ради которыхъ была только что распущена палата депутатовъ: своевременное внесеніе и спеціализированіе бюджета. Наобороть, прогрессистская партія подняла оглушительный крикъ, что конституція наканунъ упраздненія и избиратели дали ей блестящее удовлетвореніе. Во время майскихъ выборовъ 1862 года эта партія побъдила по всей линіи, получивъ 250 мандатовъ. Фракція Грабова совершенно разстроилась, часть ея перешла къ прогрессистской партіи, тогда какъ остальная часть обречена была влачить жалкое существованіе, какъ меланхолическая развалина бывшаго готцкаго величія. Феодальная партія еще сильнъе распалась, -- въ ней оставалась какая-нибудь дюжина членовъ.

Однако, первоначальная надежда прогрессистской партіи не оправдалась, такъ какъ даже этого исхода

выборовъ оказалось недостаточнымъ, чтобы смести реакціонное министерство. Когда созванъ былъ въ маъ ландтагъ, эта партія должна была принять решеніе насчеть своей будущей тактики. Ближайшія требованія ея были удовлетворены: бюджеть на 1862 г. быль спеціализированъ, бюджетъ на 1863 г. своевременно внесенъ; правительство сдержало также объщаніе ограничить военные расходы и уменьшить бремя налоговъ. Прогрессистской партіи предстояло принять ръшеніе по вопросу: утвердить или нътъ реформу арміи, которая была внесена правительствомъ въ смътные расходы бюджета на 1862 годъ. Теперь она начинала понимать, что требуемое ею единство Германіи подъ прусской каской не можеть быть достигнуто безъ военной реформы. Голоса изъ ея собственной среды предостерегали отъ принятія ръшеній, выполненія которыхъ она сама не желала. Въ этомъ духъ говорилъ, напримъръ, берлинскій городской судья Карлъ Твестенъ, который составилъ себъ политическое имя ръзкой полемикой съ главой военнаго кабинета, окончившейся дуэлью и котораго отнюдь нельзя было подоаръвать въ чрезмърномъ преклонении передъ военной силой. Къ тому же расходы, о которыхъ шла ръчь, на 1862 годъ были уже большей частью сдъланы, и правительство могло ссылаться на то, что они были дважды одобрены ландтагомъ. Вычеркнуть ихъ послв этого означало бы толкать, такъ сказать, министерство насильственно къ нарушенію конституціи. Навстръчу этимъ осторожнымъ соображеніямъ шли аналогичныя соображенія въ нъдрахъ правительства. Гейдтъ при всей своей политической безпочвенности быль слишкомъ завзятый буржуа и съ искреннимъ ужасомъ смотрълъ на возрастающіе военные расходы и на опасность управленія безъ бюджета.

Одинъ моментъ, казалось, что компромиссъ удастся на почвъ 2-хлътней военной службы. Прогрессистская партія поступала при этомъ съ своей точки эръ-

нія совершенно послідовательно. Всімь было извістно, что 2-хлітняя военная служба совершенно достаточна для боевой годности арміи, и что она больше гармонируєть съ реорганизаціей, чімь 3-хлітній срокь. Третій годь службы иміль лишь цілью будить "солдатскій духь", безь котораго войско оказывалось непригоднымь для ціли государственнаго переворота. Если бы корона уступила вь этомь пункті, то палата депутатовь иміла бы основаніе говорить о существенной побідів. А прогрессистская партія поднесла бы избирателямь вь видів пріятнаго сюрприза значительное облегченіе военнаго бремени.

Но что было для нея Савойею, то король считаль соловьемъ. И онъ заявиль на совъть министровъ, что скорве откажется отъ трона, чвмъ пожертвуетъ 3-хлътнимъ срокомъ военной службы. Согласно одному оффиціозному біографу короля, сопротивленіе министровъ шло еще дальше, и корона была, дъйствительно, предложена наследному принцу; последній, однако, будто бы отклонилъ ее, мотивируя тъмъ, что прусскій король, который начинаеть съ уязвленія "солдатскаго духа", лишаетъ себя точки опоры. Если бы этоть апекдоть оказался даже невърнымъ, то, въ всякомъ случав, онъ былъ хорошо придуманъ въ духв тогдашняго и, пожалуй, даже теперешняго положенія. Такъ или иначе, но военный министръ снова сталъ круть въ отношени палаты депутатовъ, а министръ финансовъ употребилъ, какъ послъднее отчаянное средство, угрозу, что если палата не уступить, то случится нъчто, о чемъ въ конституціи прямо не говорится. Этимъ онъ достигъ, конечно, не желаннаго, а канъ разъ обратнаго дъйствія. Всякое дальнъйшее уклоненіе отъ столкновенія было невозможно въ виду упорства короля. 23-го сентября 1862 года палата депутатовъ внесла расходы на военную реформу въ число экстраординарныхъ издержекъ бюджета на 1862 годъ, а затъмъ огромнымъ большинствомъ вычеркнула

ихъ. Тогда корона отпустила министра финансовъ и призвала на ностъ министра-президента въ Берлинъ Бисмарка, прусскаго посланника въ Парижъ.

Бисмаркъ происходилъ изъ объдиввшаго юнкерскаго рода въ Альтмаркъ, который велъ свою родословную съ 14-го въка отъ одного патриція богатаго тогда города Штендаля. Впослъдствіи, для большаго почета затьянной имъ культурной борьбы, Бисмаркъ пытался окружить этого предка ореоломъ въщаго генія. Онъ утверждалъ, что этотъ просвъщенный мужъ былъ изгнанъ изъ Штендаля изъ-за споровъ съ католическимъ духовенствомъ; но если онъ въ себъ, дъйствительно, ощущалъ атавистическія поползновенія, то ему слъдовало искать ихъ не въ области религіи.

Насколько діло, въ дійствительности, зависіло отъ католическаго духовенства, блаженной памяти Николай Бисмаркъ могъ бы спокойно жить и умереть въ Штендаль. Что навсегда изгнало его изъродного города, ето возмущение чеховъ, которое онъ вмъстъ съ нъкоторыми товарищами своими вызвалъ жестокими притъсненіями бъднаго люда и корыстнымъ разграбленіемъ городской казны. Въ то же время при содъйствіи несправедливой мамоны онъ сумълъ пріобръсти себъ надежныхъ друзей, и тогдашній Витерльсбагскій курфюрсть, который сильно задолжалть ему, отдаль ему во владеніе замокь и зачислиль его вь ряды альтмарискаго мелкаго дворянства. Въ XIV-омъ столътіи подобнаго рода карьеры были не совсъмъ такъ часты, какъ въ наши дни. Нужно отдать честь предку фонъ-Висмарку, что онъ несомнино быль очень продувнымъ лицомъ. Пріобрътенныя имъ имънія были въ XVI-мъ столъти отобраны у семейства Бисмарковъ тогдашними Гогенцолернами изъ-за превосходныхъ мъстъ для охоты, но взамънъ этого они получили вознагражденіе изъ ограбленныхъ церковныхъ и монастырскихъ имъпій. Вопрось о томъ, были ли при

этомъ Висмарки обозлены своими законными правителями, разръшается съ положительностью знаменитвишимъ отпрыскомъ этой семьи. Быть можетъ, онь быль правъ или же онъ это дълаль изъ вполнъ понятнаго почтенія въ своимъ предкамъ, хотя они оставили ему такой ничтожный клочекъ земли, на которомъ въ 19-мъ въкъ приличный дворянинъ съ большимъ трудомъ и лишеніями могъ бы вести существованіе, достойное его. Итакъ, въ революціонные годы Бисмаркъ велъ себя, какъ самый завзятый юнкеръ, боролся со всъмъ остроуміемъ здороваго и голоднаго желудка за феодальныя привилегіи и презираль нъмецкое единство буржуазін, видя въ немъ смертельную опасность для прусскаго юнкерства. Контръ-революція не преминула наградить лаврами столь благородную борьбу. И восторженное поклоненіе Висмарка передъ днемъ Ольмюца невольно обратило на взоръ романтического короля, который почуялъ въ немъ наиболъе подходящаго представителя униженной Пруссіи въ возстановленномъ союзномъ сеймъ. богатомъ торговомъ рынкъ, Франкфуртъ, бъдный юнкеръ позналъ, что, при всъхъ ужасахъ, которыми поражаеть капиталистическій мірь честное юнкерское сердце, онъ все же рисуетъ необычайно чарующія перспективы, — перспективы, на ряду съ которыми феодальные нравы на пескахъ жестокіе восточной Эльбы дають крайне жалкое удовлетвореніе. маркъ подружился съ домомъ Ротшильдовъ, берлинскій представитель которыхъ Влейхредеръ принялъ скудные финансы подъ свое покровительственное крылышко. Впрочемъ, онъ отъ этого не пересталъ быть юнкеромъ и въ самой сокровенной глубинъ своей души продолжалъ ненавидъть буржуазію за ея притязанія на политическое господство. Для него никогда не была понятна историческая необходимость либерализма, а тъмъ болъе соціализма. Эти понятія всю жизнь были для него китайской грамотой и, чтобы

они не всплывали на его горизонтъ, онъ, какъ истый ювкеръ, со средневъковою жестокостью шелъ на пихъ огнемъ и мечемъ.

Этотъ юнкеръ въ высокой степени унаследоваль качества своего класса: завидный аппетить, безпощадную волю и то, что тесно связано было съ нимиограниченность исторического горизонта; при всей находчивости и проницательности въ чисто дёловыхъ вопросахъ, онъ оставался совершенно слепъ въ отношеніи истинныхъ движущихъ силъ народной жизни. Такъ, въ бонапартизив Висмаркъ видвлъ не прехсдящій эпизодъ всемірно-исторической борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, а только лишь классическую форму современнаго деспотизма, который развиваетъ колоссальныя продуктивныя силы буржуазіи съ тъмъ, чтобы желъзной рукою сдерживать ея политическія притязанія. Еще во время крымской войны Бисмаркь ворчалъ по поводу щепетильности своего класса, который изъ феодальныхъ или легитимистскихъ соображеній стказывался устраивать гешефты съ геніальнымъ государственнымъ мужемъ на Сенъ. Его лично не одолъвали подобныя сомнънія, и чъмъ больше прояснялось для него искусство Бонапарта въ государственномъ управленіи, тъмъ болье отворачивался онъ отъ государственнаго искусства Габсбурговъ, которые не выходили изъ въчной финансовой нужды. Оффиціальное положеніе его въ союзномъ сеймъ дало ему возможность ясно уразумъть, въ какой сильной степени нъмецкая разрозненность тормозить вращеніе капиталистической манины, и онъ вскорт сталъ проклинать весь этотъ "неисторическій, безбожный и беззаконный торгъ съ суверенитетомъ", въ который играли нъмецкіе государи. Эти государи своимъ правомъ Божьей милостью становились поперекъ стремленіямъ прусскаго юнкерства къ власти и нъмецкой буржуваіи къ прибыли, хотя тъ и другіе были совершенно же такого калибра, какъ и право Божьей милостью, на которое въ то же время прусская корона ссылалась съ такимъ апломбомъ.

Незамътный юнкеръ мало-по-малу превратился въ великаго дипломата. Ловко и осторожно пробирался Бисмаркъ въ 50-хъ годахъ черезъ лабиринтъ внутреннихъ раздоровъ бюрократически - феодальной реакціи. Онъ сумълъ настолько подавить врожденную ненависть юнкера къ бюрократіи, что стояль на такой же хорошей ногъ съ Мантейфелемъ, какъ и съ Герлахами. Онъ былъ равно желаннымъ гостемъ и у короля, и у наслъдника и сумълъ даже поладить съ новой эрой, которая ставила его на берега Невы или, какъ принято выражаться, повысила его на іерархической лістницъ, давъ ему постъ посланника въ Петербургъ, который по традиціи считается первымъ постомъ въ прусской дипломатіи. Здёсь Бисмаркъ изучиль безсовъстную политику русской дипломатіи и въ эпоху либеральной интермедій вель политику на собственный страхъ. Въ то время онъ не зналъ еще дипломатическаго догмата, что для пословъ обязательна та же дисциплина, что и для унтеръ-офицеровъ. Новый король сохраниль къ нему старое расположение. Онъ охотно прислушивался къ дерзновеннымъ планамъ Бисмарка насчетъ будущаго, хотя по своей мнительной и трусливой природъ онъ не могъ безусловно подчиняться властной волъ своего "бранденбургскаго вассала". Король держалъ Бисмарка въ резервъ на случай крайней необходимости, и послъ крушенія новой эры юнкеру, жаждавшему подвиговъ, пришлось еще разъ обмануться. Онъ воспользовался этой отстрочкой, чтобы получить последнюю шлифовку въ качествъ посланника въ Парижъ въ бонапартистскихъ штукахъ. И вотъ, наконецъ, пробилъ и его часъ 23 сентября 1862 года, когда ръшеніе палаты депутатовъ показало, что критическій моменть наступиль.

Вызовъ Бисмарка въ Берлинъ произвелъ ликовапіе среди юнкеровъ: купеческая интермедія окончена!

а прогрессисты кричали: "Это государственный перевороть". Самъ Бисмаркъ понялъ свою задачу въ "высшемъ" стилъ. Онъ котълъ проучить буржувайо на бонапартистскій манеръ, но по возможности щадя -ее. И поэтому онъ пошель ей навстръчу съ мирными предложеніями. Буржуазія говорила по поводу главнаго спора о военной реформъ: "Да, если бы мы были увърены, что этимъ орудіемъ воспользуются въ цъляхъ объединенія Германіи!" Бисмаркъ объщаль имъ, что онъ разръшить германскій вопрось "кровью и желъзомъ", какъ скоро расходы на реорганизацію арміи будуть утверждены. Прогрессистская партія отвътила, однако, довольно презрительно: что можешь ты сдълать, бъдняга? Ее совершенно несправедливо упрекали въ томъ, что она въ то время "не распознала генія". "Генія" она распознала довольно хорошо, по Шульце-Пеличь туть же высказаль въ палать депутатовъ мнъніе, что феодальная партія никогда не потерпить энергичной вившней политики. Спустя годъ Вирховъ въ свойственной ему широковъщательной и самодовольной манеръ иронизироваль, что Бисмаркь уже не тотъ человъкъ, который вступилъ въ министерство съ цълью вести энергичную иностранную политику. На это Бисмаркъ коротко и сухо отвътилъ, что гдъ-пибудь нужно же было ему остаться и, такъ какъ либеральные боги не пожелали его выслушать, то онъ записался въ консервативную преисподнюю. Следовательно, для прогрессистской партіи "геній" вполнъ ясно обрисовался. Что оставалось въ глубокомъ туманъ — это сила, которая стояла за спиною "генія".

Бисмаркъ былъ призванъ стать во главъ министерства не ради его германскихъ плановъ, а вопреки имъ. Отъ короля и юнкерства онъ получилъ полномочіе вести управленіе безъ утвержденнаго бюджета и противъ конституціи; но внъшняя политика его была его личнымъ дъломъ, и нельзя сказать, чтобы она была одобрена королемъ и юнкерствомъ. Прогрессисты не были

уже настолько плохими дѣльцами, чтобы отдать свои политическія притязанія въ настоящемъ за чечевичную похлебку, которая, можеть быть, будеть поднесена имъ въ какомъ-то туманномъ будущемъ, промѣнять сохранившія цѣнность бумаги на невѣрные векселя сомнительнаго "генія".

Послъ того, какъ корона призывомъ Висмарка доказала свое намъреніе разорвать бюджетное право палаты депутатовъ, прогрессистская партія не могла уже согласиться на почетное отступленіе. Она вынуждена была принять вызовъ, и рѣчь шла лишь о томъ, насколько она могла разсчитывать на побѣду. Незаслуженно улыбнулось ей счастье: она натолкнулась на проводника, который указалъ ей единственный путь къ побѣдѣ.

2. Лассалевскій планъ кампанія.

Лассаль переживаль дни новой эры съ возраставшимъ нетерпъніемъ. "Кто живеть теперь въ Берлинъ и не умираетъ отъ либерализма, тотъ никогда не умретъ отъ досады", писалъ онъ однажды Марксу. А въ другой разъ онъ еще въ болъе ръзкихъ выраженіяхъ порицалъ либеральный "заговоръ печати", которая и ръчами своими, и молчаніемъ прикрываетъ окончательно прогнившее правосудіе.

Это было въ то время, когда прусскіе судьи взялись защищать клеветническія нападенія "Національной Газеты", имъвшей цълью очернить личный характеръ Маркса. Въ одномъ письмъ къ Лассалю Марксъ удивляется такому грубому отказу въ правъ, на что Лассаль отвъчаетъ: "Ты все еще разсматриваешь прусскую юстицію въ слишкомъ розовомъ свътъ. Я и не то испыталъ отъ этихъ господчиковъ.... Когда я вспоминаю, какъ въ теченіе 10-ти лътъ ежедневно совершалось юридическое убійство, то весь дрожу отъ прилива крови и мнъ кажется, что вотъ-вотъ приступъ ярости задушитъ меня. Ну, все

это я теперь перевариль и пережиль; прошло достаточно времени съ тъхъ поръ, чтобъ можно было говорить объ этомъ хладнокровно, но никогда мив не хочется улыбаться съ болве глубокимъ презрвніемъ, чъмъ когда я слышу ръчи о судьяхъ и о правъ у насъ. Каторжники на галерахъ кажутся мнв весьма почтенными людьми въ сравненіи съ нашими судьями". На замъчание Маркса, что пруссаки доставили ему матеріаль, пріятныя последствія котораго имъ скоро станутъ извъстны изъ лондонской прессы, Лассаль отвъчаль: "Нътъ, дорогой другъ, они ровно ничего не замътятъ. Я не сомнъваюсь, что ты изобразишь ихъ въ лондонской прессъ въ надлежащемъ свъть, что ты уничтожишь ихъ. Но они ничего этого не замътятъ, ровно ничего. Точно ты ничего не писалъ. Англійскихъ газетъ у насъ въдь не читаютъ, а наши нъмецкія газеты, видишь ли, не почеринуть оттуда ни единой замътки, ни единой строчки. побоятся! И больше всего трусять наши либеральныя газеты! Какъ же ръшиться этимъ телячьимъ головамъ сказать словечко противъ священнъйшаго ихъ налладія, противъ "прусскаго судейскаго сословія", при одномъ упоминаніи о которомъ они захлебываются отъ восторга. Они никогда не произносять этого слова иначе, какъ съ поклономъ до земли и гордо надувшись! О, они никогда не обмолвятся объ этомъ и спокойно замолчать отъ Дуная до Рейна и дальше, гдъ только "раздается нъмецкая ръчь"! Что можпо сдълать противъ такого заговора печати? О, что бы ни говорили, наша полиція все-таки несравненно либеральнъе, чъмъ наша пресса!" Эти фразы всей своей горечью свидътельствують о томъ, что Лассаль лучше зналъ положение дълъ въ Пруссии, чъмъ Марксъ.

Лассаль носился тогда съ планомъ издавать въ Берлинъ сообща съ Марксомъ и Энгельсомъ въ противовъсъ подкупной либеральной прессъ большой демократическій органъ. Еще въ январъ 1862 года онъ

сумёль заинтересовать въ пользу этого старика Брокгауза въ Лейпцигв. Однако, едва ли приходится сожальть, что этотъ планъ остался воздушнымъ замкомъ. Газета съ такими лицами во главв, но съ капиталистическими издателями потерпвла бы еще болве горькую участь, чвмъ "Новая Рейнская Газета" со своими акціонерами. А затвмъ весь этотъ разсчетъ сдвланъ былъ безъ хозяина, т. е. безъ либеральнаго министра Шверина, который толковалъ амнистію съ такой реакціонной оговоркой, что Марксъ по возвращеніи его въ Германію будетъ разсматриваться, какъ иностранецъ, — другими словами, будетъ всецвло отданъ въ руки полицейскаго произвола.

И доколъ продолжалось опьяненіе буржуваій довъріемъ-въ Германіи, вообще, ничего нельзя было полълать. Лътомъ 1861 г. Лассаль издалъ свое сочиненіе по философіи права и затёмъ предпринялъ, чтобы освъжиться, продолжительное путешествіе по Швейцаріи и Италіи. Въ Цюрих вонъ встретился съ Гервегомъ и съ Вильгельмомъ Рюстовымъ извъстнымъ военнымъ писателемъ, который, будучи прусскимъ лейтенантомъ, палъ жертвой своихъ демократическихъ убъжденій, затымь вь швейцарскомь генеральномь штабъ дослужился до званія майора, а теперь только что возвратился со свъжими лаврами изъ гарибальдійскаго похода на Неаполь. Рекомендеціи Рюстова ввели Лассаля въ круги итальянскихъ патріотовъ. Онъ посътилъ Гарибальди на островъ Капреръ и, повидимому, живо интересовался новымъ ударомъ, который замышляла итальянская партія действія противъ Австріи. Однако, изъ отрывочныхъ заявленій Лассаля и другихъ по поводу этого эпизода не видно, какъ онъ представлялъ себъ отражение этой диверси на развитіи Германіи. Если черпать изъ очень мутнаго источника оффиціознаго біографа Бухера, то Лассаль ожидаль, что нападеніе Гарибальди на Далмацію повлечеть за собою революцію въ Венгріи. Онъ будто бы такъ и сказалъ Бухеру: "Революція въ Пештв — есть революція въ Вънъ, а революція въ Вънъ — есть революція въ Берлинъ". Однако, это мнимое заявленіе Лассаля стоить въ весьма ръзкомъ противоръчіи съ его очень трезвымъ сужденіемъ о революціонныхъ наклонностяхъ немецкаго мещанства, даже въ томъ случав, если мы освободимъ его отъ ребяческой формы, въ которой литературные лакеи Бисмарка представляють себъ революціонную политику. Лассаль радостно привътствовалъ всякое революціонное дъйствіе; но, вмъстъ сътъмъ, онъ быль слишкомъ разсудительный и опытный политикъ, чтобы возлагать большія надежды на планъ, который совершенно висълъ въ воздухв и, какъ извъстно, никогда не быль выполненъ. 9-го февраля 1862 года онъ довольно холодно писалъ Рюстову, что просилъ у итальянцевъ дать ему опредъленныя свъдвнія, предполагается ли что-либо предпринять этой весной; но тремя недълями раньше въ письмъ къ Бухеру онъ съ совершенно инымъ жаромъ излагалъ свои планы, по сравненію съ которыми революціонное значевіе похода итальянскихъ добровольцевъ на Далмацію представлялось очень маленькимъ двломъ.

Въ первые январскіе дни 1862 года Лассаль возвратился въ Берлинъ, и здъсь засталъ существенную перемъну въ положеніи дълъ. За мъсяць до этого прогрессистская партія одержала свою первую побъду на выборахъ и начала свой "натискъ". Но Лассаль пока что не ожидалъ отъ этого многаго. Онъ писалъ Рюстову: "Въ нашей палатъ дъла все также жалки! Ребята не знаютъ, куда имъ направить парусъ! Желаютъ управлять государственнымъ кораблемъ, а между тъмъ не въ силахъ вести даже маленькую лодочку!" Будь Лассаль, вообще, склоненъ къ иллюзіямъ, то эти три года новой эры окончательно исцълили бы его отъ нихъ. Даже личныя дружественныя отношенія, въ которыхъ онъ находился съ нъкоторыми

вожаками прогрессистской партіи и національнаго союза пи на минуту не ослъпляли его. Это были такія же отношенія, какія существовали стольтіемъ раньше между Лессингомъ и берлинскими просвътителями. Лассаль такъ же мало, какъ Лессингъ, претендоваль на роль мрачнаго фанатика убъжденій за которой обыкновенно скрывается умственная ограниченность. Въ обществъ это быль очаровательный собесъдинкъ, всегда расположенный къ веселымъ шуткамъ и даже къ экстравагантнымъ шалостямъ; и онъ отнюдь не пытался прятать этотъ таланть подъ спудомъ. Кругъ его знакомства былъ, правда, нъсколько смъщанный, но, въ концъ-концовъ, онъ чувствовалъ себя въ этой атмосферъ даже лучше, чъмъ чувствоваль бы въ томъ случав, если бы онъ въ меньшей мъръ обладалъ личнымъ тщеславіемъ. Тъмъ не менъе, вліяніе этой среды на мыслителя и борца Лассаля было еще гораздо меньше, чъмъ вліяніе графини Гатифельдтъ. Фактически оно сводилось къ нулю. политическіе лебаты съ Лассаль главными велъ представителями прогрессистской партін, философствовалъ съ дряхлыми гегельянцами изъ "философскаго общества", но ни на одну минуту не забывалъ, что отдъляеть его отъ этой милой посредственности.

Равнымъ себъ Лассаль признавалъ лишь нъкоторыхъ дъятелей 1848 г., которые были такого же мнънія о прогрессистской партіи, какъ и онъ: Циглера и Бужера, къ которымъ нъсколько позднѣе присоединился въ качествъ третьяго Родбертусъ. Циглеру Лассаль однажды писалъ, что Норна вынула имъ при рожденіи одинаковый жребій; а въ другой разъ онъ писалъ Родбертусу, что они родились на свътъ, точно сіамскіе близнецы. Но ближе всего, чъмъ эти двое, подходилъ къ нему Бухеръ: это былъ второй Лассаль, насколько можно быть Лассалемъ безъ его желъзныхъ костей и бурной пламенной крови.

Подобно Лассалю, Бухеръ обладалъ юридическимъ

и философскимъ образованіемъ, и, вмъсть съ тьмъ,--такимъ же глубокимъ реальнымъ пониманіемъ действи-Цълый рядъ любимыхъ идей Лассаля тельности. зародились раньше у Бухера, — не въ такой ясной и ръзкой формулировкъ, какъ у Лассаля, по все же съ зачаточной отчетливостью. Такъ, уже въ прусскомъ національномъ собраніи 1848 г. онъ развиваль теорію пріобрътенныхъ правъ и конституціонную теорію, согласно которой вопросы конституціи суть первоначально вопросы силы, а не права. Затъмъ Вухеръ въ своей талантливой книжечкъ объ англійскомъ парламентаризм' доказываль, сколь различно вліяеть прогрессирующее раздъление труда на буржувайо и на пролетаріатъ. Чъмъ больше спеціализируется дъло торговли, темъ более мельчаетъ человекъ; чемъ въ большей степени крупные и мелкіе торговцы стремятся монополизировать отдельныя отрасли, темъ болъе они тупъютъ въ этой капиталистической спекуляціи. Наоборотъ, духовное освобожденіе рабочаго, освобожденіе всей суммы его духовныхъ силъ происходить въ той же мъръ, въ которой совершенствованіе машинъ сводять работу человіка при нихъ къ машинообразной дъятельности. Ту же мысль развиваль еще Марксъ въ своей полемической брошюръ противъ Прудона, но Бухеръ самостоятельно иллюстрироваль ее практическими наблюденіями, которыя были сдъланы имъ надъ англійской буржуазіей и англійскимъ пролетаріатомъ. Положеніе, высказанное Бухеромъ: "Самое правильное сужденіе можно встрітить на объихъ крайнихъ ступеняхъ общественной лъстницы, среди джентльменовъ, которые живуть исключительно духовною жизнью и среди рабочихъ, которыхъ принято считать просто руками", - это положеніе проходить красною нитью черезь всю агитацію, которую вель Лассаль въ рабочемъ классъ.

Вухеръ уже ясно понималъ значение господства англійской буржувзіи въ то время, когда нъмецкіе либералы восторженно вапрали на этотъ свътлый пдеаль, - и въ этомъ также была важная точка соприкосновенія его съ Лассалемъ. Если нъмецкая буржуваія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ такъ же восторгалась буржуазіей, англійской какъ восторгалась она въ 40-хъ годахъ французской буржувзіей, то по положенію вещей, это несомивино быль повороть въ сторону реакціи. Бюргерское французовдство было направлено далеко не въ такой мъръ противъ бонапартизма, съ которымъ нъмецкій бюргеръ вскорт довольно ттсно подружился, сколько противъ "политическаго развитія" Франціи, отъ котораго онъ желаль, по выраженію "Народной Газеты", "эмансипироваться". Подъ этимъ "политическимъ развитіемъ" подразумъвалась классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. Воображали, будто бы въ Англіи эта борьба окончена; въ связи съ этимъ было распространено вредное представленіе, будто бы англійская буржуазія добилась господства ръчами въ парламентъ, а не революціонными дъйствіями.

Въ своихъ лондонскихъ корреспонденціяхъ въ "Національной Газеть" Бухеръ доказалъ на примъръ англійской буржуазін, что тамъ дипломатія и политика всецвло поглотились политической экономіей, что божественное право, историческая традиція и теологическія фразы вынуждены со скрежетомъ зубовнымъ преклониться передъ тарифными ставками и что внъшняя политика Англіи есть чисто торговая политика, безъ всякихъ идеальныхъ побужденій и цілей; но для лицемърныхъ лавочныхъ интересовъ нъмецкой буржуазіи это не подходило, и она отнюдь не желала, чтобы ея излюбленная газета разрушала любимыя мечты ея; когда Вухеръ послъ объявленія амнистіи возвратился на родину, то старые единомышленники встрътили его весьма нелюбезно. "Національная Газета" отказалась отъ него, а собственникъ ея, Вольфъ, вообразилъ, что оказываеть необычайное великодушіе, когда даль Бухеру мизерно оплачиваемое мъстечко въ своемъ телеграфномъ бюро для "подкрашиванія" депешъ. Достаточно было Вольфу увършть, что Бухеръ — ярый еретикъ, чтобы "либеральная партія", какъ впоследствіи сознался самъ Унру, сняла съ себя всякую отвътственность за судьбу Бухера. Нъмецкая буржуазія всегда мелко плавала и поражала своимъ ничтожествомъ по сравнени съ англійской и французской; но тъмъ большую злость и жестокость проявляла она издавна въ искусствъ морить голодомъ всякаго изъ ея собственной среды, кто дерзнуль бы усомниться въ ея величіи. Это обстоятельство окончательно сломило Бухера, который никогда не обладаль особенной жизненной энергіей. Когда Лассаль въ философскомъ обществъ" пошелъ ему навстръчу съ открытымъ кошелькомъ и открытымъ сердцемъ, то Бухеръ уклонился съ робкимъ недовъріемъ, котораго онъ никогда не могъ окончательно преодольть, хотя съ теченіемъ времени оно нъсколько смягчилось.

Лассаль и Бухеръ въ продолжительныхъ бесъдахъ обсуждали политическое положеніе, создавшееся въ началъ 1862 года. На объщанные геройскіе подвиги прогрессистской партіи Лассаль не возлагаль большихъ надеждъ; но тъмъ съ большимъ жаромъ отдался онъ идев оживить массы для революціонныхъ цълей. Первая встръча его съ Бухеромъ состоялась 21-го января. При этомъ Лассалъ высказалъ планъ опереться на ударъ, который собиралась нанести Австріи итальянская партія действія, но, по сознанію Бухера, онъ никогда болъе къ этому не возвращался. Этотъ планъ былъ для него лишь конкретной исходной точкой для принципіальнаго обсужденія, которое сводилось къ вопросу, возможно ли въ Германіи низвергнуть или уничтожить существующій порядокъ (или безпорядокъ) вещей. Бухеръ считалъ возможнымъ низвержение, но не уничтожение. На слъдующий день Бухеръ написалъ Лассалю: "То, чъмъ вы счи-

таете возможнымъ замънить буржуазный порядокъ, меня не удовлетворяеть. Всв меропріятія, которыя вы перечисляете, все же носять чисто политическій, можно сказать-юридическій характеръ и построены на старомъ соціальномъ фундаментъ; они способны лишь создать новыхъ буржуа. И эти-то новын имущественныя отношенія, новыя по выступленію на сцену новыхъ лицъ, а не въ силу, если можно такъ выразиться, химическихъ свойствъ владенія, нуждаются для того, чтобы ихъ удержать-въ безпрерывной войнъ, въ терроризмъ ничтожнаго меньшиства. Я оцъниваю ихъ на основаніи статистическихъ источникові и моего основательнаго знакомства съ сельскимъ населеніемъ въ восточныхъ провинціяхъ". Это возможно лишь въ томъ случав, если меньшиство можетъ предложить большинству какое-нибудь удовлетвореніе или, по крайней мъръ, въру. "Итакъ, я возвращаюсь къ своимъ старымъ словамъ: popolo (народу) недостаетъ dio (бога), а намъ того, за что мы могли бы съ честью погибнуть". Изъ этого письма Бухера вытекаетъ, что Лассаль, въроятно, познакомилъ его въ общихъ чертахъ со своимъ планомъ будущей агитаціи. Слова Вухера о политико-юридическихъ мъропріятіяхъ, построенныхъ на старомъ соціальномъ фундаментв, содержатъ, въ сущности, все, что впослъдствіи возражали по поводу предложенныхъ Лассалемъ производительныхъ ассоціацій при помощи государственнаго кредита

Лассаль написаль отвёть, въ которомъ онъ самымъ рёшительнымъ образомъ протестуеть противъ недоразумёнія, будто-бы "тё мелочи составляють сущность его соціальной программы". Онъ набросаль ихъ лишь мимолетно, не входя въ болёе глубокія экономическія объясненія, и при этомъ категорически подчеркиваеть, что съ ними можно согласиться еще съ чисто юридической точки зрёнія, не становясь непремённо на соціальную почву. Удивительно прямо, какъ пдеологія Лассаля тотчасъ начинаеть улетучиваться,

какъ только онъ переходить къ практическимъ дъйствіямъ. Энъ адъсь ясно показываеть, что соціальный вопрось нашего времени не можеть быть разръшень, если оставаться на юридической почвв, а этого онъ еще не знаетъ въ своей "Системъ пріобрътенныхъ правъ". "Необычайно удачное выраженіе" Бухера по поводу "химическихъ свойствъ владвнія" служить въ его глазахъ несомнъннымъ доказательствомъ, что они поймуть другь друга, и Бухерь справедливо указываеть на соціальную программу, какъ на коренной источникъ, говоря что всв политические вопросы суть лишь послъдствія его. "Для соціалиста, подобнаго мнъ, слъдовательно, могуть быть только симпатичными тъ черты ваши, которыя я узналъ; это подтверждаеть, что я на върномъ пути, что всякій серьезно мыслящій неизбъжно самъ собою приходить къ тому же источнику, изъ котораго и я черпаю ясность и разръшеніе, успокоеніе и увъренность". Лассаль признавалъ уже Бухера, и имъ оставалось лишь обсудить нъкоторые научно-критические вопросы.

Но, стряхнувъ съ себя юридическую идеологію, Лассаль все еще не можеть раздълаться съ философской идеологіей. По его мивнію, мистическое упоминаніе Мадзини о Богъ означаеть лишь то, что онъ всегда считалъ необходимымъ условіемъ новаго мірового принципа, который долженъ обладать силой изъ самого себя создавать новую форму общественности, изъ которой уже вытекаетъ политическая форма и основа новой этики. Этимъ Лассаль обрисовываетъ основныя мысли своей будущей программы рабочихъ. Лишь тоть принципъ, который, вместе съ темъ, имеетъ моральную основу, можетъ служить исходной точкой новаго мірового состоянія, сділаться универсальнымъ въ дъйствительности, какъ и въ наукъ. "Если бы монтаньяры 1793 года встали теперь изъ гроба, то для настоящаго момента они были бы революціонерами только въ собственномъ воображении". Наоборотъ, гуманная мысль обладаеть въ высшей степени способностью развернуться въ такую цёлость.

Второе свиданіе, о которомъ Лассаль просить Вухера въ этомъ письмъ, затъмъ состоялось. 9-го февраля Лассаль пишеть Рюстову, что послів этой второй бесізды, которая длилась 8 часовъ и въ которой онъ вынужденъ быль развернуть и разобрать экономическую науку во всей ея цълости. Бухеръ призналъ себя убъжденнымъ и сторонникомъ Лассаля; самъ же Бухеръ послѣ смерти Лассаля утверждаль въ отчетъ, представленномъ Бисмарку, который сдёлался теперь его начальникомъ, что Лассаль нисколько не убъдиль его въ той бесъдъ. Но такъ какъ въ этомъ отчетъ Бухеръ относится съ полнымъ уваженіемъ къ Лассалю, то нельзя мать, что онъ просто лжеть. Скоръе оба они были правы, или, какъ выражается Бухеръ, между ними было много точекъ соприкосновенія, но существовалъ и контрастъ, который постоянно вновь давалъ себя Лассаль, какъ метафизикъ и гегельянецъ, всегда исходиль отъ общаго къ частному, отъ абстрактнаго къ конкретному; онъ же, Бухеръ, по своей реалистической натурь, недостаточному знакомству со школьными системами и благодаря десятилътнему пребыванію въ Англіи, склоненъ быль всегда идти обратнымъ путемъ. Такъ случилось и во время упомянутой бесёды. "Въ результате была солидарность нашихъ представленій, что касается сущности общества и хода исторіи вообще; но старый конфликть тотчасъ обнаружился между нами, и притомъ въ такой формъ, что онъ, исходя отъ развитія идей въ исторіи, ожидаль реализированія ближайшей фазы немедленно и еще во время жизни его, я же, наоборотъ, основываясь на изучени классовъ и группъ, какъ они представлялись мив въ отдельных типахъ, основываясь на естественномъ эгонамъ однихъ и косности другихъ, ожидаль продолжительнаго сопротивленія, которое матерія окажеть мысли. Я думаль, что пройдуть поколівнія, прежде чёмъ новыя экономическія формы пробьють себё дорогу". Вухеръ прибавляєть, что Лассаль очень серьезно отнесся къ его возраженіямъ, но что особенно сильное впечатлёніе произвели на него слова Лессинга: "во всё времена были люди, которые имёли вёрный взглядъ на будущее и только не могли дождаться этого будущаго. Имъ страстно хотёлось, чтобы тутъ же, при жизни ихъ, въ моментъ созрёло то, на что исторія требуетъ столётій". Но затёмъ взяло верхъ вліяніе другой страстной личности, и Лассаль предприняль свою агитацію въ надеждё, которую онъ часто высказываль своимъ друзьямъ, что ему придется еще дожить до радостей побёды".

Это изложеніе носить печать искренности и вполнъ гармонируеть съ изложеніемъ Лассаля. "Въ общемъ" Бухеръ сочувствоваль ему, ихъ раздъляла не столько противоположность убъжденій, сколько противоположность темпераментовъ. Оба они чувствовали это инстинктивно. Лассаль, возвъщая о своей побъдъ Рюстову, прибавляль, что онъ еще посмотрить, долго ли будетъ продолжаться обращеніе Бухера. Тогда какъ Бухеръ не могъ объяснить себъ сопротивленія Лассаля его возраженіямъ иначе, какъ вліяніемъ другой страстной личности.

Какъ извъстно, сомивнія Лассаля въ постоянствъ Бухера, оказались слишкомъ основательными, и духовный поединокъ между ними, съ точки зрънія его практическихъ послъдствій, не заслуживаль бы особаго упоминанія въ исторіи нъмецкой соціаль-демократіи. Но онъ въ высніёй степени заслуживаеть того, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ даетъ возможность заглянуть въ происхожденіе лассалевской агитаціи среди рабочихъ. Онъ окончательно разсъиваеть ходячую легенду, будто бы Лассаль началь эту агитацію изъ одного лишь оскорбленнаго честолюбія или другихъ низменныхъ мотивовъ. Наоборотъ, мы убъждаемся, что она была съ самаго начала задумана въ широкомъ

стиль, что ея свътлая и тыневая стороны нераздыльно переплетались между собой и что она вытекала изъ глубокаго и непоколебимаго убъжденія. Весьма въроятно, что возраженія Бухера сильно подъйствовали на Лас-Бухеръ привязался къ Лассалю, насколько, вообще, допускала его замкнутая натура. Вухеръ самъ признавался, сколько усилій ему нужно было сділать, сколько труда ему стоило судить такъ объективно, котя онъ имълъ всъ основанія ненавидъть этотъ старый міровой порядокъ. Притомъ же его возраженія отнюдь не были взяты съ вътру. Бухеръ гораздо основательнве зналъ не только сельскій пролетаріать восточной Эльбы, чъмъ Лассаль, но и развитіе крупнаго капитала и игру его непреложныхъ законовъ. Столь важное въ экономическомъ отношении десятилътие 1850 до 1860 онъ прожилъ не въ Дюссельдорфъ и Берлинъ, а въ Лондонъ и Парижъ. Насколько мы въ состоянін провърить теперь возраженія Бухера, они довольно близко подходять къ тому, что можеть выставить противъ Лассаля объективная историческая критика.

И все же Бухеръ страшно ошибался, воображая, что Лассаль сдълался глухъ къ его возраженіямъ подъ вліяніемъ графини Гацфельдть или, вообще, кого бы то ни было. Лассаль быль несравненно болве чутокъ, чъмъ онъ, -- и только шумъ неудержимо надвигающейся грозы будущаго звучаль для него сильнее и заглушалъ предостерегающій голось настоящаго. Ни въ чемъ такъ ръзко не выразилась оригинальная мощь, такъже какъи оригинальная слабость лассалевскаго идеализма, какъ въ этомъ диспутъ съ Бухеромъ, который затымъ повторился въ аналогичной формы съ Циглеромъ и Родбертусомъ. То, что возражали ему друзья его "съ болве реалистическимъ складомъ", имъло достаточно основанія; но Лассаль быль болье проницателенъ, имълъ болъе глубокій и широкій взглядъ, чвиъ всв они, -- и онъ думалъ, что, невзирая на все положение дель достаточно созрело для сильнаго толчка

человъческой руки, который привелъ бы, наконецъ, его въ движеніе. Не мечтатель былъ онъ, а геній, который върнымъ взглядомъ охватилъ самую сущность вещей. Человъкъ, взятый во всей цълости, все же представляетъ нъчто другое, чъмъ тысячи отдъльныхъ частицъ, изъ которыхъ онъ состоитъ. И сколько бы онъ йи ошибался въ частностяхъ, онъ все же можетъ имъть на своей сторонъ историческое право.

3. Лассаль и прогрессистская партія.

Такимъ образомъ, Лассаль началъ свою политику настоящаго. Кампанія, которую онъ велъ съ весны 1862 до весны 1863, была изъ всъхъ его камианій самая значительная и плодотворная, а вмъстъ съ тъмъ, если можно такъ выразиться, самая законченная въ художественномъ отношеніи и самая чистая съ человъческой точки зрвнія. То быль истинный шедеврь революціонной стратегіи, который развертывался съ возрастающей силой, согласно извъстному плану. Началось дёло съ веселой гусарской перестрёлки; затъмъ --- движеніе впередъ сомкнутыми рядами несокрушимой логики, съ хладнокровно обдуманной тактикой, не поступаясь, однако, принципомъ. И, въ заключеніе, жельзный ударь молота, разбивающій ворота, черезъ которыя пролетаріатъ, сознавши свои классовые интересы, долженъ былъ совершить свое побъдоносное вступленіе въ нізмецкую исторію.

Подобно Марксу и Энгельсу въ 1848, Лассаль въ 1862 году примкнулъ къ крайнему концу буржуазнаго движенія. Несмотря на весь горькій опытъ, доставленный ему либерализмомъ въ дни новой эры, Лассаль твердо придерживался возгрвнія, которое руководило имъ въ 50-хъ годахъ:, не нападать на буржуазный классъ и не ослаблять его, а поддерживать и толкать впередъ, пока была еще какая-нибудь надежда, что онъ выполнитъ историческую миссію буржуазіи и покончить съ самодержавно-феодальной реакціей. Благо, даря тупому упорству короля, прогрессистская партія

имъла за себя почти всю страну и уже, во всякомъ случав, наиболю развитые въ политическомъ отношеній элементы населевія: на ряду съ пробуждающимися слоями рабочаго класса — наиболю сильные и дъятельные элементы бюргерства. Лассаль поняль это обстоятельство, хотя не дълалъ себъ никакихъ иллюзій. Стоило труда попытаться двинуть впередъ прогрессистскую партію. И если бы даже эта попытка была совершенно безнадежна, то все-таки нужно было сдълать ее. Пока прогрессистская партія не доказала воочію, передъ лицомъ всего народа, что она не въ состояніи разръшить возложенную на нее историческую задачу, то не имъло смысла, игнорируя ее, переходить къ очереднымъ дъламъ.

Первой жертвой подъ лассалевскимъ мечемъ палъ Юліанъ Шмидтъ, который перекочевалъ изъ "Grenzboten" въ "Berliner Allgem. Zeitung".

Этотъ органъ государственныхъ людей новой эры возмутительно нападаль на прогрессистскую партію. Скромное и справедливое предложение ея точные спеціализировать бюджеть онъ истолковаль совершенно въ духъ продажныхъ оффиціозныхъ писакъ, въ смыслъ желанія "заподозрить" министра финансовъ фонъ-Патова, который быль "извёстень во всей стране, какъ мастеръ по части управленія и какъ піонеръ конституціонной свободы". Именно, къ этому относился заслуженный ударъ, который нанесъ Лассаль "грабовцу" Юліану Шмидту, а нисколько не буржуазной оппозиціи, какъ таковой, какъ ошибочно принимали. Лассаль быль очень далекъ отъ того, чтобы нападать на опповицію, именно, въ тотъ моменть, когда она стала серьезно осуществлять парламентское бюджетное право. Въ лицъ Юліана Шмидта онъ казнилъ безполезнаго забіяку, который нападаль на прогрессистскую партію за то, что она сдълала ръшительную попытку защитить народныя права.

Но это еще не значить, что Лассаль имвлъ жела-

ніе сыграть роль палача въ отношеніи прогрессистской партін. Въ своихъ "Примъчаніяхъ наборщика", посвященныхъ бравому Юліану, онъ высказалъ лишь цёль. которая указана въ энергично написанномъ предисловіи, онъ хотвлъ лишь протестовать противъ умственнаго отупънія, противъ безсмысленнаго и бездъятельнаго опьяненія словами, подтачивавшаго нъмецкое бюргерство. Онъ остановился на Юліанъ Шмидть, какъ на классическомъ типъ этой литературной и политической испорченности, нисколько не утаивая, что званый одинъ, а избранцыхъ много и что доля вины падаетъ также на мирную публику. Въ этомъ смыслъ, конечно, атака Лассаля была направлена также, и даже прежде всего, противъ прогрессистской партіи. Но это дълалось въ ея собственныхъ интересахъ, и во всемъ сочинении не найдется ни одного слова, которое затруднило бы ей борьбу съ короною. Лассаль бичевалъ литературнаго и политическаго вожака готцевъ, которые постыдно запутались въ борьбъ съ короной, а теперь бросали камни на пути прогрессистской пар-Уничтожение такого рода либерализма могло только вредить коронв и, наобороть, принести пользу буржуазной оппозиціи.

Брошюра Лассаля противъ Юліана Шмидта занимаетъ почетное мъсто среди классическихъ полемичегерманской литературы, пінониго именно потому, что она содержитъ на ряду со многими горькими истинами нъкоторыя натяжки и несправедливости, какъ отмътилъ Альберть Ланге вскоръ послъ появленія ея. То же самое можно сказать и о брошюрахъ Лессинга противъ Клотца и клотціанцевъ, о "Ксеніяхъ" Гёте и Шиллера, а также о литературныхъ сатирахъ Платена и Гейне. Такъ какъ нельзя изгнать борьбы изъ литературы и политики — изгнаніе ея было бы равносильно умерщвленію всякой литературной и политической жизни, -- то нужно примириться съ фактомъ, что на войнъ идетъ, какъ на войнъ. Можно даже сказать, что чёмъ справедливёе такая борьба, тёмъ болёе она бываетъ несправедлива въ навёстномъ смыслё. Правомёрность этой борьбы растетъ по мёрё того, какъ она поражаеть лицо ради дёла; но чёмъ больше она видитъ въ лицё только дёло, тёмъ больше она посягаетъ на личныя права этого лица.

Можно отдавать полную справедливость критикъ, которая заднимъ числомъ доказываетъ, что Клотцы и Шмидты вовсе не были такіе скверные люди, какими изображають ихъ Лассали и Лессинги. Это будетъ лишь долгъ справедливости, противъ котораго меньше всего могли бы возразить Лессингъ и Лассаль. Но это не даеть, вмъсть съ тъмъ, никакого аргумента противъ ихъ самихъ. Они борются съ гнилью и со зломъ, потому что это была гниль и зло, и совершенно правильно игнорирують то обстоятельство, обнаружится ли передъ судомъ потомства тотъ или другой смягчающій факть. Лассаль быль даже въ этомъ отношеніи снисходительные, нежели его знаменитые предшественники. Онъ открыто высказываль, что публицистическая дъятельность Юліана Шмидта была продуктомъ общаго процесса разложенія. Онъ выдаваль бідному грівшнику, привлеченному имъ къ мъсту казни, всв почести, принадлежавшія королю подлой шайки. Самая форма "Примъчанія наборщика" уже съ самаго начала исключала мысль, что онъ требоваль буквальнаго пониманія всвхъ твхъ задорныхъ шутокъ, которыя онъ позволяль себв по отношенію къ своей жертвв. По существу Лассаль велъ справедливую и честную борьбу, за которую всв истинные люди науки благодарно пожимали ему руку, за которую и теперь еще поблагодарить его всякій, кто заглянеть въ "Исторію литературы" Юліана Шмидта съ ея злобными и безсодержательными издівательствами надъ німецкой классической литературой и философіей.

Въ этой брошюръ Лассалю помогаль еще Бухеръ. Но затъмъ Лассаль самостоятельно выступиль съ двумя рѣчами, въ которыхъ онъ знакомилъ буржуваный и рабочій классъ съ политическимъ положеніемъ. Его лекція "О сущности конституціи", которую онъ прочелъ подрядъ въ четырехъ окружныхъ ферейнахъ, внесла необходимую ясность въ тогдашній избирательный пароль прогрессистской партіи, согласно которому шла рѣчь о спасеніи конституціи.

Лассаль изследоваль сущность конституціи и доказываль, что подобно тому, какъ каждый организмъ имветь свою конституцію, такъ имветь свою конституцію и каждая страна. Въ каждой странъ должны въдь существовать какія-нибудь фактическія соотношенія силь, и эти фактическія соотношенія силь и составляють всегда действительную конституцію страны. Лассаль съ поразительной наглядностью развиваеть элементы конституціи: король, которому повинуются войско и пушки; аристократія, которая имъетъ вліяніе на дворъ и короля, крупная промышленность и крупная торговля, банкь и биржа, въ извъстныхъ границахъ также всеобщее сознаніе и, наконецъ, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ народная масса. Подобныя реальныя конституціи всегда существовали и должны были всегда существовать. Что составляеть особенность новъйшаго времени, это-не дъйствительныя конституціи, а писанныя конституціи, или листь бумаги.

Откуда же является потребность въ писанныхъ конституціяхъ? Очевидно, причина кроется въ томъ, что въ странахъ, гдъ она возникаетъ, наступила перемъна въ дъйствительныхъ соотношеніяхъ силъ. Общество, въ которомъ дъйствительныя соотношенія силъ не измънились, не чувствуетъ никакой потребности въ новой конституціи. Въ новъйшее время эта потребность родилась изъ колоссальнаго развитія бюргерства, сила котораго превзошла силу короны и дворянства,—бюргерство не желаетъ оставаться больше безвольной управляемой толпой. Оно желаетъ само

управлять и сдёлать государя орудіемъ своей воли И въ интересахъ своего господства оно стремится собрать и закрѣпить въ одномъ документѣ всѣ учрежденія и принципы управленія страны. Но, съ другой стороны, сила его, хотя фактически большая, не организована и поэтому не можеть состязаться съменьшей, но организованной силой, которой располагаеть король въ видѣ арміи и пушекъ. И только тогда, когда управленіе и руководство національными дѣлами ведется долго въ духѣ, противорѣчащемъ волѣ и интересамъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свою, неорганизовавную, но превосходную силу. И тогда наступаеть 18 марта 1848 г.

Въ этотъ день старая конституція страны была разрушена и требовалось создать новую конституцію. Что же нужно было дълать? Берлинскому Національному Собранію предстояло создать действительную конституцію, которая намінила бы существующія въ странъ реальныя соотношенія силь въ смыслъ, благопріятномъ для гражданъ, и предоставить въ ихъ распоряжение организованную силу войска и пушекъ. Тогда бы она могла въ три дня сдълать писанную конституцію. Но вибсто этого она тратила на пустяки драгоцънное время и когда, наконецъ, предложеніемъ Штейна сдъланъ былъ первый робкій шагь, чтобы овладъть арміей, тогда вся буржувзія и половина страны подняли шумъ: не заниматься ненужными дълами, не ссориться съ министерствомъ, а во что бы то ни стало дълать конституцію! И, конечно, корона воспользовалась своими несломленными орудіями силы и-разогнала собраніе.

Корона, съ своей стороны, гораздо лучше уразумъла сущность конституціи. Одержавъ побъду, она нисколько не думала о томъ, чтобы написать реакціонную конституцію. Наобороть, она по собственной ниціативъ даровала довольно либеральную писанную

конституцію. Первой же практической мірой ся было распущеніе гражданскаго ополченія, разоруженіе гражданъ. "Обезоружить побъжденныхъ-въ этомъ главная задача побъдителя, если онъ не желаетъ допустить, чтобы борьба въ каж, ую минуту снова возгорълась". Корона, одержавшая побъду, могла охотно и спокойно даровать писанную либеральную конституцію. пока въ ея рукахъ находились фактическія соотношенія силь. Она могла быть увърена, что дъйствительная конституція будеть шагь за шагомь одерживать побъду надъ писанной конституціей съ такою же роковою необходимостью, какая заключается въ законъ тяготънія. Такъ, дъйствительно, и случилось. "Ни одно знамя, хотя бы оно побывало въ сотняхъ сраженій, не представляется такъ изодраннымъ и продыравленнымъ, какъ наша конституція". Если же мы, твмъ не менве, съ лихорадочнымъ трепетомъ группируемся вокругъ этого жалкаго обрывка знамени, то это свидътельствуетъ лишь о нашемъ страхъ, о томъ, что въ писанной конституціи мы все еще признаемъ нъчто, противоръчащее дъйствительному соотношенію сил'ь.

Тамъ, гдъ писанная конституція соотвътствуетъ дъйствительному соотношенію силъ, тамъ никогда не случается, чтобы та или другая партія поставила себъ лозунгомъ сохраненіе конституціи. Такую конституцію никто не ръшится атаковать. Но если фактическія соотношенія силъ противоръчатъ писанной конституціи, то послъдняя безноворотно погибла,—и никакой богъ, никакіе крики не спасутъ ея. Она подвергнется измъненію либо вправо, въ смыслъ приспособленія къ реальнымъ соотношеніямъ силъ организованной власти, либо измънится влъво, при чемъ неорганизованная сила общества вновь докажетъ, что она сильнъе организованной силы войска и пушекъ. Но во всякомъ случать она измънится.

Лассаль такъ резюмировалъ свое воззръніе: "Во-

просы конституцін суть прежде всего вопросы силы, а не права. Дъйствительная конституція страны заключается лишь въ реальныхъ фактическихъ соотнопеніяхъ силъ, которыя существують въ странв. Писанныя же конституціи тогда только имфють ценность и прочность, когда онв являются точнымъ выраженіемъ дійствительнаго соотношенія силь, существующаго въ обществъ". Онъ прибавляеть еще, что сказанное о войскъ, какъ самомъ ръшающемъ и важномъ орудін организованной силы, относится, конечно, и жь организаціи служащихъ въ судебномъ въдомствъ, въ администраціи и т. д. Безъ единаго намека съ его стороны слушатели сами начинають ясно понимать, изъ какой потребности возникло стремление правительства къ реорганизаціи армін. Онъ закончилъ такъ: "М. Г. Корона располагаетъ практическими служителями, а не краснобаями, но такихъ практическихъ слугъ можно было бы пожелать и вамъ".

Въ настоящее время почти непонятно-хотя это еще и рѣзче свидътельствуеть о господствовавшемъ тогда смятенія,-что такая річь, різко затронувіпая больной нервъ положенія, повидимому, не произвела большого впечатленія на техь, къ кому она была обращена. Въ окружныхъ ферейнахъ, гдъ говорижъ Лассаль, разсужденія его встръчали обычное одобреніе, а изъ особеннаго уваженія къ оратору, по просьбъ его, воздерживались отъ куренія табаку, пока онъ говорилъ. А въ общемъ-эти добрые люди какъ будто совсвиъ не замвчали того, что Лассаль поднесъ имъ совершенно иную пищу, чъмъ ходячія фразы, къ которымъ они, вообще, привыкли. Конечно, вожаки прогрессистской партіи не могли же такъ грубо заблуждаться, въроятно, понимали, куда мътилъ Лассаль. Но имъ уже тогда было извъстно тонкое средство по возможности замазывать неудобныя вещи, пока овечки ихъ не особенно безпокоились; зачъмъ было имъ преждевременно связываться съ Лассалемъ!

Несравненно больше вниманія, чёмъ со стороны краснобаевъ, оказано было рёчи Лассаля "практическими слугами" короны. "Крестовая Газета" заявила, что Лассаль, въ свое время извёстный еврей-революціонеръ, съ вёрнымъ инстинктомъ попалъ въ самую точку и еще не все сказалъ, что онъ знаетъ и думаетъ. Это былъ языкъ юнкеровъ, которые желали, какъ можно скорёе и какъ можно непоправимёе, поссорить корону съ буржуазнымъ классомъ. Само правительство держалось осторожнёе: военный министръ фонъ-Роонъ и "Sternzeitung" обвинили Лассаля въ разрушительныхъ тенденціяхъ.

Если въ этой рѣчи Лассаль предостерегалъ буржуазный классъ: берегитесь, не повторяйте прежнихъ глупостей, благодаря которымъ вы проиграли игру въ 1848 году, то въ другой рѣчи, произнесенной имъ 12 апръля 1862 г. въ ремесленномъ ферейнъ Ораньенбургскаго предмъстья передъ машиностроительными рабочими этого квартала, онъ говоритъ: не забывайте, что въ общей гражданской оппозиціи вы являетесь представителями особыхъ интересовъ. Эту рѣчь Лассаль, впослъдствіи, назвалъ "Программою работниковъ". Въ ней онъ желалъ разсмотръть "особую связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія".

Чтобы освътить свою тему, Лассаль заглянулъ сперва въ исторію, въ прошлое, правильное пониманіе котораго всегда открываеть смысль настоящаго и намъчаеть впередъ контуры будущаго. Въ средніе въка господствующимъ принципомъ было землевладъніе, которое коренилось въ экономически хозяйственномъ строт этого въка въ положеніи его производства. На землевладъніи покоилась общественная власть, ленное устройство, общественное право, государственный строй. покоилось освобожденіе отъ податей крупнаго землевладънія и низкое соціальное положеніе всякаго другого труда помимо земледълія.

Далъе, Лассаль подробно развивалъ, какъ прогрессъ промышленности буржуазнаго производства, все болъе развивающагося раздъленія труда и вознакопленіе капитала — повели никшее отсюда разрушенію среднев вковой общественной организаціи. Это историческое изложеніе опирается, нымъ образомъ, на "Коммунистическій манифесть", хотя оно отнюдь не является плагіатомъ, но продумано совершенно самостоятельно. Тихій, незамітно революціонирующій, прогрессъ промышленности подорвалъ могущество землевладћия. Революція танлась уже въ нъдражъ общества задолго до того, какъ она вспыхнула во Франціи. "Это, вообще, имъеть мъсто во всъхъ революціяхъ, М. Г.! Революцію некогда нельзя сдълать, но мы всегда можемъ добиться послъдовательнаго проведенія и вижшняго правового признанія для революцій, которая уже совершилась въ фактическихъ отношеніяхъ общества. Желать сдълать революцію могуть только глупые и незрълые люди, которые не имъють представленія о законахъ исторіи. Но столь же глупо и служить доказательствомъ неарълости стремленіе двинуть обратно революцію, уже совершившуюся въ общественномъ организмъ, противиться правовому признанію ея и упрежать общество или отдельныхъ лицъ, участвующихъ въ этомъ актъ родовъ, въ томъ, что они революціонны. Разъ революція укоренилась въ обществі, проникла въ фактическія отношенія, то никакая сила не въ состоянін помъшать появленію ея на свъть и переходу въ собраніе законовъ". Прядильная машина, которая разбила средневъковую цеховую организацію и подготовила свободную конкурренцію, -- эта машина была уже сама по себъ живымъ воплощеніемъ революціи.

Во время Великой французской революціи буржуязія, третье сословіе, завоевала правовое положеніе, которое соотвітствовало фактической силів ея. Въ первый моменть она отождествляла себя съ цівлымъ

народомъ и свое дъло съ дъломъ всего человъчества Дъйствительно ли это было такъ или же это третье сословіе-буржуваія-носило еще въ своемъ сердпъ четвертое сословіе, отъ котораго оно, въ свою очередь, желало юридически отграничиться и подчинить его своей власти? Лассаль разъясняль понятіе о буржуазін въ томъ смыслъ, что во время французской революціи буржуваный классь еще состояль, какъ и теперь, изъ 2-хъ подклассовъ: изъ лицъ, которыя всецъло или главнымъ образомъ живутъ своимъ трудомъ и не имъють поддержки въ капиталъ. или же располагають очень скромнымъ капиталомъ, и изъ лицъ, которыя обладають крупнымь бюргерскимь имуществомъ, крупнымъ капиталомъ и производять уже, опираясь на этоть большой капиталь или же извлекають изъ него ренту. Такой богатый гражданинъ самъ по себъ еще не есть буржуа, --если онъ пользуется лишь удобствами своего положенія у себя дома, то нътъ ничего проще, естественнъе и законнъе. Но если этотъ богатый гражданинъ не удовлетворяется фактическими преимуществами крупной собственности, а желаеть вплести этотъ факть въ правовое условіе политическаго господства, то онъ становится буржуа. Въ этомъ смыслъ третье сословіе, достигшее власти, благодаря французской революціи, признавало себя буржувзіей: оно подчинило народъ своему привилегированному политическому господству. Подобно тому, какъ въ средвіе въка дворянство сдълало землевладъніе господствующимъ принципомъ всъхъ общественныхъ учрежденій, такъ поступила теперь буржуазія въ отношени капитала.

Лассаль доказываль это цёлымъ рядомъ аналогичныхъ фактовъ. При помощи выборовъ, основанныхъ на цензѣ, буржуазія дѣлаетъ количество уплачиваемыхъ налоговъ и, стало быть, въ концѣ концовъ, обладаніе капиталомъ, — масштабомъ, которымъ опредъляется право выборовъ въ палаты, или, другими

словами, участіе каждаго отдёльнаго лица въ управленіи государствомъ. Затъмъ, при помощи косвенныхъ налоговъ, которые буржуваня хотя и не изобръла, но разработала въ неслыханную систему, она освободила крупный капиталь отъ налоговъ, т. е. добилась для него такой же льготы, какою пользовалось вы средніе въка крупное землевладъніе; при этомъ Лассаль указалъ на оригинальное противоръчіе и своеобразную справедливость такого порядка: почти совокупныя потребности государственнаго хозяйства удовлетворяются изъ косвенныхъ налоговъ, т. е. вся тяжесть ихъ взваливается на бъдные классы народа; масштабомъ же и избирательнаго права, а слъдовательно, и политического господства являются прямые налоги, которые въ общемъ бюджетъ прусскаго государства въ 108 милліоновъ покрывають лишь ничтожную часть въ 12 милліоновъ. Съ какимъ соціальнымъ презръніемъ относятся къ тъмъ, которые, какъ бы, и сколько бы они ни работали, не обладають буржуазной собственностью, - это, къ сожальнію, слушателямъ его довольно часто приходилось наблюдать въ жизни гражданъ. Въ нъкоторыхъ отношеніяхъ буржувзія идеть даже дальше феодальнаго дворянства: при помощи залоговъ и штемпельнаго сбора она превращаеть въ привилегію капитала обученіе варослаго населенія, которое въ средніе въка лежало на духовенствъ, а въ новъйшее время возлагается на періодическую печать.

Однако, и этотъ историческій періодъ по существу пережиль себя, хотя съ вившней стороны это трудно сказать. "24 февраля 1848 г. взошла первая заря новаго историческаго періода. Въ этотъ день во Франціи, въ той странъ, гдъ мощная внутренняя борьба, гдъ побъды и пораженія свободы означають побъды и пораженія всего человъчества, вспыхнула революція, которая призвала рабочаго въ члены временнаго правительства, которая провозгласила цълью

государства улучшение участи рабочаго класса и, виъстъ съ тъмъ, установила всеобщее и прямое избирательное право; согласно послъднему, всякій гражданинъ, достигшій 21-го года, независимо отъ своего имущественнаго положенія, принимаеть равное участіе въ управленіи государствомъ, въ опредъленіи воли и цъли государства". Если революція 1789 года была революціей 3-го сословія, то отныні 4-ое сословіе, которое въ 1789 году таилось еще въ складкахъ 3-го сословія и какъ будто сливалось съ нимъ, провозгласило свой принципъ господствующимъ припципомъ общества и пожелало, чтобы этимъ принципомъ были также проникнуты всв общественныя учрежденія. Послъ этого Лассаль доказываеть совершенно въ пухв "Коммунистического манифеста", что это послъднее и низшее сословіе, этотъ обездоленный общественный классъ, не въ состояніи больше выставить и установить никакого исключительнаго условія ни въ правовомъ, ни въ фактическомъ отношении. Что это 4-е сословіе, въ сердцъ котораго не таится ни малъйшаго зародыща какой-либо новой привилегированности, именно, поэтому совпадаеть со всемъ человъческимъ родомъ. Его дъло есть поистинъ совокупнаго человъчества, его свобода — свобода самого человъчества, его господство — господство всъхъ. Кто признаеть идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, тотъ не даетъ сигнала ко враждъ между общественными классами, нъть, это призывъ къ примиренію, къ единенію, призывъ къ любви. Этотъ призывъ, однажды вырвавшись изъ сердца народа, навсегда останется его истиннымъ лозунгомъ и по своему внутренному содержанію будетъ лозунгомъ любви даже тогда, когда онъ грянетъ, какъ боевой кличъ народа.

Лассаль разсматриваль принципь рабочаго сословія, какъ господствующій принципь общества съ народной точки зрівнія: со стороны формальныхъ средствъ его осуществленія, затъмъ въ отношеніи его нравственнаго содержанія и въ отношеніи присущаго ему политическаго возарънія на цъль государства.

Формальнымъ средствомъ его осуществленія служить всеобщее и прямое избирательное право. Это не волшебный жезлъ, который предохраняеть отъ мимолетныхъ ошибокъ, но это единственное средство, которое съ теченіемъ времени само исправляетъ ошибки, къ которымъ можетъ вести неправильное пользованіе имъ въ данный моменть. Это — копье, которое само исцёляетъ наносимыя имъ раны. Въ концё-концовъ, при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правъ, избранное собраніе представителей является точнымъ и върнымъ отраженіемъ избирающаго его народа.

По своему нравственному содержанію принципъ рабочаго сословія, если бы онъ получиль господство, вызваль бы такой расцевть правственности, культуры и науки, какого еще никогда не было въ исторіи. Развитіе народовъ, духъ исторіи съ отдаленныхъ временъ уже ведетъ все къ большему сокращенію привилегій, которыя обезпечивали высшимъ сословіямъ положение ихъ, какъ высшихъ и господствующихъ классовъ. Желаніе удержать эти привилегіи, личный интересъ, приводить поэтому каждаго члена высшихъ сословій — если только онъ широтой своего вагляда не можеть подняться выше своего личнаго бытія, — приводить его съ самаго начала въ привципіально-враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію образованія и науки, къ прогрессу культуры и ко всемъ, вообще, проявленіямъ и победамъ исторической жизни. Это противоръчіе необходимо создаетъ глубокую безнравственность высшихъ сословій. Иное діло низшіе классы. Правда, къ сожалънію, и у нихъ имъется еще достаточная додя эгоизма, гораздо больше, чёмъ слёдовало бы. Но тамъ, гдъ этотъ эгонзмъ есть. онъ является недостаткомъ отдъльныхъ лицъ, но вовсе не составляетъ неотъемлемаго порока всего класса. Самый умъренный инстинкть подсказываеть уже членамъ низшаго класса, что, поскольку каждый изъ нихъ думаетъ телько о себъ и имъетъ въ виду лишь свои личные интересы, онъ не можетъ разсчитывать на существенное улучшеніе своего класса. А поскольку низшіе классы общества стремятся къ улучшенію судьбы своего класса, личный интересъ ихъ по своему направленію всецъло совпадаеть съ развитіемъ всего народа, съ побъдою идеи, съ жизненнымъ принципомъ самой исторіи, которая заключается но въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи свободы. "Вы находитесь въ счастливомъ положеніи, ибо все то, что составляеть истинный личный интересъ вашъ, совпадаетъ съ біеніемъ пульса исторіи, съ движущимъ жизненнымъ принципомъ нравственнаго развитія". Вотъ почему рабочіе могутъ отдаться историческому развитію съ личною страстностью и могуть быть увърены, что они будуть тъмъ нравственные, чымь глубже и пламеные будеть эта страстность въ изложенномъ здесь чистомъ смысле.

Наконецъ, въ твснъйшей связи съ этимъ находитси то, въ чемъ разница въ возарвніи четвертаго сословія и буржуваїй на государство. "Нравственная идея буржуазіи заключается въ томъ, что каждому слъдуеть обезпечить безпрепятственное пользованіе своими силами, — а больше ничего не требуется. Конечно, эта идея вполнъ удовлетворила бы, и мы могли бы признать ее нравственною, если бы мы всъ были одинаково сильны, одинакого умны, равно образованы и богаты. Но такъ какъ на самомъ дълъ этого нътъ и не можетъ быть, то эта идея недостаточна и, будучи проведена последовательно, она необходимо приводить къ глубокой безнравственности. Она ведеть къ тому, что болъе сильный, болъе умпый, болъе богатый эксплоатируеть и порабощаеть слабъйшаго. Напротивъ, вравственная идея рабочаго

сословія заключается въ томъ, что одного безпрепятственнаго и свободнаго проявленія индивидуальных ъ силъ еще недостаточно, но для нравственнаго упорядоченія условій общежитія требуются еще: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развити!" Соотвътственно такому различію въ возаръніяхъ буржуазія понимаеть ціль государства таким образомь, что государство должно только лишь гарантировать личную свободу каждаго въ отдъльности и защищать его имущество. Это идея ночного сторожа, - "ночсторожа потому, что она не можетъ себъ иначе представить государство, какъ въ образъ ночного сторожа, функція котораго — предупредить разбой и грабежъ". Если буржуазія желаеть логически дойти до своего последняго вывода, то она должна будетъ сознаться, что признавала бы государство совершенно излишнимъ, если бы не было воровъ и разбойниковъ.

Совершенно иначе понимаеть цёль государства 4-ое сословіе; понимаеть ее такъ, какъ есть на самомъ дълъ. "Исторія это — борьба съ природой, съ безпомощностью, невъжествомъ, бъдностью, безсиліемъ и, слъдовательно, съ неволей во всъхъ ея видахъ, въ которой мы застаемъ человъческій родъ на заръ исторіи. Постепенно достигаемая побъда надъ этимъ безсиліемъ, — въ этомъ заключается развитіе свободы, въ этомъ состоить исторія. Въ такой борьбъ мы никогда не сдълали бы ни одного шага впередъ и никогда ни сдълаемъ его, если бы дъйствовали или пожелали действовать каждый въ одиночку, каждый только за себя. И вотъ назначение государства осуществить это развитіе свободы, привести человъческій родъ къ свободъ. Въ лицъ государства осуществляется объединеніе индивидуумовъ въ одно нравственное цълое, объединеніе, въ милліонъ разъ увеличивающее силы отдельных лиць, включенных въ этотъ союзъ. Силы, которыми располагаеть каждая изъ этихъ еди-

ницъ, возрастаютъ, такимъ образомъ, въ милліонъ разъ". Рабочее сословіе уже въ силу безпомощнаго положенія, въ которомъ находится каждый отдельный членъ его, невольно проникается до глубины инстинктомъ, что назначение государства есть и должно быть въ томъ, чтобы, сливъ отдъльныя единицы, дать имъ возможность достигнуть такого развитія, къ какому каждый въ отдъльности неспособенъ. "Такимъ образомъ, государство, которое подчиняется идев рабочаго сословія, вполн'в ясно, съ полнымъ сознаніемъ поставить своей задачей правственное развитіе, хотя, конечно, и до сихъ поръ всв государства такъ поступали по самой природъ вещей и подъ давленіемъ обстоятельствъ; но они дълали это безсознательно и часто даже противъ воли. Государство осуществляло бы тогда охотно, свободно и со строжайшей последовательностью то, что до сихъ поръ приходилось вырывать у него кусочками противъ воли и жалкомъ и изуродованномъ видъ. Это создало бы такой подъемъ духа, такую сумму счастья, образованія, благосостоянія и свободы, какихъ не видала еще всемірная исторія и въ сравненіи съ которыми бліднъютъ даже самыя прославленныя эпохи прежнихъ временъ".

Эту последовательную цель идей Лассаль характеризуеть, какъ идею рабочаго сословія, и изъ нея, по его мненію, вытекаеть для рабочихь обязанность держаться совершенно иначе. "Всё мысли ваши должны быть поглощены высокимъ всемірно-историческимъ почетомъ, который связанъ съ такимъ назначеніемъ. Вамъ не приличествують боле пороки порабощенныхъ и еще боле праздныя развлеченія тупоумныхъ и даже невинное легкомысліе инчтожныхъ. Вы — та скала, на которой долженъ быть воздвигнутъ храмъ современности". Въ чудныхъ выраженіяхъ развиваетъ Лассаль эту мысль, и онъ считалъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы ему удалось зажечь нравствен-

ное пламя ея хотя бы въ 2-хъ, 3-хъ слушателяхъ. Онъ взываетъ къ рабочимъ не падать духомъ и не поддаваться сомнъніямъ въ своихъ стремленіяхъ. Съ горныхъ вершинъ науки можно раньше увидъть зарю новаго дня, чъмъ внизу, въ всдоворотъ повседневной жизни. И то, что составляетъ часъ въ картинъ каждаго дня природы, то являетъ намъ одно или два десятилътія въ несравненно болъе величественномъ зрълищъ всемірно-историческаго восхода солнца.

Вся оригинальность Лассаля сказалась также въ этой рвчи, и притомъ даже въ большей мврв, нежели въ ръчи "О сущности конституціи". Необычайно ясная и понятная группировка матеріала, строгость логическихъ умозаключеній, увлекательное изложеніе, глубокая симпатія къ пролетаріату, которая освъщаеть н согръваетъ рячь, которой одинаково чужды и холодный разсчеть демагога и слезливый пасосъ сантиментальной натуры, ясное пониманіе задачь, поставленныхъ на разръшение пролетариата въ современномъ буржуазномъ обществъ, - все это дълаетъ "Программу работциковъ" такимъ же великимъ произведеніемъ, какимъ былъ въ своемъ родъ "Коммунистическій манифестъ". Можно сказать даже, что лассалева "Программа работниковъ есть "Коммунистическій манифесть", отраженный въ зеркалъ нъмецкихъ условій.

Этимъ, вмъстъ съ тъмъ, сказано, что она одностороннъе "Коммунистическаго манифеста", но въ этой односторонности кроется, вмъстъ съ тъмъ, ея сила. Лассаль игнорируеть англійскую революцію XVII стольтія, упускаетъ чартистское движеліе, которое задолго до Февральской революціи сдълало всеобщее избирательное право боевымъ кличомъ пролетаріата, не обращая вниманія на классическую форму буржувзіи въ Англіи. Онъ ограничива тся въ своемь изслъдованіи развитіемъ французскихъ и ивмецкихъ условій; и эта односторонность его отнюдь не идетъ въ разръзъ съ истиной. Здъсь нътъ, во-первыхъ, субъективной не

правды, потому что Лассаль на самомъ деле видель вещи такими, какими онъ ихъ изображалъ. Харак теръ его образованія и ходъ развитія достаточно объясняютъ намъ, почему французское и нъмецкое историческое развитіе были для него всегда ближе, нежели англійское. Ніть здісь и объективной неправды, нбо насколько хватало возаръніе Лассаля-оно было върно, а горизонтъ его былъ достаточно широкъ, чтобы объяснить нъмецкимъ рабочимъ, что требуется для нихъ въ настоящемъ и будущемъ. При существовавшихъ условіяхъ "Коммунистическій манифесть" былъ для массъ нъмецкаго пролетаріата книгою, запечатанною семью печатями. При тогдашнемъ уровнъ развитія ихъ и пониманія, онъ въ состояніи быль освітить развъ только слабымъ мерцаніемъ тоть историческій путь, которымъ надлежало идти нъмецкому рабочему классу. Наоборотъ, лассалева "Программа работниковъ" показала имъ, правда, лишь первые этапы этого пути, но зато съ полнъйшей отчетливостью.

При всемъ томъ Лассаль въ "Программъ работниковъ" развертываетъ весьма значительный и весьма важный отдълъ буржуванаго историческаго періода. Собственно, онъ ошибается только по вопросу о залогахъ и штемпельныхъ сборахъ съ газетъ, которому онъ лично отводитъ болъе чъмъ второстепенное мъсто. Къ тому же это были, въ общемъ, орудія самодержавнаго феодальнаго господства, а буржуазія, вообще, боролась съ ними. Главные же признаки, по которымъ Лассаль опредъляеть господство буржуваін, вполнъ соотвътствують дъйствительности. Англійская буржуазія самымъ отчаяннымъ образомъ защищала цензовые выборы во время борьбы за билль о реформъ такъ же, какъ и французская буржуазія во время революціи 1848 года. Всякое расширеніе избирательнаго права разсматривалось и будеть разсматриваться этимъ классомъ, какъ потрясение его господства, и приходилось и всегда придется вырывать у него насильно. Правда, въ Пруссіи трехклассная система выборовъ была дарована самодержавно-феодальной контръ-революціей противъ воли буржуазіи и при бумажномъ протестъ ея. Но въ то время, когда Лассаль обнародовалъ "Программу работниковъ", буржуазный классъ давно созналъ свое минутное заблужденіе и исправилъ его еще болъ пламенной приверженностью къ цензовымъ выборамъ. Насколько враждебно относится нъмецкая буржуазія ко всеобщему избирательному праву тамъ, гдъ оно существуетъ, и насколько упорно она сопротивляется введенію его тамъ, гдъ его еще нъть — это достаточно извъстно.

Точно также обстоить дёло съ косвенными налогами. Когда Лассаль говориль, что буржуваія, собственно, не изобръла этихъ налоговъ, а только лишь развила ихъ въ неслыханную доселъ систему, то онъ собственно повторилъ только то, что сказано было уже Марксомъ въ полемической статью противъ Прудона: "Налогъ на предметы потребленія достигъ своего полнаго развитія лишь съ побъдою буржуазіи". Историческіе факты совершенно подтверждають это воваръніе. Правда, Лассалю сділано было возраженіе, что, именно, въ Пруссіи "буржувзія" не можеть быть отвътственна за введеніе косвенныхъ налоговъ XVII столътіи. И это возраженіе совершенно справедливо, поскольку въ ту эпоху не существовало прусской "буржуваін" въ современномъ смыслв. Фактически, однако, на бранденбургскомъ 1667 года, города добились противъ воли рыцарства введенія акциза, говоря, что онъ "согласуется со словомъ Вожінмъ и природою вещей". Представители городовъ умоляли своего любезнъйшаго отца страны услышать мольбу объ облегчении многихъ тысячъ вадыхающихъ душъ въ городахъ и деревняхъ и ввести повсемъстно въ странъ вмъсто тогдашняго прямого налога, т. н. контрибуціи, налогъ на потребленіе. И чъмъ, повидимому, убъдительные говорить это возраженіе противъ Лассаля, тёмъ больше на самомъ дёлё оно говорить за него. Хотя зачатки современной буржуваім въ бранденбургскихъ городахъ XVII-го столітія были очень жалки, но, тёмъ боліте, пламенная мольба ихъ объ акцизів доказываеть, какъ глубоко коренятся косвенные налоги въ существі буржуванаго историческаго періода.

Лассаль какъ-то выразился, однажды, что косвенные налоги представляють "богатую и мозаичную матерію". Борьба изъ-за этихъ налоговъ, которые при своемъ возникновеніи имъли также цълью уничтожить феодальныя податныя привилегіи дворянства, происходила не только между господствующими и подвластными классами, но и въ средъ самихъ господствующихъ классовъ. Государямъ и юнкерамъ скоро чрезвычайно понравились косвенные налоги, тогда какъ буржувзія сильно боролась противъ нихъ, когда они ко вреду ея стали укръплять силу фиска и феодальной власти, повышать земельную ренту и понижать прибыль на капиталъ. Въ этой борьбъ буржуваная политическая экономія собрала богатый арсеналь оружія противь косвенныхь налоговь, что не помъщало, однако, буржуваной практикъ переложить при помощи налоговъ на потребленіе государственные расходы на трудящіеся классы въ формахъ, которыя исключительно или главнымъ образомъ соотвътствовали ея классовымъ интересамъ. Въ великой исторической связи, въ которой разсматриваетъ эти вещи лассалева "Программа работниковъ", косвенные налоги во время господства буржуваіи несомнівню развились въ неслыханную раньше систему, - и въ этомъ смыслѣ они являются однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ буржуазнаго историческаго періода.

И въ остальныхъ пунктахъ "Программа работниковъ" имъетъ то достоинство, что стремилась отыскать экономическую основу историческаго развитія. Лассалева идеологія сохранилась здісь лишь въ виді очень тонкаго флера, сквозь который всюду видна струящаяся красная кровь жизни. Феодальный "принципъ" выводится изъ способа производства въ средніе въка; "идея рабочаго движенія" фактически разсматривается, какъ пролетарская классовая борьба, и даже разсужденія о государствъ возбуждають возраженіе со стороны содержанія. Въ своемъ письмъ къ Бухеру Лассаль ставить, какъ требование принципа, создание новой общественности, но не новаго государства; а въ "Программъ работниковъ" онъ изучаетъ историческое движение на переворотахъ въ обществъ, а не на государственныхъ переворотахъ. Въ противоположность представленію манчестерцевь о государствъ, какъ о ночномъ сторожъ, преобладавшему тогда въ общественномъ мнънія, нужно было категорически подчеркнуть, что рабочій классь нуждается въ государствъ для осуществленія своей эмансипаціи. Въ этомъ Лассаль вполнъ сходился съ "Коммунистическимъ манифестомъ", хотя онъ забылъ прибавить, что завоеваніе рабочими классами политической власти повлечеть за собою раствореніе государства въ соціалистическомъ обществъ. Но это упущение очень просто объясняется задачей "Программы работниковъ", которая прежде всего имъла цълью будить заснувшее или, вообще, еще не проснувшееся классовое сознаніе пролетаріата. Ничто не показываеть, что Лассаль не сочувствоваль или умышиенно замалчивалъ упомянутый конечный выводъ "Коммунистического манифеста". Насколько онъ старался избъгать всякаго сбивчиваго понятія о государствъ, доказываетъ ръзкое подчеркивание имъ того факта, что государство въ состояни будетъ выполнить свое цивилизаторское призваніе лишь при политическомъ господствъ пролетаріата, тогда какъ до сихъ поръ оно выполняло его лишь безсознательно подъ давленіемъ обстоятельствъ и часто противъ воли его руководителей.

Повидимому, и эта рѣчь Лассаля не произвела непосредственно большого впечатлънія. Избирательная борьба поглотила всв интересы. Участіе въ выборахъ 1862 года было такъ велико, какъ никогда до и послъ этого при трехклассной избирательной системъ. Машиностроительные рабочіе, къ которымъ обратился Лассаль, принадлежали къ самымъ върнымъ сторонникамъ прогрессистской партіи и темъ болье могли проглядьть болье глубокій смысль рычи, что ораторъ отнюдь не имълъ въ виду вызвать въ избирательной борьбъ расколъ. Требование всеобщаго прямого избирательнаго права, единственный практическій выводъ этой річи, также не представляло для нихъ ничего поразительнаго, такъ какъ въ то время въ Берлинъ существовалъ "Народный избирательный ферейнъ", который подъ руководствомъ писателя Адольфа Штрекфуса, одного изъ дъятелей 1848 года, агитировалъ среди прогрессистской партіи за избраніе такихъ кандидатовъ, которые стояли бы за возстановленіе всеобщаго избирательнаго права. Это обстоятельство было, по всей въроятности, достаточнымъ основаніемъ для вождей прогрессистской партіи не подымать большого шума изъ-за ересей Лассаля. Они приняли твердое ръшеніе провалить всеобщее избирательное право, но, вивств съ твиъ, благоразумно остерегались слишкомъ открыто афишировать это благородное намъреніе. Вмъсто этого они прибъгли къ очень хитрой тактикъ — обходить роковой вопросъ неопредъленными фразами. Влагодаря этому усыпляющему методу, агитація, руководимая Штрекфусомъ, вскоръ, дъйствительно, стихла.

Съ гораздо большей проницательностью, нежели буржуваня и пролетарнать, отнеслось къ рвчи Лассаля правительство. Тотчасъ послв отпечатання ея влинев того же года государственный прокуроръ фонь-Шелингъ велвлъ конфисковать ее, и притомъ съ возможно большимъ шумомъ; вмъств съ твмъ, произве-

денъ былъ обыскъ въ квартиръ Лассаля, столь же излишній, сколь и незаконный. И такъ какъ даже для прусскаго государственнаго прокурора было нелегко подвести академическій и строго научный трактать подъ одинъ изъ гибкихъ, какъ каучукъ, параграфовъ, какими кишъло прусское уголовное уложеніе, то, пожалуй, многое говорить за въроятность предположенія, сдъланнаго впослъдствіи Лассалемъ, что онъ быль лишь избранъ козломъ отпущенія, за счеть котораго правительство желало сговориться съ буржувајей. Въ глазахъ тогдашняго министра-президента ф. д. Гейдта лассалева "Программа работниковъ" должна была представляться чёмъ-то ужаснымъ и, по всей вёроятности, судебнымъ преслъдованіемъ Лассаля онъ хотьль дать буржуваін залогь того, что правительство будеть держать ея рабочихъ въ уздъ, если она въ свою очередь одобрить правительственную военную реформу. при конфискаціи рівчи имівлось въ виду дипломатическое спасеніе государства, говорить еще то обстоятельсто, что Ляссалю не было предъявлено тотчасъ же обвиненіе, — весьма ръдкое событіе въ прусской юстиціи, которая, вообще, въ политическихъ процессахъ старается обыкновенно уравновъсить быстротою то, чего ей не хватаетъ въ основательности.

Тъмъ временемъ прогрессистская партія одержала свою великую побъду на выборахъ, и Лассалю приходилось выжидать, — выжидать дальнъйшаго хода событій, выжидать, окажется ли буржуазная оппозиція способною выполнить свою задачу. Въ эти дни онъ обдумываль возможность того, что ему снова придется вернуться къ теоріи. Онъ задумаль написать сочиненіе подъ названіемъ: "Основы научной политической экономіи". Передъ большой публикой онъ снова выступиль 17-го мая ораторомъ отъ "философскаго общества" на празднованіи стольтней годовщины Фихте. Въ этомъ обществъ было много представителей, принадлежавшихъ къ патентованнымъ ученымъ;

въ то время оно было сильно возмущено недостойными выборными махинаціями министра народнаго просвъщенія фонъ-Мюлера и, повидимому, назначая Лассаля своимъ ораторомъ, оно имъло въ виду произвести демонстрацію. Во всякомъ случав, этоть выборъ доказывалъ, что въ то время буржуазныя сферы не видъли еще ничего серьезнаго въ агитаціи Лассаля Рвчь о Фихте и незадолго передъ твмъ статья о Лессингъ, помъщенная въ "Demokratische Studien" Валесроде, показывають крайніе преділы, до которыхъ дошелъ съ идеалистической точки арвнія Лассаль, какъ популярный ораторъ и писатель. Но между объими работами существуеть то различіе, что ръчь о Фихте, сообразно своей задачв, должна была держаться на почвъ философскаго идеализма и что юбинейный ораторъ желаеть выступить въ облаченія Фихте и носить его цвъта, тогда какъ статья о Лессингъ съ большой натяжкой мирится съ идеалистическими конструкціями, скроенными къ тому же по очень доморощенному реалистическому Статья о Лессингъ — единственная изъ лассалевыхъ работь, вь которой онь несколько страдаеть непріятными особенностями прусской демократіи. Наоборотъ, въ ръчи о Фихте онъ, дъйствительно, является намъ на высотъ классической философіи. Вмъстъ съ тъмъ, она была его произвольнымъ привътомъ этой философіи.

Въ іюль 1862 года Лассаль побываль въ Лондонъ и пытался склонить Маркса на сторону своихъ плановъ. Но они не могли сговориться, и послъ этого переписка ихъ прекратилась, хотя настоящаго разрыва не произошло. Свои возраженія Лассалю Марксъ резюмировалъ позднъе такимъ образомъ: Лассаль слишкомъ поддается вліянію даннаго момента. Онъ избираеть узкій исходный пунктъ, дълая центральнымъ пунктомъ своей агитаціи помощь государства въ противовъсъ самопомощи, проповъдывае-

мой карликомъ вродъ Шульце-Делича. Этимъ онъ возвращается къ паролю, который быль нъкогда выставленъ Бюшезомъ, главою католическаго соціализма во Франціи, въ противовъсъ дъйствительному рабочему движенію. Съ требованіемъ государственной помощи для ассоціацій Лассаль соединяеть чартистскій лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ не замъчаетъ при этомъ, что условія въ Германіи и Англіи различны и забываетъ также уроки, данные бонапартизмомъ относительно всеобщаго избирательнаго права. Онъ игнорируетъ естественную связь съ прежнимъ рабочимъ движеніемъ и впадаетъ въ ошибку Прудона, - искать реальную основу для своей агитаціи не въ дъйствительномъ классовомъ движеніи. Онъ предписываеть этому движенію опредвленный ходъ по доктринерскому рецепту и этимъ придаетъ своей агитаціп сектантскій характеръ.

Едва ли Лассаль не понималь всей тяжести этихъ возраженій. И если они все же не убъдили его, то, безъ сомнѣнія, потому, что онъ слишкомъ сильно поддался вліянію "непосредственныхъ условій момента" Затѣмъ оставался еще открытымъ вопросъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ эти условія по отношенію Германіи: Марксѣ или Лассаль, какъ это уже было во время кризиса 1859 года? А этотъ вопросъ сводился къдругому: какъ поведетъ прусская буржуазія свою борьбу съ королемъ и юнкерствомъ?

4. Политическое банкротство буржуван.

Когда Лассаль осенью 1862 года возвратился въ Берлинъ, прусская конституціонная борьба достигла своего апогея. 13-го октября правительство закрыло сессію ландтага. Передъ этимъ палата депутатовъ, ссылаясь на статью 99 конституціи, объявила несогласнымъ съ конституціей всякій расходъ правительства, категорически и окончательно отклоненный рѣшеніемъ палаты депутатовъ. Палата господъ отклонила бюд-

жетъ, принятый палатою депутатовъ, на что она имъла право, и приняла бюджеть, предложенный правительствомъ, что являлось открытымъ нарушеніемъ конституціи. Наконецъ, правительство заявило, что выводъ, сдъланный палатою депутатовъ изъ статьи 99 конституціи, не состоятелень; что ревизіонныя палаты ръшительно отказались толковать эту статью въ томъ смыслъ, въ какомъ теперь истолковала ее палата депутатовъ. По мненію правительства, при составлени конституціи быль оставлень открытымъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случав, если всв три законодательныхъ фактора не могутъ столковаться относительно того или другого законопроекта. И такъ какъ такой случай наступилъ теперь на практикъ, то правительство вынуждено во что бы то ни стало сохранить существующія государственныя учрежденія, другими словами, производить расходы на фактически проведенную военную реформу, хотя они и вычеркнуты палатой.

При этомъ Бисмаркъ нисколько не скрывалъ, что весь этоть конфликть нисколько не доставляеть ему: удовольствія. Какъ практически діловой человінь, онъ прекрасно понималъ, что ключъ отъ денежнаго мъшка находится въ рукахъ буржуваіи. Онъ имълъ противъ себя всю страну, а въ вопросахъ, о которыхъ собственно шла рвчь, не могъ даже опереться на короля и юнкерство. Какъ истый юнкеръ, онъ шелъ напроломъ, насколько это было въ его власти. Тогда, какъ и впослъдствіи онъ плохо сознаваль, что подобными вызовами онъ не ослаблялъ, а только лишь усиливалъ сопротивленіе, которое желалъ сломить. Въ то же время онъ пустилъ въ ходъ свои бонапартистскіе пріемы и въ одно и то же время показываль буржуваін сладкую и кислую физіономію. И вотъ, наконецъ, теперь противъ лассалевой "Программы работвиковъ" было поднято безсмысленное обвиненіе, будто бы она возбуждаеть въ неимущихъ классахъ открытую ненависть и презраніе къ имущимъ классамъ. Въ то же время среди пролетаріата появились темныя личности, которыя сумъли распространять волшебныя сказки о благоволенів королевско-прусскаго правительства къ рабочему классу. При всемъ томъ Бисмаркъ не скрывалъ, что желалъ бы лучше помириться съ буржуазіей сегодня, чъмъ завтра. "Онъ жаловался" на то, что ему приходится "вести государственное хозяйство безъ поддержки, предусмотрънной конституціей". Онъ неутомимо предлагалъ прогрессистской партіи компромиссы, которые, по его увъренію, составляють сущность всякаго конституціонализма. По его мнънію, конституція не разграничиваетъ правъ 3-хъ законодательныхъ факторовъ при установленіи бюджета, и имъ поневолъ приходится идти на взанмвыя уступки. И если одной части угодно въ силу своего "доктринерскаго абсолютизма" отвергать всякіе компромиссы, то другая часть, имъющая въ своихъ рукахъ власть, вынуждена поступать по своему, такъ какъ жизнь государства не можетъ въдь остановиться ни на одну минуту.

Что бы ни возражали противъ точки арвнія Бисмарка, она имъла одно несомнънное достоинство: онъ понималъ спорный вопросъ такъ, какимъ онъ въ дъйствительности быль, какъ реальный вопросъ силы. И что бы ни говорили въ пользу буржуваной оппозиціи, она страдала однимъ недостаткомъ: принимала спорный вопросъ за то, чъмъ онъ не быль: за формальный вопросъ права. Прогрессистская партія попрежнему продолжала кричать о конституціи. какъ о святынъ, которой грозить опасность, на которую дълается неслыханное покушеніе. Она выставляла прусскую конституцію ціломудренной дівой, надъ которой еще ни одинъ бюрократъ, ни одинъ юнкеръ не дълалъ насилія. Это, конечно, фикція, которая требовала еще болъе твердой въры, чъмъ догмать о пепорочномъ зачатіи Маріи. Рядомъ съ этимъ среди строптивой буржуазіи замівчалось теченіе, для котораго бисмаркова теорія компромисса звучала не такъ уже непріятно. Это теченіе господствовало не столько въ парламентскомъ авангардів буржуазіи, сколько въ политико-экономическихъ очагахъ ея, въ Національномъ Союзів и Конгрессів Экономистовъ. Правда, было ясно, что коль скоро рішеніе спора зависівло отъ силы, то при помощи компромисса нельзя было отвоевать ни малібішаго клочка политической власти. Но въ сферів матеріальныхъ интересовъ буржуазіи Бисмаркъ готовъ быль идти на широкія уступки, а это что-нибудь значило, при извістныхъ условіяхъ многое, а для значительной части буржуазіи—даже все.

Лассаль своей второю рёчью о сущности конституціи внесъ свёть въ эту путаницу. Онъ произнесъ ее впервые въ ноябрё 1862 года и затёмъ въ послёдующіе мёсяцы въ цёломъ рядё берлинскихъ окружныхъ ферейновъ подъ заглавіемъ: "Что же теперь?" Онъ могъ сослаться на то, что событія вполнё подтвердили теорію его первой рёчи о конституціи, что конституціонный конфликтъ, въ дёйствительности, оказался вопросомъ фактической силы. Но если теорія вёрна, то изъ нея должно вытекать и вёрное средство, которое обезпечиваетъ народу побёду. Такъ оно, дёйствительно, и есть.

Прежде всего необходимо правильно поставить вопросъ. Его ставять неправильно, если спращивають, какъ сохранить данную прусскую конституцію. На этоть вопросъ такъ же нельзя отвътить, какъ и на вопросъ, можеть ли гальванизація вновь оживить трупъ. Къ тому же народъ нисколько не заинтересовань въ сохраненіи прусской конституціи съ ея безчисленными задними выходами. Правильный вопросъ, который выдвигается конституціоннымъ конфликтомъ, гласить такъ: какимъ способомъ можно осуществить абсолютное право народа — право утвержденія бюджета, которое признано даже въ этой конституціи и

должно быть принято на всв времена во всв будущія конституціи?

Чтобы отвътить на этотъ вопросъ, Лассаль прежде всего показываеть, къ какимъ средствамъ не слъдуетъ прибъгать, какъ бы подходящими они ни казались на первый взглядъ. Такъ, иному покажется цълесообразнымъ отказъ отъ платежа налоговъ. Но это средство, превосходное для народа, который уже обладаеть реальною властью, который уже заняль крвпость, какъ англійскій народъ, совершенно не дійствительно по отношенію къ народу, у котораго имъется лишь писанная конституція и который только собирается занять кръпость, завоевать реальныя средства власти. Въ 1848 году теоретическое непониманіе этого вопроса погубило берлинское національное собраніе. Для народа, который лишь собирается завоевать реальныя средства власти, отказъ отъ уплаты податей имветь смысль только тогда, если цвль егораздуть всеобщее возстаніе; но при данныхъ условіяхъ эта цель сама собою падаеть. Правда, въ 1848 году возможно было побъдоносное возмущение и въ то время отказъ въ податяхъ былъ бы понятенъ, если бы берлинское національное собраніе послъдовательно шло дальше и декретировало бы національное возстаніе; но, какъ извъстно, этому помъщало придуманное Унру печальней памяти пассивное сопротивленіе.

Но если это средство неподходящее, то, во всякомъ случав, палата обладаеть неотразимымъ средствомъ для побъды. Она должна лишь высказать то, что фактически существуеть, другими словами—разрушить мнимый конституціонализмъ, безъ котораго абсолютизмъ не въ состояніи долго держаться. Абсолютизмъ хорошо знаеть, что общественная сила буржуазіи гораздо больше его силы; онъ хорошо знаеть, что онъ не можеть сидъть на штыкахъ. И какъ бы онъ вызывающе ни держался, но особеннаго удовольствія онъ не можеть ощущать среди этого шаткаго существованія и

въ ръзкой и открытой враждъ съ соотношениемъ общественныхъ силъ. И для того, чтобы возможно дольше продержаться, ему необходимъ этотъ мнимый конституціонализмъ.

Сущность мнимаго конституціонализма Лассаль объяснилъ въ следующихъ словахъ: "Абсолютизмъ провозглашаеть конституцію, въ которой онъ сводить право народа и его представителей къ ничтожному минимуму, не обезпеченному никакой реальной гарантіей, и благодаря которой онъ заранве отнимаеть у представителей народа отчасти охоту, отчасти возможность занять самостоятельное положение по отношению къ нему. Каждую попытку депутатовъ провести волю народа противъ правительства, онъ клеймить названіемъ "парламентскаго режима",--какъ будто на самомъ дълъ не въ "парламентскомъ режимъ" и только въ немъ одномъ заключается сущность всякаго истинно-конституціоннаго правительства. Наконецъ, про себя онъ ръшаеть, что если народное представительство всетаки сдълаетъ независимое постановленіе, несогласное съ волею правительства, то считать его какъ будто несостоявшимся, котя и съ соблюденіемъ внёшняго показного блеска конституціонныхъ формъ". Очевидно, что Лассаль срисоваль эту върную картину мнимаго конституціонализма съ прусскихъ порядковъ.

Такимъ образомъ, мнимый конституціонализмъ не составляєть пріобрѣтеніе для народа; наобороть, это пріобрѣтеніе абсолютизма и самое главное средство для продленія его существованія. Въ своей старой незамаскированной формѣ абсолютизмъ не въ силахъ долго выдерживать напряженія, вытекающаго изъ рѣзкаго и открытаго противорѣчія его со всѣмъ общественнымъ строемъ. И вотъ онъ прикрываетъ это противорѣчіе пустымъ призракомъ конституціонныхъ формъ, убаюкиваетъ, успокаиваетъ и парализуетъ его. Абсолютное и вѣрное средство противъ этой лжи и ея силы заключается въ разоблаченіи ея. Нужно заста-

вить правительство сбросить эту маску и формально передъ всъмъ міромъ показать себя тъмъ, что оно есть: абсолютнымъ правительствомъ. Поэтому палата, какъ только она соберется, должна согласиться на то, что правительство, несмотря на отказъ палаты въ утвержденіи расходовъ на военную реформу, продолжаеть все-таки эти расходы, и съ своей стороны постановить отстрочить свои засъданія на неопредъленное время, именно, до тъхъ поръ, пока правительство не представить доказательства, что оно не производить больше расходовъ, неутвержденныхъ палатою.

Этимъ правительство будеть побъждено. Если оно распустить палату, то новые депутаты будуть выбраны съ тъмъ же паролемъ, и новая палата въ самомъ же началъ подтвердить резолюцію старой. На въчныя времена правительство не можеть управлять безъ палаты; при взглядъ на Европу, мы видимъ повсюду государства съ конституціонными формами за исключеніемъ одной Россіи, гдъ существують также совершенно иныя общественныя отношенія. Даже бонапартистскій габсбургскій деспотизмъ не могъ обойтись безъ мнимаго конституціонализма. Такъ неужели же, именно, Пруссія съ ея славнымъ бюргерскимъ сословіемъ можетъ просуществовать безъ конституціонныхъ формъ? Это совершенно немыслимо. Въ такой открытой и постоянной борьбъ съ собственнымъ народомъ правительство не въ состояніи будеть вести никакой внішней политики, не подвергая себя при каждомъ осложненіи самымъ невыносимымъ и грубымъ толчкамъ со стороны другихъ правительствъ. Лассаль протестуетъ при этомъ противъ возможнаго обвиненія его въ томъ, что его разсужденія не патріотичны. Подобно естествоиспытателю, политикъ долженъ разсматривать все, что есть и, следовательно, взвешивать все действующія силы. Трудно даже сказать, на какой ступени варварства стоялъ бы до сихъ поръ міръ, если бы зависть и борьба правительствъ между собой не являлись бы

дъйствительнымъ средствомъ, вынуждающимъ ихъ къ внутреннему прогрессу. Къ тому же существованіе нъмцевъ не такъ уже непрочно, чтобы пораженіе ихъ правительствъ заключало въ себъ дъйствительную опасность для существованія націи. Въ крупной внъшней войнъ могли бы, конечно, погибнуть отдъльныя правительства саксонское, баварское, прусское, но изъ пепла ихъ возродился бы, какъ фениксъ—нъмецкій народъ.

Точно также парализуется правительство и внутри разрушеніемъ мнимаго конституціонализма. Лассаль бросилъ взглядъ на быстрый ростъ податного бремени и заключилъ отсюда, что правительство, которое вынуждено выдерживать подобный бюджеть и невольно запускать руку въ карманъ каждаго, должно, по крайней мъръ, дълать видъ, что оно имъетъ на это согласіе каждаго. Разоблачение того, что ость, онъ считалъ самымъ могущественнымъ политическимъ средствомъ, которому, какъ показалъ уже Фихте, старый Наполеонъ обязань быль своими великими успъхами. Всякій великій политическій актъ состоить въ произнесеніи того, что есть-и съ этого начинается. Наоборотъ, всякое политическое ничтожество, малодушіе заключается въ замалчивании и маскировании того, что есть. Съ этой точки арвнія Лассаль подвергаль жестокой критикъ довърчивость въ дни новой эры, когда "вожаки народной партіи" старались лицемърно убъдить правительство въ его конституціонализм'в, но этимъ только обманули народъ и проложили мнимому конституціонализму путь, по которому онъ и дошелъ до требованій военной реорганизаціи.

"Но,—заканчиваеть Лассаль, это отступленіе,—миръ прошлому! Но тімь ревностніе, тімь безпощадніве нужно сліднть въ настоящей тяжелой борьбів, чтобы народъ снова не лишень быль своихъ правъ, благодаря политикі лживаго прикрыванія. Избиратели путемъ непрерывной агитаціи должны принуждать депутемъ непрерывной агитаціи должны принуждать депутемъ

татовъ держаться этой тактики, которая одна обезпечиваетъ побъду. Отсрочкой палата не подчинить себъ правительство. Если первый безспорно конституціонный отказъ палаты будетъ растоптанъ ногами, то невозможно, чтобы второй или третій или четвертый отказъ постигла бы лучшая судьба. Это поведетъ лишь къ тому, что какъ правительство, такъ и народъ привыкнуть считать недъйствительными неудобныя ръшенія палаты. Еще хуже—если это только возможно—былъ бы компромиссъ. По тому обороту, который приняло дъло, на первомъ планъ стоитъ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекратить расходы, отвергнутые палатою? При такомъ положеніи дъла компромиссъ былъ бы не соглашеніемъ, а полнымъ отреченіемъ общества отъ своего права".

Въ заключение Лассаль доказывалъ, что предлагаемое имъ средство, во всякомъ случав, безвредно. Если оно не подъйствуетъ, то еще меньше подъйствуетъ уступчивое продолжение засъданий палаты. Оно дасть лишь правительству возможность продолжать комедію мнимаго конституціонализма, смущать народное сознаніе и, какъ всякая правительственная система, основанная на лжи, развращать нравственность народа. Вмъсть съ тьмъ, это средство безопасно. Для примъненія его требуется лишь пониманіе и энергія, но особеннаго мужества ненужно. Противъ бастующихъ депутатовъ ничего не подълаютъ ни прокуроры, ни суды. Въ худшемъ случав имъ придется отказаться на нъкоторое время отъ важности оффиціальнаго положенія. Возможно, что правительство будетъ нъкоторое время упорствовать, но это принесеть лишь пользу народу. И если оно впоследствіи уступить, то темь сильне будеть унижение его передъ народомъ, тъмъ въ большей мъръ оно должно будетъ признать превосходство надъ собою общественной силы бюргерства. "Но тогда, господа, никакихъ примирительныхъ комедій! Вы собрали теперь достаточный опыть, чтобы видёть, что такое старый абсолютизмъ. Никакихъ, слъдовательно, новыхъ компромиссовъ: рукою за горло и колъномъ въ грудь!"

Какъ извъстно, предложенная Лассалемъ тактика не была испробована на практикъ, и поэтому относительно ея много спорили. Но изъ возраженій, которыя она вызвала, около девяти десятыхъ разбиваются тъмъ, что критики не дали себъ труда правильно вникнуть въ мысли Лассаля. Особенно остроумно одно возраженіе, которое чаще всего встръчается, что конституціонный конфликть не помішаль Бисмарку вести побъдоносныя войны съ Даніей и Австріей. Конечно, Лассаль блестяще опровергнуть, если тактика, совершенно противоположная его предложенію, относительно которой онъ заранъе доказывалъ, что она отнюдь не парализуеть правительство, двиствительно не парализовала его. Этимъ критикамъ не мъщало бы немного подумать о томъ, почему Бисмаркъ, послъ того какъ 3-го іюня 1866 года реорганизованная армія разбила австрійско-саксонскую военную силу, а прусскіе избиратели разгромили парламентскую оппозицію, несмотря на сильнъйшее сопротивление юнкеровъ, все-таки просиль парламенть объ индемнитеть за управленіе безъ бюджета и свое желаніе обосноваль, главнымъ образомъ, соображеніями внёшней политики. Почти столь же остроумно другое соображеніе: если бы даже налата депутатовъ поступила въ смыслъ Лассаля, то у правительства оставался еще въ распоряжении весьма хорошо обставленный саппарать, чтобы при помощи распущеній, избирательныхъ маневровъ, административныхъ давленій всякаго рода усмирить, въ концъконцовъ, оппозицію, не переставая соблюдать мнимоконституціонную форму. Что такими мірами правительство въ состояніи еще на нікоторое время оттянуть свою капитуляцію, на это указываль самъ Лассаль въ различныхъ мъстахъ своей лекціи и справедливо видълъ въ этомъ еще одинъ лишній шансъ. Онтутверждаль только, что оппозиція, которая говорила такъ много громкихъ словъ, какъ тогдашняя прогрессистская партія, и которая, дъйствительно, имъла за себя всю страну, ве должна позволить такъ обращаться съ собой. Тъмъ хуже для прогрессистовъ, если они оказались не такими серьезными людьми, за какихъ принималъ ихъ Лассаль! Тъмъ болъе настоятельна была необходимость основанія рабочей партіи, которая за 40 лътъ доказала, что серьезная оппозиціонная партія выносить, не поддаваясь, и не такія вещи, какъ крайне мелочныя, въ концъ-концовъ, притъсненія, которыми допекалъ въ то время Бисмаркъ прогрессистскую партію.

Если оставить въ сторонъ подобныя близорукія возраженія, то намъ остается еще взвісить одно мивніе о тогдашней тактикъ Лассаля, и отъ того, будетъ ли это мненіе правильно или неть, отношеніе между Лассалемъ и прогрессистской партіей представятся въ совершенно иномъ свътъ. Изъ лагеря соціалистовъ шло мивніе, что Лассаль поступаль правильно, если нмълось въ виду вызвать революцію, на что у Лассаля, какъ у революціонера, имълось достаточно ръшимости. Но нельзя также обвинять прогрессистскую партію, если она отклонила предложение Лассаля, съ своей точки зрвнія считая революцію преждевременною или, вообще, не желая ея. Безъ революція въ непосредственномъ резервъ добровольный отказъ отъ парламентской трибуны имветь не больше значенія, чвмъ пресловутое пассивное сопротивленіе. Но такъ какъ Лассаль, слъдуя той же аргументаціи, отвергаль планъ отказа отъ уплаты податей, то нельзя допустить, чтобы онъ въ своемъ собственномъ предложения имълъ подобную заднюю мысль. Онъ утверждаль совершенно серьезно, что при тогдашнихъ условіяхъ революція была совершенно немыслима. Въ этомъ пунктв не - ом стинени ов віриського различія во мивніяхъ между нимъ и прогрессистскей партіей, такъ же какъ и

въ вопросъ объ отказъ отъ платежа налоговъ. Когда нъсколько позднъе ту же мысль затронулъ Іоганнъ Якоби, то Вальдекъ, самый видный вождь прогрессистской партіи, объяснилъ совершенно въ смыслъ Лассаля: для того, чтобы съ успъхомъ провести отказъ отъ податей, нужно обладать учрежденіями, какими въ свое время располагалъ Джонъ Гэмпденъ, т. е. возможностью протестовать передъ судомъ противъ насильственнаго взиманія налоговъ.

То, что предлагалъ Лассаль, оставалось совершенно на почев возможнаго для бюргеровъ и даже вполнъ согласовалось съ самою сущностью буржуваіи. Лассаль принадлежаль къ твмъ редкимъ людямъ. которые умъють читать исторію, и онъ требоваль не болъе того, что прусская буржуваія 40-хъ годовъ могла провести со сноснымъ успъхомъ и сносной выдержкой. Не было ничего особеннаго въ томъ требовании, чтобы Твестены и Вальдеки провели въ 60-хъ годахъ при несравненно болъе благопріятныхъ условіяхъ то, что сдълали Кампгаузены и Ганземаны въ 40-хъ годахъ. Тактика Лассаля можеть быть резюмирована въ слъдующемъ выразительно-популярномъ положеніи: онъ требоваль лишь, чтобы буржуваія обезоружила абсолютизмъ, лишивъ его доходовъ. Прусскій абсолютизмъ въ своей незамаскированной формъ искони пользовался на европейскомъ денежномъ рынкв до огорченія ничтожнымъ кредитомъ. "Эти господа, т. е. европейскіе финансовые короли,-писаль нъсколько лъть спустя Энгельсъ, учитывають только векселя съ 3-мя подписями, и если рядомъ съ правительствомъ подписывается только палата господъ, безъ палаты депутатовъ, или палата депутатовъ, состоящая изъ маріонетокъ, -- то они не признають такого векселя и отказываются отъ сдълки". Въ этомъ-то и заключалась сущность лассалева предложенія, и, следуя пути, намеченному Лассалемъ, буржуваія могла, такъ сказать, съ математическою точностью заставить абсолютизмъ капитулировать.

Но если бы даже не было такой увъренности, то Лассаль имъдъ право сказать, что и тогда планъ его все-таки болъе соотвътствуеть интересамъ бюргерской оппозиціи, нежели противоположная тактика. Самое убъдительное доказательство этого можно представить, исходя отъ противнаго. Печальныя последствія, которыя предсказываль Лассаль отъ продолженія засъданій палаты, дословно подтвердились. Парламентское бюджетное право сдълалось совершенно иллюзорнымъ въ силу того, что палата депутатовъ вообразила, что вторымъ, тротьимъ, и четвертымъ отклоненіемъ ова можеть сломить сопротивленіе правительства первому отклоненію. Какъ пророчиль Лассаль, это повело лишь къ тому, что пріучило смотръть на неудобныя ръшенія палаты, какъ на не существующія. Г. В. Опенгеймъ, неизмънный спутникъ Руге съ 1848 года, а во время конституціоннаго конфликта издатель "Deutsche Jahrbücher", который прогрессистеная партія признавала своимъ, такъ сказать, "научнымъ" органомъ, пишеть по этому поводу: "Вскоръ обсуждение бюджета превратилось въ пустую и почти смъщную работу, такъ какъ въ другихъ областяхъ, не считая уже военнаго бюджета, правительство перестало обращать вниманія на вычеркиваніе второй палаты (напр., по поводу секретныхъ фондовъ), а палата господъ и безъ того отвергала исправленный бюджеть и возстановляла правительственный проектъ, завъдомо нарушая этимъ конституцію. Подобное отношеніе должно было вредно отразиться, подрывая серьезность самыхъ дебатовъ. Самая реальная функція государственной жизни была низведена на степень пустой демонстраціи. Въ этой фикціи менмаго выполненія парламентарныхъ функцій заходили все дальше и дальше и нисколько не стъснялись высказывать министерской скамьъ, которая относилась съ такимъ грубымъ призрвніемъ къ палать и съ которою находились въ открытой враждъ,--свои желанія и надежды, безпрерывно подавать ей

петиціи для свъдънія и соображенія и даже рекомендовать мъры къ устраненію золъ".

Думали, что палата можеть въ отомъ ноложеніи оградить себя оть "униженія и осмѣянія", прибѣгнувъ къ "наивному формализму", къ юридической фикціи, состоящей въ настойчивомъ предложеніи правильной парламентской дѣятельности; они думали, что отимъ она можетъ выпутаться изъ внутреннихъ противорѣчій существованія, правовыя основы котораго безпрерывно подвергались насильственному нарушенію.

Не прошло и года, какъ болве серьезныя и глубокія натуры въ рядахъ буржуазной оппозиціи возмутились поведеніемъ прогрессистской партіи, которая мнила себя въ зеркалъ своихъ безсильныхъ протестовъ и резолюцій гигантомъ, кулакъ котораго ломаетъ прусскіе штыки, какъ соломинки. Политикою прогрессистовъ, болъе или менъе сильно, возмущались не только тв, которые сознательно пережили 1848 годъ, какъ Бухеръ, Якоби, Родбертусъ, Циглеръ, но также болье молодыя силы. Такъ Альберть Ланге очень скоро пришель къ убъжденію, что прогрессистская партія отступаеть передъ тъмъ, что собственно составляеть самую суть конфликта, - передъ борьбой съ короною. Генрихъ фонъ-Трейчке подъ львиными шкурами прогрессистскихъ народныхъ трибуновъ открылъ самыхъ мирныхъ обывателей, которые завтра постановять учрежденіе комитета общественнаго спасенія, а послѣзавтра будутъ съ спокойствіемъ мудрецовъ сажать свою капусту, платить налоги и снимать шляпу передъ фельдъегеремъ. Не прошло еще и 2-хъ лътъ, какъ болъе радикальные органы прогрессистской наріи, "Рейнская Газета" и "Берлинская Реформа", сухо заявили: "Намъ надобли торжественные протесты. Болтовня и безконечныя резолюціи не приведуть въ движеніе во всей Германіи ни одного сухого листика". Даже органы ходячаго либерализма, какъ "Элберфельдская Газета" и "Бреславская Газета", посмъивались

"фразерами, которые обыкновенно не знаютъ даже, что скажуть въ тотъ моменть, когда они съ трескомъ всходять на излюбленную ораторскую трибуну". Лассаль далеко не быль одинокъ въ своей критикъ прогрессистской партіи. Онъ лишь лучше другихъ видълъ обманъ и дълалъ лишь то, что при подобныхъ обстоятельствахъ диктовала необходимость историческаго прогресса: онъ старался освободить рабочій классь отъ следованія за этой веселой буржуваной партіей. Другіе критики дълали необходимое поздно и съ колебаніями, какъ, напр., Якоби и Ланге, или же, въ концъ-концовъ, застряли въ прогрессистскомъ болоть, какъ Циглеръ, или, наконецъ, переходили, какъ Бухеръ, Родбертусъ и Трейчке, на сторону Бисмарка, который, по крайней мёрё, готовъ быль дать имъ объединеніе, хотя бы въ скромныхъ размърахъ.

Предложение Лассаля было довольно ясно, чтобы, по крайней мірь, смутить берлинских избирателей и даже парламентскую фракцію прогрессистской партіи; на этотъ разъ нельзя было ограничиться замалчиваніемъ. 10-го января "Народная Газета" открыла пушечную пальбу противъ Лассаля. Хотя имя его прямо не называлось, но зато она была темъ более злобна въ своихъ безсодержательныхъ по существу нападеніяхъ и, вмъсть съ тьмъ, не скрывала тревоги, что Лассаль будеть на этоть разъ охотно услышань. И двиствительно, когда 13 января 1863 года собрался ландтагъ, то восточно-прусскій депутатъ Мартини внесъ предложеніе Лассаля на обсужденіе фракцін прогрессистской партіи и, по крайней мірь, въ теченіе ніжотораго времени мивнія колебались. Въ пользу этого ясно говорить то обстоятельство, что "Реформа" и "Фоссова Газета" помъстили у себя 13-го и 15-го января резкія возраженія Лассаля на нападки "Народной Газеты" и точно также напечатали въ очень благоиріятномъ для Лассаля дукв отчеть о бурномъ судебномъ засъданіи, въ которомъ разбирался 16-го января процессъ противъ него по поводу "Программы работниковъ". Тъмъ не менъе фракція, все же, въ концъ-концовъ, отвергла предложеніе Мартини всъми голосами противъ одного голоса докладчика, который послъ этого сложилъ съ себя депутатскія полномочія, представивъ соотвътственную мотивировку. Когда 27-го января графъ Шверинъ, извративъ явно смыслъ заявленія, сдъланнаго Бисмаркомъ въ палатъ депутатовъ, выразился, что въ Пруссіи право всегда идетъ впереди силы, а не сила впереди право, то прогрессистская партія привътствовала эту тираду, трижды безсмысленную въ устахъ графа Шверина, безкорыстиымъ ликованіемъ. Этимъ она показала, что готова, закусивъ удила, летъть галопомъ навстръчу своей гибели.

Причины, побуждавшія прогрессистскую партію отклонить предложеніе Лассаля, были разнообразнаго характера, но, въ общемъ, могуть быть сведены въ три группы. Во-первыхъ, противъ него возсталъ руками и ногами парламентскій кретинизмъ. Лассаль хорошо зналъ папенгеймцевъ, когда въ своей рѣчи говорилъ прогрессистскимъ депутатамъ, что его тактика не представляеть никакой опасности для жизни и что единственная жертва, которой онъ отъ нихъ требуетъ-временный отказъ отъ оффиціальнаго положенія-не такъ уже тяжела. Но для честныхъ посредственностей, которыми кишъла прогрессистская партія, именно, это оффиціальное положеніе составляло все, и они никакъ не могли согласиться, чтобы "господинъ Лассаль" посягнулъ на это сокровище. Къ сожалънію, они нашли сильную поддержку въ Вальдекъ, завитой хохолъ котораго прогрессистская пресса называла "султаномъ на нілем'в демократіи". Со времени своего процесса 1849 года по обвиненію въ государственной измънъ, Вальдекъ быль самый популярный человъкъ, именно, въ болве радикальныхъ кругахъ мелкой буржуазіи, отъ которой скоръе всего можно было ожидать сочувствія предложенію Лассаля. Но, съ другой стороны,

именно, этотъ процессъ нанесъ королевско-прусскому демократу Вальдеку рану, которая никогда не могла вполнъ зажить. И острая боль, причиняемая ею, вскоръ заглушила первоначальныя сомнёнія въ правильности прогрессистской политики. Если Вальдекъ въ 1848 г. парламентское полномочіе въ какое-то превратилъ первосвященство, то теперь онъ предостерегаль фракцію съ ревностнымъ недовъріемъ отъ всякаго вліянія извнъ и требовалъ, наоборотъ, чтобы депутатъ внъ палаты не развиваль никакой открытой политической дъятельности. Вальдекъ ръшительнъе, чъмъ кто-либо, объявиль: мы будемъ продолжать наши засъданія, не заботясь о последствіяхь; предоставимь это Богу и народу. Конечно, это было верхомъ парламентскаго кретинизма: сперва герметически замкнуться отъ народа, а затъмъ объявить народъ высшей инстанціей. которая должна отвъчать за всъ глупости своихъ представителей. Но Вальдекъ быль все же въ своемъ родъ честнымъ человъкомъ, и впослъдствіи, невзирая на свою олимпійскую самоувъренность, онъ съ горечью признавался, что прогрессистская партія сдівлала тяжелую ошибку, принявъ "господина Лассаля" за глупаго малаго.

Вторая, глубже коренящаяся причина, дълавшая прогрессистскую партію глухою къ предложенію Лассаля, была самая натура этой партіи, склонная къ компромиссамъ. Она гордилась, именно, тъмъ, что соединяеть въ одну "сомкнутую фалангу" всв элементы оппозиціи "отъ Беккера до Шверина". Жаль лишь, что дорога, по которой могли бы идти бокъ-о-бокъ, бывшій коммунисть Беккерь и настоящій монархисть Шверинъ. лежала въ несуществующемъ царствъ. Лассаль справедливо сказаль, что его тактика требуеть-если не особенной храбрости, то, во всякомъ случав, энергіи и яснаго пониманія, т. е. качествъ, когорыми не могла похвалиться прогрессистская партія. По мъткому выражению Альберта Ланге, пресловутая

"сомкнутость" этой партін заключалась въ томъ, что лучшіе элементы ея взаимно нейтрализовались. Прогрессистская партія хитро утверждала, что Лассаль проповъдуетъ ничегонедъланіе въ то время, какъ великіе представители ея желають практически дійствовать. Но отъ этого нисколько не изм вняется тотъ фактъ, что прогрессистская помъсь не могла возвыситься до настоящаго дъла, котораго требовалъ отъ нея Лассаль, и что безконечная болтовия ея сводилась къ пустому ничего недъланію. Для того, чтобы собрать вокругь одного знамени всю эту разношерстную толну прогрессистская партія въ рішительныя минуты свертывала это знамя и благодаря такой "неуклонности" все больше уклонялась отъ прямого пути и все глубже погружалась въ трясину. При видъ такого постояннаго отступленія вдвойнъ комично звучало увъреніе вожаковъ, что они способны на самые смълые, геройскіе подвиги, но что народъ еще недостаточно "созрълъ" для правильной оцънки подобныхъ подвиговъ.

Но третій и самый сильный аргументь, который могла выставить противъ Лассаля прогрессистская партія, хотя по понятной причинъ она не особенно объ этомъ распространялась, былъ-классовая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ. Между буржуазіей 40-хъ годовъ и буржуазіей 60-хъ годовъ лежали революціонные зачатки пролетаріата. Хотя предложение Лассаля было неуязвимо, именно, съ буржуваной точки арвнія, но все же оно раскрывало вопросъ о прусской конституціи во всей ея совокупности и требовало возстановленія правъ, отнятыхъ не только у буржуазіи, но также и у пролетаріата. Однако, прогрессисты даже во сет не помышляли возвратить рабочимъ права, которыя обманнымъ образомъ отняла у нихъ самодержавно-феодальная контръ-революція. Прусская конституція была мила ихъ сердцу, именно, благодаря отнятію этихъ правъ, и презрительный тонъ, съ которымъ говорилъ Лассаль объ этомъ "обрывкъ знамени", его открытое заявленіе, что танецъ съ абсолютизмомъ долженъ быть повторенъ съ самаго начала, вселяли непреодолимый ужасъ во всъ буржуазныя сердца.

Настоящую контръ-строфу въ отвътъ на лассалеву строфу пропълъ Унру. Въ то самое время, когда Лассаль произнесъ свою ръчь 22 декабря 1862 года, онъ во главъ депутаціи поднесь прогрессистскимъ депутатамъ Берлина благодарственный адресъ, покрытый 40 тысячами подписей. При этомъ Унру сказалъ: "Если бы наши противники не пожелали забыть или замолчать, что нашъ теперещній избирательный законъ ведеть свое начало отъ мая 1849 года, т. е. отъ того времени когда Національное Собраніе 1848 года было разогнано и вторая палата, избранная на основаніи всеобщаго избирательнаго права въ январъ 1849 года была распущена въ апрълъ того же года. Въ то время реакція побъдила на всъхъ пунктахъ. Избирательный законъ не былъ плодомъ постановленій палаты, но былъ изданъ по королевскому указу при министерствъ Мантейфеля, которымъ и были устранены оба названныхъ народныхъ представительства. Двъ трети выборщиковъ избираются первымъ и вторымъ классами гражданъ, платящими наибольшіе прямые налоги и составляющими вмъсть едва десятую часть всъхъ избирателей. И въ рукахъ этого меньшинства, исходящаго отъ богатыхъ и зажиточныхъ гражданъ, исходъ выборовъ. И если палата депутатовъ, созданная подобными выборами, все же имъла за себя не только имущіе классы, но и менве достаточные и даже ту часть населенія, которая живеть отъ трудовъ рукъ своихъ, то это воочію доказываеть ръдкое единодушіе, объединяющее все населеніе". Пока Унру разсуждаетъ корошо. И можно было бы ожидать, дальше онъ скажетъ: "Если пролетаріатъ такъ храбро заступается за нарушенное бюджетное право буржуазін, то и буржуазія въ свою очередь должна столь же

храбро вступиться за поправное избирательное право пролетаріата". Но ничуть не бывало! Такъ какъ Вагенеръ и другіе реакціонеры продолжали тогда заигрывать съ идеей всеобщаго избирательнаго права для того, чтобы запугать буржуазію, то Унру продолжаль: "Согласно ясному смыслу статьи 115 конституціи, по дтвержденной присягою, избирательный законъ отъ 30 мая 1849 года — указъ, который октроировалъ трехлассную систему выборовъ и который самъ Унру призналъ незаконнымъ — сталъ нераздъльною частью конституціи. Следовательно, всякое измененіе закона о выборахъ путемъ указовъ несомнино составляетъ нарушеніе конституціи. Мы не можемъ допустить, чтобы правительство одобрило шагъ, столь тяжелый для правосознанія и могущества Пруссіи въ отношеніи совершенно спокойнаго народа, твердо придерживающагося законовъ. И мы твердо убъждены, что его величество не послъдовалъ бы такому совъту". Тертый дівлець и твердый руководитель оппозиціи, какимъ былъ Унру, становится здёсь мистикомъ, передъ восторженными виденіями котораго бледнееть вся реакціонная романтика. Присяга, которую даеть "королевское величество", превращаеть право въ неправду такъ же, какъ и неправду въ право. Всеобщее избирательное право существовало по праву, но было несправедливо устранено трехклассной системой выборовъ. Но такъ какъ "его королевское величество" своей присягой превратиль неправду трехклассной системы выборовъ въ право, то всеобщее избирательное право, существующее по праву, должно примириться съ ролью неправды. Если бы ръчь Унру не лежала передъ нами дословно въ тогдашнихъ прогрессивныхъ газетахъ, и если бы черезъ нъсколько десятковъ лъть онъ не сохранили влагу отъ слезъ умиленія, пролитыхъ надъ нею народными представителями, къ которымъ она была обращена, -- то можно было бы принять ее за сатиру, сочиненную необычайно злостнымъ сатирикомъ

на тогдашнюю политику прогрессистской партіи. Но въ дъйствительности то была не сатира, а скоръе воцль, вырвавшійся изъ глубины души буржуазіи.

Въ то же время она показала, что предложение Лассаля не могло бы быть принято и въ томъ случав, если бы прогрессистская партія была проникнута ясными принципами и не заражена парламентскимъ кретинизмомъ. Вуржуазія желала вести конституціонный конфликть съ помощью пролетаріата настолько лишь, насколько это соотвътствовало ея одностороннимъ классовымъ интересамъ и ни на волосъ дальше. Она скоръе была готова на соглашение съ "его королевскимъ величествомъ", нежели предоставить рабочимъ долю въ ожидаемой отъ побъды добычъ. Классъ, "живущій отъ трудовъ рукъ своихъ", долженъ былъ тащить каштаны изъ огня для имущаго класса, а затвиъ убраться, какъ это подобало "мавру, исполнившему свой долгъ".

Лассаль до последняго момента оставляль дверь открытою для буржуваіи. Еще въ своей судебной річи, произнесенной 16-го января, онъ объяснялъ: "Буржуазія и рабочіе-всь мы члены одного народа и вполнъ единодушны противъ нашихъ общихъ угнетателей". Не такъ поступила прогрессистская партія. Постановивъ свое ръшеніе, она старалась дискредитировать передъ избирателями предложение Лассаля наполовину злобными, наполовину ребяческими выдумками, что Лассаль будто бы дъйствуетъ заодно съ Висмаркомъ и требуеть, чтобы сила шла впереди права. Лассаль пытался защитить себя отъ такого недостойнаго подоэрвнія, но теперь даже "Берлинская Реформа" и "Фоссова Гавета" закрыли передъ нимъ свои столбцы. "Зажать роть, замалчивать, подавлять все, что не подходить къ жалкимъ идеямъ прогрессистской партіи" -такова стала отнынъ по горькому и справедливому замъчанію Лассаля тактика буржувзін и ея органовъ. Онъ старался помочь себъ тъмъ, что напечаталъ протестъ, въ помъщении котораго отказали ему названныя газеты, въ видъ самостоятельнаго летучаго листка, подъ названіемъ: "Сила и право". Ему было, конечно, негко доказать, что историческое изследование не то же самое, что трактать о нравственности. Онъ доказываль лишь, что и почему сила предшествуеть праву, что такъ оно есть; но онъ ни однимъ словомъ не касался при этомъ совершенно другого вопроса, что должно быть по его субъективному сознанію. Онъ всецъло соглашается съ графомъ Шверинымъ и "Народной Газетой", что право должно бы предшествовать силь, но говорить о правъ имъетъ право только старая демократія, которая никогда не вступала въ компромиссы съ силою. За графомъ Шверинымъ, господиномъ фонъ-Унру и "Народной Газетой" онъ не признаетъ такого права, потому что они участвовали сами въ цъломъ рядъ правонарушеній, прикрашивали ихъ или заднимъ числомъ одобряли. Принося въ жертву право, они надъялись добыть въ этой сдълкъ частицы силы, но, какъ и следуеть, не получили отъ силы ничего, кромъ пинковъ.

Такова уже судьба всякой изміннической политики, что сильнъе всего страдають отъ нея ея же главные виновники. Такъ было и въ данномъ случав. Коль скоро прогрессистская партія желала смотръть на конституціонный конфликть не какъ на историческій вопрось силы, а какъ на формальный вопрось права, то она должна была вернуться къ апръльскимъ законамъ 1848 года; правда, эти законы представляли лишь буржуазное право, наскоро сотканное для того. чтобы вырвать у пролетаріата плоды мартовской ревомюціи. Марксъ отвергъ ихъеще въ 1849 году съ своей революціонной точки эрвнія, а Лассаль ссылался на нихъ впоследствій для того только, чтобы иллюстрировать непоследовательность прогрессистской партіи. Но съ точки арфнія прогрессистской партіи эти законы, и только они одни, олицетворяли формальное право. То

что послѣдовало за ними, распущеніе національнаго собранія, октроированіе конституціи и трехклассной системы выборовъ, представляло лишь рядъ противозаконныхъ государственныхъ переворотовъ, которые не могли стать формальнымъ правомъ и послѣ одобренія со стороны палаты, избранной на основаніи не согласной съ правомъ, трехклассной системы выборовъ. Съ формальной правовой точки зрѣнія, прусская конституція, какъ впослѣдствіи неоднократно доказывалъ Лассаль, не просуществовала ни одного дня на основанія права.

Но прогрессистская партія не желала возвратиться къ законамъ 6 и 8 апръля, хотя бы эти законы самымъ несомнённымъ образомъ закрёпляли бюджетное право народнаго представительства. Она не желала этого потому, что тв же законы, вмвств съ тьмъ, закръпляли также всеобщее, хотя и не прямое, избирательное право; они закрвпляли также неограниченную свободу печати и собраній; прогрессистская же партія разъ навсегда не желала касаться грубаго насилія, совершеннаго контръ-революціей въ отношеніи рабочаго класса. Ея несчастье состояло въ томъ, что она сама отръзала подъ собою излюбленную правовую почву, судорожно цъпляясь за нее, чтобы обмануть пролетаріать. Въ прусской конституціи въ ея настоящемъ видъ, какъ она была принята ревизіонными палатами и подтверждена присягою короля, действительно, существоваль тоть "пробъль", которымь Бесмаркъ уплатилъ теоретическіе расходы по конституціонному конфликту. Если руководиться смысломъ и буквой прусской конституціи, то бюджетное право палаты депутатовъ было столь же сомнительно, сколько оно представлялось неприкосновеннымъ по закону 6 апръля 1848 года. Ревизіонныя падаты категорически отвергли толкованіе статьи 99 конституціи въ смыслъ этого закона. Онъ умышленно оставили открытымъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случав, если

З законодательных рактора не смогуть придти къ соглашенію относительно бюджетнаго закона. Опираясь на прусскую конституцію, Бисмаркъ въ правъ быль сказать, что его управленіе безъ бюджета хотя и не согласно съ конституціей, но и не противоръчить конституціи. "Право", которымъ буржуазія намъревалась провести пролетаріать, было чистой прибылью для абсолютизма.

Такъ прусская и, что исторически одно и то же, нъмецкая буржуазія во второй и послъдній разъ доказала свое политическое банкротство. Изъ страха передъ пролетаріатомъ она снова уклонилась отъ ръшительной борьбы съ короною и юнкерствомъ. И какими бы громкими фразами она ни пыталась обмануть себя насчеть последствій своей политики, но эти послъдствія не преминули съ точностью наступить. Прошло 40 льтъ съ тъхъ поръ, какъ нъмецкая буржуваія отказалась отъ борьбы за политическое господство. Она удовлетворилась твмъ, что съ безстыднымъ эгоизмомъ отстаивала лишь матеріальные интересы своего класса и развъ еще хитростью или лестью пыталась отвоевать у короны и юнкерства скромную частичку политической власти. И если кому-либо изъ ея среды удавалось пробраться въ министерство, то онъ считалъ своей высшей задачей быть върноподданнъйшимъ слугою короля, а въ случав надобности даже юнкерства. Блестящій примірь этого рода представляеть Микель, который несомнённо принадлежить въ политическомъ отношения къ наиболъе выдающимся представителямъ нъмецкой буржуазіи.

Такой ходъ событій не былъ для Лассаля неожиданностью. Но это нисколько не умаляеть политики, которой онъ послёдовательно и твердо держался до тёхъ поръ — идти, пока возможно, рука объ руку съ буржуазіей. Самостоятельная политика рабочаго класса имёла оправданіе лишь съ того момента, какъ буржуазія доказала свою неспособность покончить съ аосолютизмомъ и феодализмомъ; когда она прямо высказала нежеланіе выполнить свою историческую задачу и пожелала рука объ руку съ абсолютизмомъ и феодализмомъ угнетать рабочій классъ. Сами факты наложили печать на политику Лассаля: въ тогъ моментъ, когда буржуазія сорвала послѣднее покрывало съ своего внутренняго существа, раздались первые голоса изъ среды рабочаго класса, которые объявили себя готовыми и способными сдѣлать то, что стало отнынѣ историческимъ правомъ и историческимъ долгомъ этого класса.

Когда нъмецкая буржуван оказалась политически несостоятельной и отвергла права народа, нъмецкій пролетаріать вступился за эти права и заявиль свои притязанія на политическое господство.

№ 11.

Гражданское право и неимущіе классы населенія.

Сочиненіе А. Менгера.

Переводъ съ 2-го исправл. и дополи. яѣмецкаго изданія д-ра Я. А. Лурье.

Хота съ основу инстоящила труда положена приниска Граженискаго Уложенъя Германіи, но она имъетъ такое же значенъе и для другижь странь, такь какъ германское Уложенъ закое елужить только образионъ. Разбирая главу за главой, парагрифъ за параграфомъ, авторъ новавываеть, насколько существутиее гражданское право не соотвеществуеть интересаль неимущить плассовъ и кикъ мало принимаются во вниванів эти интересы законодателень. Строгая ноучность порядичесь разбора выгодно сочетается здюсь съ живымъ конулярнымъ изложеніскъ, чимъ и объясняется тать фактъ, что эта книга переведена почти на всы веропейскіе языки.

Цтна 45 коп., въ изящномъ переплетт 57 коп.

Nº 12.

Шарль Фурье.

Его жизнь и ученіе.

Сочиненіе Авг. Бебеля.

Нереводъ съ пъмецкато В. Лаврова.

Фурке — обинь ист. Повных представителен утот селиго сост. эмема, предсчествовавшаго современному каусному социализму. Учете Фурке представленть собой законченную систему социалистическиго устройстви обществу. Сильним сл. т., пона — критика существующого порячка Вальной книгь знаменитый вожаь германской вочіаль-демократіи дастлівитяму о харсятеристику этого замъчательнаго человъка и плагасть гла ученів въ связи съ эканомичестими и политическими условіями сле времени.

Цѣна 42 коп., въ изящномъ переплетѣ 54 коп.

Тинография Г-на "Просидшене". С. Петербургъ, 7.рога, с. д. № 29.